ВЛАДИМИР ТУБОЛЕВ

ОДИНОЧНЫЙ ПОЛЕТ

В память о встрече
с юными интернационалистами
школы № 99 г. Свердловска.

18 февраля 1975 года

ВЛАДИМИР ТУБОЛЕВ

ОДИНОЧНЫЙ ПОЛЕТ

ПОВЕСТИ

Свердловск. Средне-Уральское Книжное Издательство. 1974

Р 2
Т 82

Т $\frac{0732-046}{М 158(03)-74}$

ОБ АВТОРЕ

Когда лет пять назад Владимир Туболев принес в «Урал» свою первую повесть о летчиках, сотрудники журнала дали рукопись на отзыв одному опытному авиатору. Повесть летчику понравилась, и, возвращая ее в редакцию, он поинтересовался: «А этому Туболеву, наверно, уже под пятьдесят? Видно по рукописи, что летал с начала войны...» И очень удивился, услышав, что в начале войны автору было всего четыре года.

Да, сыну погибшего на фронте колхозного кузнеца Володе Туболеву шел пятый год, когда в его родную деревню Кулешовку на Могилевщине ворвались фашисты. А в шесть лет его поставили к стенке. Нет, то был не расстрел. Просто солдаты в серо-зеленых мундирах решили «сделать внушение» крестьянке, которая осмелилась протестовать, когда из амбара выгребали последние припасы. Мать и сына поставили у опустошенного амбара и «милостиво» дали автоматную очередь поверх голов...

Потом было освобождение. Школьные годы в разоренной фашистским нашествием деревне. Десятилетка, куда приходилось ездить, а чаще ходить пешком за двенадцать километров. И две мечты, два одинаково заветных стремления: авиация и литература.

В 1958 году Владимир Туболев окончил штурманское училище. Но обстоятельства сложились так, что летать ему тогда не пришлось. Молодой штурман стал литсотрудником районной газеты в Челябинской области, а вскоре поступил на факультет журналистики Уральского госуниверситета.

Первый рассказ Туболева «На боевом курсе», написанный еще в училище, был напечатан в газете «Красный боец» в 1959 году. В основу этой истории о пилоте, лишившемся в бою глаз, но сумевшем привести самолет на базу, легли и рассказы летчиков-фронтовиков, с которыми часто приходилось встре-

чаться курсанту Туболеау, и собственные летные впечатления автора.

В сущности, рассказ «На боевом курсе» и явился зародышем повести «Одиночный полет». Но писать ее Туболев начал лишь десять лет спустя, когда после окончания университета работал в газете «Тагильский рабочий». К зтому аремени он был уже аатором даух повестей — «Бунт» и «Чужое небо».

Историческая поаесть «Бунт», посвященная аосстанию крепостных работных людей старого Тагила, стала первой книгой Владимира Туболеаа: она вышла в Свердлоаске в 1972 году. Читатели астретили книгу с интересом. Но когда через несколько месяцев аатора — теперь уже работаашего в Саердлоаске — принимали а Союз писателей, асе выступавшие говорили, что гораздо больший интерес представляют повести Туболеаа о летчиках — «Чужое небо» и «Одиночный полет». Опубликованные в журнале «Урал», они издаются сейчас отдельной книгой.

Наверно, читатель сразу заметит, что у капитана Добруша и капитана Грабаря — главных героев зтих двух столь разных по сюжету поаестей — есть немало общего. Общее не только в том, что оба они, так же как и аатор, родом из Белоруссии, что оба — уже немолодые, опытные летчики, суровые и немногословные труженики войны.

Добруш и Грабарь — герои в самом полном смысле зтого слова, хотя идеальными их никак не назоаешь. Окружающим порой нелегко с ними; они бывают резки, грубоваты и, как все смертные, не гарантированы от ошибок. Но зто — люди повышенной надежности. Люди несгибаемой воли и спокойного стального мужества, умеющие побеждать даже а самых, казалось бы, безвыходных ситуациях.

...Часто приходится видеть, как молодые литераторы, став членами Союза писателей, спешат профессионализироваться, целиком уйти в литературную работу. А у Туболева получилось наоборот: едаа приняли его в Союз, как он тут же сменил саой стол в редакции газеты — на кабину самолета. Сейчас он — штурман Уральского управления Гражданской авиации.

Недаром с детстаа были нераздельны эти две мечты — авиация и литература.

ОДИНОЧНЫЙ ПОЛЕТ

11 августа 1942 года двухмоторный бомбардировщик № 33 из 127-го авиаполка взлетел с прифронтового аэродрома и взял курс на запад. Экипаж самолета состоял из трех человек. Пилот — капитан Добруш Василь Николаевич, белорус, женат, сорока лет, беспартийный, кадровый военный. Штурман — капитан Назаров Алексей Иванович, русский, женат, тридцати двух лет, член партии, кадровый военный. Стрелок-радист — сержант Кузнецов Сергей Павлович, русский, холост, девятнадцати лет, комсомолец, в армию призван в 1941 году.

Самолет имел две пулеметные установки и нес 900 килограммов бомб. Он миновал линию фронта и прошел над Белоруссией. Люди, сидевшие в нем, обхитрили противника при переходе линии фронта. Они прорвались сквозь расставленные почти по всему маршруту ловушки: аэродромы истребителей, зенитную артиллерию, аэростаты заграждения. Они скрылись в облаках от увязавшихся за ними возле Минска истребителей. Они стороной обошли Сувалки — там их ждали эрликоны. Они пять часов выдерживали нечеловеческое напряжение ночного полета, когда только фосфоресцирующий свет приборов да зеленоватые точки звезд служили им ориентирами, а единственной связью с окружающим миром был гул бомбардировщика, ставший почти осязаемым, и вторглись в воздушное пространство Германии.

1

— Командир, курс двести семьдесят,— раздается в наушниках голос штурмана.

Пилот разлепляет губы.

— Понял. Двести семьдесят.

Он едва ощутимо давит кончиками пальцев на штурвал. Самолет медленно кренится, потом так же медленно выравнивается и застывает.

— Есть. Взял двести семьдесят.

Пилот сидит так же неподвижно, глядя немигающим взглядом на большую зеленоватую звезду над обрезом кабины. Лицо его холодно и спокойно.

— Штурман, у вас все в порядке?

— Все в порядке, командир.

— Стрелок, у вас все в порядке?

— Как сказать, командир... Я думаю, все в порядке.

— Вы думаете, или у вас на самом деле все в порядке?

— За нами идет самолет неизвестной принадлежности.

Летчик сдвигает брови.

— Далеко?

— Четыреста метров.

— Давно он идет за нами?

— Полторы минуты, командир.

— Почему не сообщили мне об этом сразу?

— Я думаю...

— Стрелок, меня не интересует, что вы думаете. Ваша обязанность — немедленно докладывать мне об изменении воздушной обстановки. Вы поняли?

— Так точно, командир. Но обстановка не меняется. Я все время держу его в прицеле. Если он вздумает безобразничать...

— Стрелок, прекратите болтовню. С таким же успехом и он нас может держать в прицеле.

Стрелок обижается.

— Да нет, командир, он идет с огнями. Я подумал, что не стоит вас беспокоить лишний раз... Пока он держится вполне прилично.

Пилот шумно выдыхает, но сдерживается:

— Ладно. Благодарю за заботу о моем спокойствии... Вы хорошо его видите, стрелок?

— Очень хорошо. Я мог бы срубить его одной очередью. Может, позволите, командир?

— Нет! Он отстает или догоняет?

Несколько секунд в наушниках стоит тишина. Потом стрелок говорит:

— Он... отстает. Да, отстает, командир. С отворотом на юг.

— Хорошо. Следите за воздухом. И не забывайте докладывать о... прилично ведущих себя объектах.

— Понял, командир. Простите, командир.

— Прощаю,— ворчит пилот.— Штурман, как курс?

— Курс хорош, командир.

...Командир полка полковник Баклыков долго тер ладонью лоб и хмурился. Наконец он поднял глаза на Добруша.

— Садись, Василий Николаевич...— Он подвинул к нему пачку папирос, потом вспомнил, что Добруш ку-

рит трубку, и чертыхнулся.— Будь ты все неладно!.. Как ты себя чувствуешь?

Капитан приподнял брови.

— Хорошо.

— Ладно. Вот что. Сегодня ночью наши соседи пойдут на Кенигсберг. Мы посоветовались и решили послать тебя с ними...

Многие уже регулярно совершали налеты на военные объекты Германии. Полк, где служил Добруш, только приступал к ним. Неделю назад на Кенигсберг вместе с соседями ушел первый самолет. Потом еще два. Ни один из них не вернулся.

«Так,— подумал Добруш.— Правда, дело упрощается тем, что идти придется с группой. Но техника...»

Новых машин полку еще не дали, хотя и обещали со дня на день.

— Как только мы получим пополнение и новую технику, полк полностью переключится на Берлин, Кенигсберг, Данциг. А без опыта, сам знаешь...

— Ясно,— сказал Добруш.— Разрешите идти готовиться?

— Подожди.— Полковник потер ребром ладони переносье и вздохнул.— Как у тебя штурман и стрелок?

— Для такого полета не годятся.

— Подбери сам штурмана и стрелка и доложи мне. Можешь взять из любого экипажа.

— Спасибо, товарищ полковник.

— Да брось ты эту официальщину! — поморщился полковник.— Мы не на дипломатическом приеме. Меня зовут Анатолием Андреевичем.

— Спасибо, Анатолий Андреевич.

Полковник усмехнулся:

— Вот так-то лучше... Ах, черт! — воскликнул он в следующее мгновение.— Не хочется мне посылать тебя на это задание. Но мне нужен хороший командир эскадрильи. А с твоим прошлым...

— Не будем об этом, Анатолий Андреевич,— поспешно перебил Добруш.— Это касается только одного меня.

— Меня это касается еще больше,— возразил Баклыков.— Слишком большая роскошь держать тебя на звене, в то время как у меня нет приличных комэсков. Ну ладно. Иди. И возвращайся.

— Постараюсь.

Выйдя наружу, Добруш посмотрел на восток. Было рано, но небо уже высветлилось. По нему плыли темные облака.

«Ветер северный, двадцать метров,— машинально отметил капитан.— Если к ночи не утихнет, снос будет большим, придется экономить горючее».

Он шагал по невысокому березняку. Среднего роста, грузный, рыжеватый, с плоским красным лицом и редко мигающими зелеными глазами. Левую щеку его от глаза до мочки уха пересекал безобразный шрам — памятка первого дня войны, когда он поднимал свою эскадрилью из образовавшегося на аэродроме крошева. Тогда он еще был истребителем.

— Василь Николаевич! — окликнули его.

Капитан замедлил шаг, потом повернулся и поднял глаза. Его догоняла маленькая белокурая женщина в гимнастерке и юбке защитного цвета.

— Что же вы это не заходите? — спросила она с упреком, подойдя ближе.— Совсем нас забыли?

Он покачал головой.

— Не в этом дело. Просто...

— Просто... что?

Добруш хотел зайти, но потом передумал. Он знал, что она была бы рада. Она всегда радовалась его приходу и всегда пугалась. Как будто между ними должно было произойти что-то такое, чего уже нельзя поправить. Ее звали Анной. Она работала телефонисткой в штабе.

Иногда ему с ней было хорошо, особенно после возвращения из полета, пока он был полон гулом и грохотом, пока все вокруг качалось и подпрыгивало и он медленно приходил в себя после той свистопляски, из которой только что вырвался.

Но чаще было плохо. Он всегда мучительно переживал неопределенность. Даже в полетах для него хуже всего было не тогда, когда начинали вспухать дымки зенитных разрывов и по воздуху хлестали, словно плети, пулеметные трассы, а пока небо было мирным и спокойным. Пока все спокойно, никогда не можешь знать, откуда тебя ударят.

В отношениях с этой женщиной все было неопределенно.

Прояви он чуть больше настойчивости, обоим стало бы легче. Наверно, она сопротивлялась бы и после упрекала его. Но у нее было бы утешение, что ей ничего не пришлось решать самой, а он покончил бы со своим прошлым.

Он понимал это. Но все было не так просто. И его прошлое. И ее — которого он не знал, но всегда чувствовал в том напряжении, которое заставляло ее деревенеть, как только он приближался. Нет, не стоило ворошить все это.

— Почему вы молчите? — спросила она.

В ее голосе прозвучала обида.

— Я был занят,— сказал он.

Она подумала.

— Нет.— Потом спросила: — Зачем вас вызывали? Вам лететь?

Ему не хотелось говорить правду, но не хотелось и лгать.

— Нет. То есть да. Пустяки.

— Когда?

— Вечером.

— Вечером...— сказала она.— Вон что...

Она вдруг прикусила нижнюю губу и ударила друг о дружку сжатыми кулачками.

— Кенигсберг. Так?

— Да,— неохотно сказал капитан.— Откуда вы знаете?

Она не ответила.

— Я только не знала, что это вы. Ох!..

— Что такое с вами? — спросил капитан, взглянув на нее с беспокойством.— Вам нехорошо?

— Но почему — вы?

Капитан передернул плечами.

— Кому-то все равно надо, правда? Почему же не мне?

— Потому... потому... А разве вам самому хочется лететь?

— Не знаю. Задание мне не нравится,— признался он неожиданно.— Но ничего не поделаешь. Да и... послушайте, почему вы никогда не одеваетесь как следует? — спросил он с досадой, заметив, что она вся дрожит.— Вы же простудитесь!

Она как-то сразу погасла.

— Да,— проговорила она уныло.— Ничего не поделаешь... Господи, как бы я не хотела, чтобы вы улетали именно сегодня! Нельзя разве отложить?

— Обычно таких вещей не делают,— пояснил капитан терпеливо.— Да и с какой стати? Ведь это моя работа.

— Да, с какой стати...— повторила она.— У меня сегодня день рождения. Я хотела... я думала...

Капитан склонил голову.

— Поздравляю вас.

— Спасибо. Я...

— Сколько вам?

— Двадцать шесть...

— Вы очень молоды,— сказал капитан. Он вздохнул.— А я вот уже совсем старик...

— Это не имеет значения,— возразила она.

— Очень даже имеет,— невесело усмехнулся капитан.

Он подумал, что это имеет даже слишком большое значение, особенно когда к сорока годам выясняется, что ты остался ни с чем,— но ничего не сказал. Это касалось только его одного.

— Ничего вы не понимаете! — воскликнула она, и капитан с удивлением увидел на ее глазах слезы.— Ничего! Почему вы меня ни разу не поцеловали?

Капитан смешался.

Похлопав руками по карманам, он вытащил трубку, повертел ее в руках и сунул обратно. Потом поднял глаза.

— Серьезный вопрос,— проговорил он наконец.— Так сразу даже и не ответишь.

Он взял ее за плечи и склонился.

— А теперь — идите. И одевайтесь впредь как следует,— сказал он сердито.

«Черт те что! Хотел бы я знать, кто из нас больший дурак»,— подумал он.

— И перестаньте, пожалуйста, реветь. Совсем это вам ни к чему.

— Хорошо,— сказала она.— Ох! — вырвалось у нее вдруг.— В жизни себе не прощу, если с вами что-нибудь случится... Вы... вы должны вернуться! Слышите?

— Постараюсь,— буркнул капитан.— Идите, идите.

Он повернул ее за плечи и подтолкнул на тропинку.

Она сделала несколько шагов, потом остановилась и долго глядела вслед, пока капитан не скрылся за деревьями.

2

— Стрелок, как самолет? — спрашивает летчик.

— Отстал, командир. Огней почти не видно.

— Больше ничего подозрительного нет?

— Ничего, командир.

— А у вас, штурман?

— Все в порядке, командир. Через двадцать две минуты — цель.

— Стрелок, вы слышали? Кенигсберг — через двадцать две минуты.

...Он спустился в землянку. После гибели своего прежнего экипажа он жил здесь один.

— Черт те что! — проворчал он с раздражением.— Хорошенькая история, ничего не скажешь.

Он прошелся из угла в угол. Здесь было полусумрачно. Возле единственного небольшого окошка стоял грубо сколоченный из сосновых досок стол и рядом две табуретки. Напротив — нары с постелью, застланной байковым одеялом. Из-под нар выглядывал побитый угол чемодана. Возле двери стояла железная печка, вернее, приспособленная под печку бочка из-под бензина.

Сбросив куртку, капитан присел к столу и подвинул к себе планшет. С минуту он смотрел на карту неподвижным взглядом, заставляя себя сосредоточиться.

— Черт те что,— сказал он еще раз, уже потише.

Он потер ладонью лоб. Потом вынул карту из планшета, расправил ее и взял карандаш.

Кружочки, стрелки, крестики... Как только над ними раздается гул моторов, они превращаются в косые прожекторные лучи, лес зенитных стволов, аэростатные заграждения, аэродромы истребителей. Они сжимают самолет мертвой хваткой и держат до тех пор, пока он не становится пылающим факелом. Капитан Добруш знал, что это такое. Даже на том, сравнительно небольшом и спокойном, участке, где полк действовал до сих пор. Но здесь по крайней мере всегда было

утешение, что через две, три, десять минут все кончится. Не надо иметь богатое воображение, чтобы представить, как пойдут дела, когда самолет заберется в это осиное гнездо на много часов...

Кружочки и крестики нанесены на карте вдоль линии фронта на глубину максимум в сто километров. А что ждет дальше? Что ждет в самой Германии?

Маленькая женщина, о которой он недавно думал, все больше становилась чем-то далеким и нереальным и, наконец, совсем выпала из сознания. Теперь он думал о противовоздушной обороне, самолете, экипаже, горючем, ветре и облаках.

Но самое главное — машина. До него на Кенигсберг из полка летали три экипажа. Они улетали на исправных машинах, только что полученных с завода. Его машина после недавней передряги, когда он потерял экипаж, стоила немногого.

Он вспомнил лица штурмана и стрелка, которым он объявил, что те не пойдут с ним в полет. Оба страшно обиделись.

— Но ведь мы готовы на любое задание, товарищ командир!

Святая наивность. Для выполнения задания нужно, чтобы машина была не барахлом, а машиной, чтобы пилот умел провести ее сквозь игольное ушко, чтобы штурман сбросил бомбы в считанные секунды и чтобы стрелок мог попасть в комара. А эти едва успели закончить курсы по ускоренной программе...

Он достал трубку и порылся в карманах, но спичек не оказалось. Капитан чертыхнулся и вышел из землянки.

Со стороны стоянки доносился грохот прогреваемых моторов, мимо проезжали грузовики, в кузовах которых тускло поблескивали тела бомб, между деревьями то там, то здесь мелькали торопливые фигурки механиков. Метрах в ста под старой березой лежало несколько летчиков. Капитан направился было к ним, но в это время справа показался майор Козлов, командир третьей эскадрильи.

Капитан поморщился. Сейчас ему меньше всего хотелось встречаться с Козловым. Он знал, что тот его терпеть не может, хотя и не понимал, чем он ему досадил.

— Ты выглядишь молодцом,— проговорил майор, подходя.— Ну как? Говорят, ты сегодня летишь на Кенигсберг?

Капитан приподнял брови. До сих пор о таких полетах в полку не говорили. О них узнавали лишь после того, как экипажи не возвращались.

— Кто это говорит? — спросил он.

— Ну, мало ли...— майор засмеялся.— Чертовски сложное задание.

— Гм...— сказал капитан неопределенно.

— Мне бы оно не понравилось. Но ведь ты у нас герой...

Капитан взглянул на майора и пожал плечами. «Жаль,— подумал он.— Жаль, что он так злится».

— Только знаешь что? — проговорил тот.— Не злоупотребляй перед такими полетами женщинами. Это вредно отражается на здоровье.

Капитан знал — на войне нервное перенапряжение, усталость, раздражение иногда прорываются самым неожиданным и странным образом. Ему приходилось видеть, как мужчины плакали, катались по полу или становились агрессивными и искали ссоры.

— Я пока на здоровье не жалуюсь,— сдержанно проговорил он.

Козлов шагнул к нему и схватил за локоть.

— Ну вот что. Хватит. Оставь Анну в покое. Слышишь?

Капитан поглядел на него с любопытством.

— Это приказ или дружеский совет?

— А как тебе больше нравится.

Капитан усмехнулся.

— Что-то, майор, вы в последнее время требуете от меня слишком много личных услуг.

— Личных? — проговорил вдруг тот, взглянув на капитана со злобой.— Это не личные. С самого первого дня в полку ты путаешься у меня под ногами как... как... И еще здесь! Кенигсбергом решил разжалобить?

Вся эта сцена казалась капитану до того нелепой, что он просто не мог принимать ее всерьез.

— Будет вам,— сказал он примирительно.— Вы просто устали... после самим будет неудобно. Давайте перенесем этот разговор на завтра.

Майор язвительно рассмеялся.

— Ты уверен, что у тебя будет завтра?

Капитан поглядел на него внимательнее. «Вот как»,— подумал он.

— Разве нет?

— На чем ты полетишь? И с кем? Нет, дорогой, похоже, что завтра у тебя не будет...

— Вот видите, как все хорошо устраивается,— сказал Добруш.— Зачем же нам ссориться? Подождите до завтра, и все образуется... Кстати, спичек у вас нет?

— Че...го?

— Спичек. А то у меня трубка погасла.

Майор непроизвольно сунул руку в карман, но потом опомнился и, обжегши капитана злобным взглядом, быстро пошел прочь. Добруш, глядя ему вслед, покачал головой. «Надо же,— подумал он.— Кругом кровь и смерть, а этот находит время заниматься мелочными дрязгами... Непостижимо. А впрочем, жизнь из-за войны не остановилась. Человеческая жизнь с дружбой, неприязнью, любовью... Но говорить такие слова человеку, которому лететь на Кенигсберг... Черт знает что такое!»

Он медленно направился к летчикам.

3

Едва он вернулся в землянку, как вслед за ним спустился старший лейтенант Царев.

— Ну вот,— сказал он,— ну вот. А я тебя разыскиваю. Безобразие! Такой холод, а я все потею. Наталья Ивановна говорила: не выходи на улицу потным, схватишь воспаление легких или что-нибудь похуже. Ничего не могу поделать... Здравствуй.

Царев был в теплой куртке, меховых штанах и унтах. Он не боялся ни пуль, ни снарядов, но очень боялся простуды. Его жена, Наталья Ивановна, умерла года четыре назад, но продолжала оставаться для него непререкаемым авторитетом во всех житейских делах.

— Добрый день, Серафим Никитич,— сказал капитан.— Проходите.

Царев снял фуражку, бережно положил ее на край стола и, вытащив большой красный платок, пригладил

лысину. Затем опустился на табуретку и поерзал, устраиваясь удобнее.

Этот человек везде чувствовал себя дома, был со всеми на ты, не признавал чинопочитания и был убежден, что окружающие относятся к нему так же хорошо, как и он к ним. Тут он, конечно, несколько заблуждался. Он был слишком мягок. Видимо, потому в свои сорок пять лет все еще оставался старшим лейтенантом.

— Ф-фу! Ну и духотища! — сказал Царев ворчливо.— Да. Так что у тебя все-таки случилось в последнем полете? — спросил он без всякого перехода.

Добруш, набивавший трубку, поднял голову и нахмурился. Он не ожидал, что Царев заговорит об этом, и некоторое время молчал.

— Северцев должен был подавить зенитную батарею, а мы — бомбардировать станцию,— сказал он наконец.— Но его сбили раньше. Пришлось заняться этим мне.

— Ну вот, ну вот.— Царев всплеснул руками.— Я так и думал. Не кури, пожалуйста. Многие этому не верят.

Капитан кивнул.

— Я знаю.

— Вот видишь. Ох! Надо тебе быть хитрее. Наталья Ивановна всегда говорила: не хитри с работой, но с начальством держи ухо востро. И она права!

Капитан улыбнулся. Сам Царев этим ценным советом, видимо, так ни разу в жизни и не воспользовался.

— Начальство здесь совершенно ни при чем. Сплетнями занимается не начальство.

— Почему ты не оставил хотя бы пару бомб для станции?! — не слушая его, вскричал Царев.— Почему? Тогда у тех, кто болтает, не было бы зацепки. Ведь Козлов всем нашептывает, будто ты побоялся идти на станцию... Ну хоть одну бомбу ты мог бы сэкономить!

— Пушки стояли в бетонных бункерах. Нам пришлось сделать четыре захода.

— Поэтому и погибли штурман со стрелком?

Капитан снова кивнул.

— Бомбометание по площади не годилось,— пояснил он.— Надо было уничтожать каждый бункер отдельно. Стрелок был ранен во время первого захода.

Потом убит штурман. Последней бомбой мы накрыли последний бункер.

Он никому не рассказывал, как это произошло. Во время первого захода стрелку раздробило руки. Потом, при втором заходе, осколок попал ему в живот. Стрелку было всего восемнадцать лет.

Штурман погиб во время последнего захода. Он успел сказать: «Командир, меня убили». Осколок попал ему в сердце.

Самое страшное, что он ничем не мог помочь своему экипажу.

— Козлов болтает, что ты виноват в их гибели...

— Знаю,— капитан зажег спичку и поднес ее к трубке.

— И ты говоришь об этом так спокойно!.. Почему ты не доказывал? Почему не рассказал, как было дело?

Капитан пожал плечами.

— Кому? Козлову?

— Ну, все-таки...— Царев вздохнул, вытащил платок и снова промокнул лысину.— Ты сегодня летишь на Кенигсберг,— сказал он, не спрашивая, а утверждая.

Капитан поднял на него глаза. «Кажется, из всего полка о моем полете я знаю меньше всех остальных»,— подумал он, усмехнувшись.

Царев сложил платок и сунул в карман.

— Послушай, открыл бы ты дверь, а? У тебя тут задохнуться можно от дыма...

Капитан поднялся. Пока он ходил к двери, Царев сопел и потихоньку чертыхался.

— Это как-нибудь связано со станцией? — спросил он вдруг.

— Что?! — удивился капитан.— Каким образом?

— А таким! — разозлился Царев.— Если разные козловы на каждом перекрестке кричат, что ты виноват в гибели стрелка и штурмана, то тут даже и штаб может задуматься... Почему именно тебя сейчас посылают на Кенигсберг? Почему нельзя подождать, пока придет новая техника? Ведь обещают со дня на день!

— Есть приказ,— сказал Добруш.

— Вот именно, есть приказ. Но почему не посылают другого? Меня, например?

— Это говорит Козлов?

— И не один он.

— Ладно,— сказал капитан.— Стоит ли обращать внимание на то, что говорят по глупости...

— А может, и не по глупости. Может, так оно и есть. Ты подумал?

На трубке было выжжено: «Дарю сердечно, чтоб вместе быть вечно». Трубку подарила ему Мария в день свадьбы. Вечность продлилась три года. «Проклятые болота,— говорила она.— Проклятые леса. Проклятые самолеты». И однажды, когда он вернулся из полета, ни Марии, ни дочери Зоси не оказалось дома. Мария не хотела травмировать его прощанием...

Добруш потрогал пальцем трубку. Обычно надписи делают на фотокарточках. «Дарю сердечно, помни вечно». Кажется, так.

— Что ты намерен делать? — спросил Царев.— Да не молчи ты как кол, господи боже мой!..

Капитан оторвал взгляд от трубки.

— Выполнять задание.

Царев поднял руки.

— Выполнять задание! — заорал он.— Ну, конечно! Конечно, выполнять задание! Как? У тебя есть экипаж? Есть машина? Да разве только в этом дело! Вспомни о первых трех самолетах. Они были вполне исправны, но и они...

Добруш покачал головой и усмехнулся.

— Сегодня я только тем и занимаюсь, что вспоминаю.

— Он еще смеется! — Царев вскочил с табуретки и с негодованием схватился за фуражку.— Вставай! — потянул он капитана за рукав.— Идем к полковнику! Мы расскажем... Мы добьемся, чтоб приказ отменили! Пусть эти козловы не воображают...— он погрозил кулаком.— Это обреченное задание. Пусть они...

Капитан отвел руку Царева.

— Не надо так волноваться, Серафим Никитич. И идти никуда не надо. Полковник дает мне хороший экипаж, да и пойду я в составе группы...

— Это не имеет значения! — крикнул Царев в запальчивости.— При чем тут группа, если ты не сможешь вернуться?!

— Я вернусь.

Царев выпрямился и с минуту с изумлением смотрел на капитана.

— Вернешься? Из такого полета?!
— Другие возвращаются.
— Не на таких машинах!
— Моя машина не так уж плоха. Да и... видите ли, все не так просто. Я вовсе не хочу, чтоб приказ отменили.
— Что ты такое городишь?! — разозлился Царев.— Как — не хочешь?
— Я полечу на Кенигсберг,— сказал капитан.— Не стоит больше об этом говорить.
Царев застыл с открытым ртом.
— Но ведь у тебя... Послушай, может, я мог бы слетать вместо тебя? — проговорил он почти жалобно.— У меня неплохой экипаж, да и машина получше... Зачем тебе ломать шею?
— Я ничего не сломаю,— сказал капитан.— И потом есть еще одно обстоятельство...
— Какое?
Капитан вздохнул.
— Хочу посмотреть Белоруссию.
Царев широко раскрыл глаза.
— Что?! При чем тут Белоруссия?!
— Видите ли... однажды я там родился.
Царев пристально поглядел на него и покачал головой.
— Что ж,— сказал он.— Я предупредил.— Он нахлобучил фуражку и повернулся к двери. Уже выходя, не удержался и крикнул: — Все в этом полку с ума посходили! Все! Наталья Ивановна говорила: держись от сумасшедших подальше! И она права!
Он так хлопнул дверью, что с потолка посыпалась земля. Капитан остался один.

Он увидел Белоруссию — сплошное огромное черное пятно. И только один огонек, где-то под Минском, который начал мигать при их приближении.
Штурман прочел морзянку:
— Т-р-э-б-а з-б-р-о-я... Трэба зброя. Командир, что это значит?
— Нужно оружие,— угрюмо перевел пилот.
Огонек мигал долго и настойчиво, он терпеливо просил и после того, как они миновали его:
— Трэба зброя...

4

— Командир, курс триста двадцать,— говорит штурман.

Капитан трогает штурвал и делает правый разворот. Он ждет, пока цифра «315» на картушке компаса подходит к указателю. Затем выравнивает самолет. По инерции машина еще продолжает разворачиваться, и, когда две светлые черточки совмещаются в одну, пилот компенсирует инерцию едва ощутимым движением руля поворота.

— Взял триста двадцать.

Теперь звезда, на которую он летел до сих пор, сместилась влево.

Взгляд пилота пробегает по приборам, не задерживаясь ни на одном. Температура масла, расход горючего, высота, скорость, обороты винтов...

Приборы — язык, на котором разговаривает с ним самолет. В первые годы работы Добруша самолет говорил на чужом языке. Приходилось прилагать все внимание, чтобы понять, о чем говорит машина. Сейчас это получается без участия сознания.

В его глазах раз и навсегда запечатлелось то положение стрелок, рычагов, тумблеров, огоньков сигнальных лампочек, при котором даже мимолетного взгляда достаточно, чтобы в мозг поступало сообщение: «Нормально, нормально, нормально...» Но стоит отклониться одной-единственной стрелке, потухнуть лампочке, и привычная картина нарушается, в мозг поступает тревожный сигнал: «Опасность!» Пилот еще не успел осознать, в чем она заключается, но уже начинает действовать, только задним числом понимая, что на это сообщение машины он и в самом деле должен был убрать газ, переключить тумблер или сделать правый разворот...

— Командир, режим!

У него хороший штурман. Он знает свое дело. Хороший штурман, еще не оторвавшись от земли, думает о ветре. Он всегда с недоверием относится к груде метеосводок, которыми его снабжают перед полетом. Едва поднявшись в воздух, он хочет сам узнать скорость ветра, его направление, снос машины. И, как правило, его данные резко отличаются от тех, которые он полу-

чил на земле. Земля всегда отстает от событий, происходящих в воздухе.

А сейчас, перед бомбометанием, ветер штурману особенно нужен...

Две минуты, пока штурман, припав к окуляру визира, ловит одному ему видимые ориентиры, кажется, что машина замерла в воздухе. Ни одна стрелка не сдвигается даже на десятую долю миллиметра.

— Промер окончен,— сообщает штурман.— Хороший ветерок получился, командир! Повторять не надо.

Приятно дать штурману хороший ветер. Штурманы редко бывают довольны ветром. Иногда приходится повторять режим по три, четыре, пять раз, и тогда работа летит к чертям. Тогда каждый думает о том, чтобы хоть как-то разделаться с этим проклятым полетом, от которого добра ждать не приходится.

Они хорошо работают. Они хороший экипаж.

— Командир, осталось семнадцать минут.

— Понял. Стрелок, вы слышали? До Кенигсберга — семнадцать минут.

— Слышу. Семнадцать.

— Как кислород?

— В порядке, командир. Идет.

— Штурман, у вас как с кислородом?

— Все хорошо. Спасибо. Командир, начинайте набор. Держите шесть метров в секунду.

— Понял. Шесть.

Нос самолета чуть приподнимается. Они уходят от земли все дальше. От враждебной земли, на которой рассыпано довольно много огней. Но эти огни капитана не радуют. Они вызывают в нем раздражение и глухую злобу.

5

...Когда Царев ушел, капитан поднялся и развел в печурке огонь. Подбросив дров, он посидел, задумчиво глядя на пляшущие язычки пламени.

Майор Козлов и старший лейтенант Царев... Один терпеть не может его, Добруша, второй расположен настолько дружески, что готов на самопожертвование. А в итоге — горечь от встречи и с тем, и с другим. Ну что стоило Цареву сказать, что машина у него,

Добруша, не так уж и плоха, а полет на Кенигсберг — это задание, с которым он безусловно справится? И зачем искать какие-то другие причины полета на Кенигсберг, кроме тех, которые есть на самом деле?

Капитан вздохнул. Им овладела странная апатия, в мозгу проносились обрывки мыслей, никак не связанных с предстоящим полетом. Лицо погибшего стрелка, истребитель «И-16», на котором он летал в начале войны, маленькая женщина, штурман Назаров, трубка «Дарю сердечно...».

До вылета оставалось тринадцать часов.

«Ладно,— подумал он.— Я должен бомбардировать Кенигсберг, и покончим с этим».

Он снова подумал о штурмане Назарове. Вот кто ему нужен. Назаров хороший штурман. Правда, он из экипажа майора Козлова, и это даст майору лишний повод для различных домыслов. Но с этим считаться не приходится.

Капитан поднялся и снял с гвоздя куртку.

Но в этот день все складывалось неудачно. Не успел он одеться, как снаружи послышался шум шагов и в землянку спустился старшина Рогожин.

— Можно, командир?

— Входите,— буркнул Добруш, окидывая взглядом землянку в поисках фуражки.

Старшина остановился у порога и переступил с ноги на ногу. Он был слишком толст, форма сидела на нем мешком.

— Василь Николаич...— прошепелявил старшина, прижимая руку к левой щеке.

— Что это с вами? — спросил капитан.— Простыли?

Рогожин помотал головой.

— Зуб проклятый... Хоть матом кричи.

— Коренник?

— Коренник, Василь Николаич.

— Плохо дело. Лечить надо.

Добруш похлопал рукой по одеялу на нарах, приподнял подушку. Фуражки нигде не было.

— Вылечишь зверюгу... как же. Доктора три раза драли.

— Не помогло?

— Укоренился.

— Плохо дело,— повторил капитан.

Рогожин тяжело вздохнул.

— Василь Николаич, а Василь Николаич...— сказал он после молчания.— Вам надо поглядеть левый мотор.

— Что там еще? — недовольно спросил Добруш.

— Сбрасывает обороты.

— Знаю. Я проверял вечером.

— Сейчас он сбрасывает почти сто пятьдесят,— тихо сказал старшина.

Капитан повернулся к Рогожину, вынул изо рта трубку и внимательно поглядел на него.

— Контактную сеть проверили?

— Все проверили, Василь Николаич. Дело не в том.

Капитан сдвинул брови.

— А в чем?

— Мотор после второй перечистки.

— Правый тоже после второй перечистки.

Старшина тихонько вздохнул.

— Это правда, Василь Николаич. Только в нем не взрывалось полтонны железа.

Добруш поморщился.

— Ну, это преувеличение.

— Не, Василь Николаич,— покачал тот головой.— Не преувеличение. Вы посмотрели бы, какая там была каша после...

— Да, да,— нетерпеливо сказал капитан.— Это большое упущение с моей стороны. Впредь буду внимательнее.

О том, в каком состоянии был мотор, когда он посадил машину, капитан знал не хуже Рогожина. Они вместе проверяли его, и Рогожину не стоило говорить об этом.

Старшина смутился.

— Простите, Василь Николаич...

— Прощаю,— буркнул тот.— Что вы предлагаете?

Старшина сдвинул стоптанные каблуки, втянул, насколько это было возможно, перевалившийся через ремень живот и приложил руку к пилотке.

— Товарищ командир, предлагаю выбросить мотор в металлолом.

— Так...

Наконец Добруш вспомнил, что оставил фуражку в штабе. «Этого еще не хватало,— подумал он с раздражением.— Сегодня я делаю глупость за глупостью.

Если мотор сбрасывает сто пятьдесят оборотов, то никакой штурман не поможет. И можно обойтись без фуражки».

Он потер рукой лоб.

— Ладно. Сейчас посмотрим.

6

Самолеты стояли на опушке березовой рощицы. Еще несколько дней назад здесь было около тридцати машин, внушавших уважение своим грозным видом. Сейчас их осталось всего шестнадцать — усталых птиц с покалеченными крыльями, пробитыми фюзеляжами, обнаженными моторами. И аэродром оказался непомерно велик. Он превратился в огромную пустыню.

...Это случилось в тот день, когда они бомбардировали станцию. Самолет только успел приземлиться, как в воздухе раздался гул моторов. Добруш, помогавший санитарам выносить из машины штурмана со стрелком, сначала не обратил на это внимания: может, возвращается задержавшееся звено. Потом что-то словно кольнуло его, и он обернулся. С востока, из-за кучевого облака, звено за звеном выплывали черные косокрылые «хейнкели».

Добруш бросился в кабину бомбардировщика. Обламывая в спешке ногти, пристегнулся к сиденью и запустил моторы. Он еще успел заметить, как справа, слева от него тоже забегали летчики, бросились к машинам,— и дал моторам полные обороты. Не разворачиваясь, прямо со стоянки он начал разбег поперек поля. За ним потянулось еще несколько самолетов. А «хейнкели» уже совсем рядом. Он был уже в воздухе, когда первая воздушная волна от взрыва тряхнула самолет, едва не опрокинув его.

...Добруш со старшиной прошли по стоянке мимо темных масляных пятен, расплывшихся там, где раньше находились машины, мимо красных противопожарных щитов с ненужными теперь ведрами и лопатами, мимо ящиков с песком, в которых валялись еще не успевшие почернеть окурки. Когда-то все это имело смысл. Но хозяев не стало, и ящики, щиты, пятна, забытые ведра казались теперь ненужными и странными — вещи, утратившие связь с человеком.

— А мне говорят — ремонтируй,— проговорил старшина, задыхаясь и старательно обходя баллоны с кислородом.— Нельзя ремонтировать то, что никакому ремонту не подлежит, Василь Николаич. Вот чем это кончается, когда думают не головой, а задницей.

Капитан вытащил из кармана трубку и, не зажигая ее, сунул в зубы. Потом внимательно поглядел на Рогожина.

— Что это с вами, старшина?

— Василь Николаич, нельзя вам лететь на такой машине!

— Кто вам сказал, что я лечу?

— Незачем мне говорить,— угрюмо возразил тот.— Я не слепой.

— Гм...— сказал Добруш. Он поспешно похлопал по карманам и, достав спички, прикурил.— Кажется, зуб у вас перестал болеть?

Старшина на мгновение приостановился и посмотрел на капитана с укором.

— Ну зачем вы так, Василь Николаич? — спросил он.— Мы ж не дети.

Добруш положил руку ему на плечо.

— Мир устроен немножко хуже, чем нам хотелось бы, правда? — Он вздохнул.— Не сердитесь, старшина. Я не хотел вас обидеть.

Несколько минут они шагали молча. Потом капитан спросил:

— Пулеметы в порядке?

— В порядке.

— Баки?

— Тоже. Все остальное в порядке. Все, кроме моторов. Так что можете считать, что все не в порядке.

— Ладно, ладно,— проворчал капитан.— Это я уже сообразил. Не нужно вам так много повторять одно и то же.

Вчера вечером, когда он проверял самолет, дело не казалось таким безнадежным. Правда, тогда и приказа лететь на Кенигсберг не было.

«Обреченное задание»...

— Глупости,— пробормотал Добруш.

— Что вы сказали? — встрепенулся старшина.

— Так, ничего.

Машина находилась в самом конце стоянки. Четыре

дня назад, когда Добруш посадил ее, это была груда металлолома. Когда самолет коснулся земли, левая консоль отлетела. В крыльях же и фюзеляже было столько дыр, что капитан и считать их не стал.

Сейчас самолет уже походил на боевую машину. Крылья были отремонтированы, дыры в фюзеляже залатаны, установлен пулемет стрелка. Тогда он был вырван снарядом.

Возле машины сновали механики.

— Проверните винты,— сказал капитан старшине.

— Прокопович, с мотора! — крикнул тот механику, сидевшему верхом на левом капоте.— Провернуть винты!

Солдат скользнул вниз. Добруш поднялся в кабину и положил руку на секторы газа.

Уже по тому, как вяло взял левый мотор первые обороты, капитан понял, что он сдал окончательно. На всякий случай Добруш прогнал его и на других режимах, но мотор начал чихать и захлебываться.

Капитан выключил зажигание. Он еще посидел в кабине, потом спустился на землю.

«На такой машине, пожалуй, можно взлететь,— подумал он.— Но садиться уже не придется. Больше часа она не продержится».

С минуту он глядел на мотор.

— Старшина!

— Я здесь, командир,— шагнул тот из-за шасси.

— Снимите мотор.

— Есть! — обрадованно воскликнул тот.

— Постарайтесь уложиться в четыре часа.

— Будет сделано, командир! Ну и рад же я, командир! — Старшина потрогал щеку.— И фашист мой вроде присмирел. Эй! — крикнул он механикам.— Снимать мотор! Быстро!

Солдаты бросились к самолету.

7

Из-за бомбосклада, тяжело рыча, выполз трехтонный грузовик.

В кабине рядом с шофером сидел капитан Добруш. В кузове разместились четверо механиков. Там же стояла лебедка.

— Быстрее,— попросил Добруш.

Шофер покосился на летчика и крепче ухватился за руль.

— Мы можем врезаться в дерево,— сказал он.— Дорога слишком петляет.

— Постарайтесь не врезаться.

Шофер передернул плечами.

— Мы едем достаточно быстро. Если поедем еще быстрее, то уедем не дальше ближайшей сосны.

— Давайте не будем спорить о соснах.

Грузовик объехал поваленное дерево и запрыгал по неровной лесной дороге. Добруш внимательно посмотрел на шофера. На вид ему было около пятидесяти. Вряд ли он профессионал, скорее, до войны управлял какой-нибудь небольшой конторой. Капитан определил это по прозвучавшим в голосе шофера покровительственным ноткам. В армию попал недавно и еще не успел привыкнуть к тому, что здесь он просто рядовой Иванов или Петров.

— Как вас величают? — спросил Добруш.

— Иваном Ивановичем Санюшкиным, — сказал тот. И пояснил:— Я, знаете, в общем-то, не шофер. До войны был на руководящей работе в Рославле. Слышали о Рославле?

Добруш кивнул.

— Хороший городок, — сказал Иван Иванович.— Маловат, правда, настоящему работнику негде развернуться. Но — чистота, уют. Говорят, сожгли немцы,— вздохнул он.— Не знаете?

— Нет, к сожалению, не знаю.

— Да... Война — это стихийное бедствие,— продолжал Иван Иванович.— Все сломалось. Меня, знаете, собирались в область выдвинуть, а тут — на тебе. Пришлось встать на защиту.— Он покачал головой.— Меня не хотели брать, стар, говорят. Но я был тверд, как кремень.

Тут Иван Иванович явно преувеличивал. Для кремня он был слишком кругл и жирен. «Наверно, конторой своей он руководил по-семейному, и его даже любили,— подумал капитан.— И начальство его не ругало».

— А все нехорошо получилось,— сказал Иван Иванович.— Я рассчитывал — хоть батальон дадут, как-никак, у меня пятнадцатилетний опыт руководящей

деятельности... Смешно. Из руководящего работника областного масштаба — шофером.

Он не жаловался. Он пытался понять, что же вдруг произошло. Было все так прекрасно, так устроенно, был такой привычный мир, он так сжился с ним, и вот — его не стало.

— Да, это неприятно,— посочувствовал Добруш.

— И вы так думаете? — встрепенулся Иван Иванович.— Вот видите... Главное — не по-хозяйски. Нельзя так разбрасываться кадрами. Батальон мне вполне могли бы дать. Полк, пожалуй, не дали бы, да и я не претендую, но батальон...

— Не огорчайтесь,— сказал капитан.— Что поделаешь. Хорошие шоферы тоже нужны.

— Э, сказали,— возразил Иван Иванович.— Баранку крутить — дело нехитрое.

«А мы едем слишком медленно,— подумал Добруш.— И мне надо бы кое-что прикинуть...»

Но ему не хотелось обижать шофера.

— Дорога как будто стала ровнее,— сказал он.— Поезжайте, пожалуйста, быстрее.

— Ну что вы — яма на яме,— возразил Иван Иванович.— Да и куда гнать?

— Нам нужно привезти на аэродром мотор. Если мы не привезем его вовремя, самолет не сможет уйти на задание,— пояснил капитан.

— И вы туда же,— неодобрительно сказал Иван Иванович.— Давай, давай, быстрее, быстрее... Что значит один какой-то самолет? Не улетит один — улетит другой...— Иван Иванович вздохнул.— Эх, не война бы... Ведь я сейчас уже руководил бы комбинатом. Представляете?

«Лучше бы ты как следует вел машину»,— подумал Добруш.

— Иван Иванович, притормозите, пожалуйста,— попросил он.

Шофер остановил машину.

— А теперь садитесь на мое место.

Иван Иванович уставился на него с изумлением.

— Что?!

— Да и дорогу я знаю лучше,— пояснил Добруш.

— Это самоуправство,— вскричал Иван Иванович.— Вы что же — не доверяете мне?!

— Я вовсе не хотел вас обидеть,— возразил капитан.— Но у нас слишком мало времени.

— Вы не имеете права отстранять меня от управления! — загорячился Иван Иванович.— Я буду жаловаться, так и знайте!

— Ладно, ладно.— Капитан поморщился.— Перебирайтесь же.

Иван Иванович наконец выбрался из кабины.

— Вы... вы — нехороший человек, вот что! — крикнул он, обходя машину.— И я не беру на себя ответственность за последствия!

«Что за напасть,— подумал капитан.— Этого мне еще не хватало...»

Он подождал, пока Иван Иванович поднялся в кабину. Затем дал газ.

Сосны со свистом понеслись навстречу. Казалось, они отскакивали в стороны перед самым радиатором и сразу смыкались за машиной.

Капитан не мигая смотрел вперед.

«Надо мне не забыть поспать на обратном пути,— подумал он.— Немногого я буду стоить в полете, если не посплю хотя бы час».

— Запоминайте дорогу, Иван Иванович,— сказал он.— Обратно вести машину придется вам самому.

— Отстаньте от меня,— огрызнулся тот.

— Ладно, ладно,— сказал капитан, выворачивая руль, так как дорога неожиданно вильнула в сторону.— Нечего вам злиться.

«Нечего им всем злиться,— подумал он,— потому что им не лететь сегодня на Кенигсберг. А мне еще нужно достать мотор, который может оказаться черт знает в каком состоянии».

Вспомнив о моторе, капитан помрачнел.

Запасных моторов на складе не было. Но с неделю назад километрах в двадцати от аэродрома немцы подбили самолет из соседнего полка. Летчику удалось посадить машину. Потом приезжали механики и пытались снять с нее моторы, но это им не удалось: на обратном пути они останавливались в полку, и Добруш слышал их разговор. По их словам, один из моторов вполне годный, и они собирались приехать за ним еще раз. Но почему-то так и не приехали.

Капитан видел эту машину во время последнего по-

лета. Она стояла недалеко от какой-то деревушки посреди поля. Оба мотора были на месте.

Вернувшись с аэродрома, капитан сразу же направился к инженеру эскадрильи Лаптеву.

— Семен Константинович, дай мне человек трех-четырех механиков,— попросил он.

— Зачем они тебе? — удивился тот.

— Хочу снять мотор с подбитой машины.

— С той, что возле Знаменки?

— Да.

— Зачем он тебе?

— У меня левый никуда не годится.

— А что?! — воскликнул тот.— Это мысль! Чем добру пропадать... Но на кой черт этим заниматься тебе? Вот что мы сделаем. Сейчас я организую людей и съезжу сам.

Он было поднялся, но Добруш остановил его.

— Да куда тебе, ты же на ногах не держишься. У тебя и в эскадрилье дел по горло. А мне все равно надо посмотреть, что это за мотор.

Инженер смущенно потер слипающиеся веки.

— Замотался в последние дни... Ладно, действуй.

...Машина выпрыгнула из леса и покатила по лугу. Сильно запахло недавно скошенной травой. Вдоль каждого прокоса тянулись по две протоптанные борозды. Добруш машинально отметил, что убирали луг вручную женщины и ребятишки: такой узенький след не мог оставить мужчина.

Они нырнули в низину, потом перевалили маленький взгорок и промчались по пустынной, словно вымершей деревне. Только из-под колес выскочил ошалевший петух, перелетел через плетень и заорал так, что его еще долго было слышно сквозь рев мотора.

Прогрохотал под колесами мост, и они увидели самолет. Добруш развернул машину, затормозил и вышел из кабины.

Видимо, на самолете летал очень хороший летчик. Это был единственный пятачок, где можно было посадить такую машину. Часть хвостового оперения была срезана пулеметной очередью. Снаряд разорвался в

правом моторе и заклинил створки шасси. Летчику пришлось садиться на одну ногу. Он долго удерживал машину на пробеге, потом правое крыло упало и самолет развернуло. Может, пилоту повезло. Но, возможно, он сумел рассчитать посадку. Машина замерла прямо над оврагом.

Теперь Добруш понял, почему механики не смогли снять мотор.

Капитан закурил трубку.

Он не заметил, как сзади подошел шофер и остановился рядом.

— Поворачивать, товарищ капитан?

— Что? — не понял Добруш.

— Обратно, говорю? — повторил тот.

— Обратно?..— Он очнулся.— Нет, надо снять мотор.

— Но вы же видите, что это невозможно.

С самого утра его, как наваждение, преследует это слово. «Невозможно, невозможно, невозможно...» Да что они, сговорились, что ли?

— Это возможно,— жестко сказал он.— Невозможно не снять мотор. Понимаете?

— Понимаю...— Иван Иванович с растерянным видом огляделся и развел руками.— Понимаю, товарищ капитан. Господи боже мой... Но — как? Ахиллесова пята...

Он всплеснул руками и забегал, с отчаянием глядя то на самолет, то на овраг.

Капитан перевел взгляд с Ивана Ивановича на стоявших рядом механиков.

— Начинайте снимать винт и капоты,— тихо сказал он.— И, пожалуйста, поторопитесь.

Солдаты бросились к самолету.

Добруш подошел к краю оврага.

Если бы не овраг, можно бы подогнать кузов грузовика под мотор и опустить его вниз. Перетащить мотор через овраг? И думать нечего. Может, попробовать оттащить самолет?

Он поглядел на изуродованную машину и покачал головой.

Чтобы сдвинуть самолет с места, потребовался бы пяток тягачей.

Капитан еще раз поглядел на овраг.

— Иван Иванович! — окликнул он шофера.

Тот замер.

— Вы говорили, что были на руководящей работе...

— Да, да! — вскричал тот.— Пятнадцать лет, как один день...

— Смогли бы вы организовать колхозников вон того села,— капитан указал на деревню, которую они только что проехали,— и засыпать овраг?

— Я?!

— Да, вы.

— Вы доверяете мне это?

— Очень бы вас просил.

— Можете на меня положиться! — Иван Иванович взглянул на овраг, потом на капитана.— Гениально! — вскричал он.— Единственно правильное решение... Но оно невыполнимо. Чтобы засыпать эту пропасть, нужно дня два.

— Даю вам два часа.

— Что?! Да за такое время...

— Выполняйте приказание.

— Да ведь это немыслимо, товарищ капитан!

Добруш пристально посмотрел ему в лицо.

— Мне крайне неприятно,— желчно сказал он,— мне крайне неприятно... но если через два часа овраг не будет засыпан, я вынужден буду вас расстрелять.

Иван Иванович вытянулся.

— Вы не имеете права...— начал было он, но осекся под взглядом Добруша.— Я готов, товарищ капитан,— проговорил он с достоинством.

Добруш прищурился.

— К чему вы готовы?

— Стреляйте, товарищ капитан.

— После того, как вы засыплете овраг. Если не уложитесь в срок хоть на секунду.

— Крайне неприятно,— сказал Иван Иванович,— но такой срок ни в какие физические рамки не влезает.

— Постарайтесь, чтобы он влез.

Добруш круто повернулся и направился к самолету. Иван Иванович проводил его окаменелым взглядом.

Несколько секунд он стоял неподвижно, потом всплеснул руками и бросился к машине. Взревел мотор, и грузовик рванулся по полю...

8

Когда мотор был снят, капитан сел в кабину и откинулся на спинку сиденья.

— Разбудите меня на аэродроме, Иван Иванович,— сказал он шоферу.— Теперь можете ехать не слишком быстро.

Тело ломило от усталости, глаза слипались.

Что-то кричали на прощанье женщины, но Добруш не смог даже поднять руку, чтобы помахать им в ответ. Он провалился в темноту.

Он не знал, долго ли спал. Но когда проснулся, машина все еще покачивалась на дороге. У капитана было такое ощущение, будто с ним только что случилось что-то хорошее. «Что же такое было? —попытался он вспомнить, не открывая глаз.— Ах, да. Девочка. Вера». Он улыбнулся.

Пока он разъединял соединения, вертел гайки, выбивал шпонки, рядом на крыле стояла пятилетняя девчушка, Верочка. Она была такая хорошенькая и такая серьезная.

— Дядя летчик, а мама мне велела стеречь самолет от безобразников мальчишек,— это было первое, что она сказала.— Я уж стерегла-стерегла...

— Спасибо тебе,— сказал Добруш.— И маме твоей спасибо.

— Пожалуйста,— сказала она очень серьезно. Потом повернулась к работавшим внизу женщинам и крикнула: — Мама, мама, дядя летчик пересылает тебе спасибо!

Она внимательно следила большими синими глазами за работой пилота и механиков.

«Если она улыбнется, я вернусь,— неожиданно подумал капитан.— Ну, улыбнись. Пожалуйста»,— мысленно попросил он.

Девочка улыбнулась.

Она была очень похожа на его Зосю...

Машина подпрыгнула последний раз и остановилась.

— Приехали? — спросил Добруш шофера.

— Приехали, товарищ капитан.

Добруш открыл глаза и взглянул на циферблат. Было двенадцать дня. До вылета оставалось восемь часов.

— Вам придется подождать, пока механики снимут с машины мотор,— сказал капитан шоферу, ставя ногу на подножку.— Затем вы съездите...

Он оборвал фразу на полуслове. Взгляд капитана остановился на самолете, на котором ему предстояло лететь и с которого он утром приказал снять мотор.

Мотор не был снят.

Некоторое время капитан молча смотрел на машину. Потом так же ровно закончил:

— ...съездите на склад за бомбами и можете быть свободными.

Он вышел из кабины, похлопал по карманам и, достав трубку, сунул ее в зубы.

К нему, держась за распухшую щеку, подбежал старшина Рогожин.

— Вы... привезли новый мотор?!

Капитан перевел на него тяжелый взгляд.

— Что это значит? — резко спросил он.

Старшина сник.

— Василь Николаич... когда вы уехали, пришел командир эскадрильи Зотов. Мы уже начали снимать винт. Он... отменил ваше приказание. Сказал, что новых моторов нет.— Рогожин с отчаянием взглянул на капитана.— Если бы я мог знать!..

— Та-ак...

— Это моя вина, командир,— сказал старшина.— Я не смог объяснить капитану Зотову...

Добруш пожевал губами.

— Я вас не виню.

Он прошел к курилке и тяжело опустился на скамейку.

А, черт, как же он забыл предупредить комэска? Конечно, тот знает, что на складе моторов нет и взять их неоткуда.

Капитан вдруг почувствовал себя дряхлым, смертельно уставшим стариком. Заныли старые раны от пуль и осколков.

Он взглянул на сгорбившегося рядом старшину, левая щека которого походила на подушку.

— Ну что, старшина? — тихо спросил он.— Что? Совсем зуб замучил? Я вот тоже что-то расклеился...

— Стариками становимся, Василь Николаич...

— Да, пожалуй... Вам сколько, старшина?

— Сорок девятый стукнул, Василь Николаич,— вздохнул тот.— И все возле самолетов... Из-за них и жениться не успел.

— М-да... Я вот тоже... Я, правда, женился, да... Ну, ладно.

Ветер утих. Ярко светило солнце, и было тепло. В воздухе над аэродромом плыла на юг паутина.

— Что делать-то будем, Василь Николаич? — спросил старшина.— С мотором-то?

— Не стоит об этом, старшина. Посидите. Отдохните. Вам за эту неделю и без того досталось...

— Василь Николаич... я подумал... если вам часа на три-четыре, то мотор еще выдержит. Мы там кое-что перебрали, заменили...

Капитан покачал головой.

— Мне ведь на Кенигсберг, старшина. Тут в четыре не уложишься.

Рогожин выпрямился.

— На Кенигсберг?!

Добруш кивнул.

— Что же вы мне раньше не сказали, Василь Николаич?! — вскричал старшина.— Да ведь я... я никакому бы приказу... О господи... да если бы я знал...

Капитан махнул рукой.

— Что уж сейчас об этом... Сидите. У меня еще будет время все это обдумать.

— Когда вам вылетать?

— В восемь.

— В восемь... Всего восемь часов...— Рогожин о чем-то задумался. Потом вскочил на ноги.— Василь Николаич, есть! Мотор у вас будет! Мы успеем.

Капитан отмахнулся.

— Да ну, что вы такое говорите. Сидите. Ничего вы не успеете.

— Успеем, Василь Николаич! — возразил старшина.— Можете не сомневаться. Занимайтесь спокойно своими делами. Я соберу техников и механиков со всего полка. В лепешку разобьемся, а мотор у вас будет!

Добруш поглядел на старшину и тоже поднялся. Выбив пепел из трубки, он сунул ее в карман.

— А пожалуй... вы правы. Ну что ж, старшина. Ладно. Действуйте. Учтите, что мне еще потребуется время на облет машины.

Он повернулся и стремительно зашагал по стоянке. Он снова верил в то, что хорошо сделает свое дело...

9

Все вокруг замерзло. Здесь, на высоте восьми тысяч метров, термометр показывал минус тридцать пять. И близкие звезды, и чернота неба, и машина, и люди в ней — все застыло в неподвижности. Даже гул моторов, кажется, только потому не отстает от них, что примерз к обшивке самолета.

— Штурман, как курс? — спрашивает Добруш.

— Курс хорош, командир.

— Стрелок, у вас все в порядке?

— Все в порядке, командир.

— Не забывайте о кислороде. Какое у вас давление?

На высоте восьми тысяч метров, где атмосферное давление составляет меньше половины нормального, пилоту нужно постоянно следить за самочувствием своего экипажа. Малейшая неполадка с подачей кислорода — и наступает обморок, а через несколько минут — смерть. Человек даже почувствовать ничего не успеет.

— Сто двадцать, командир.

— Как?! Вы успели съесть тридцать атмосфер?! Стрелок, вы что — костры им разжигаете?

Надо же! Кислород им особенно потребуется на обратном пути, потому что возвращаться предстоит на восьми с половиной — девяти тысячах метров. Им нужно экономить горючее, а именно на этих высотах у них будет сильный попутный ветер. Но если кислорода на обратный путь не хватит...

— Нет, командир, я им дышу,— с обидой возражает стрелок.

— Так дышите поэкономнее! Немедленно уменьшите расход кислорода!

В наушниках слышится сопение стрелка и потом его голос:

— Уменьшил, командир.

— Ладно. Штурман, у вас какое давление в баллоне?

— Сто двадцать пять.

— Ладно.

Хоть один умный человек нашелся.

Добруш понимает, что несправедлив. Расход кислорода у стрелка нормальный. Но это уже сказывается Кенигсберг. Города не видно, но пилот всем своим телом чувствует его приближение, чувствует затаившуюся в нем опасность. И он нервничает.

— Эй, стрелок!..

— Я слушаю, командир.

— Не злитесь.

— Не буду, командир.— Стрелок веселеет.— Долго нам еще? Я совсем окоченел...

— Штурман, как цель?

— Девять минут тридцать секунд.

— Стрелок, вы слышали? До Кенигсберга — девять минут тридцать секунд.

— Понял, командир.

И они смолкают.

10

...Добрушу необходимо было поговорить со штурманом Назаровым.

В землянке, служившей одновременно и клубом, и столовой, и библиотекой, было почти пусто. За столиком у окна двое летчиков играли в шахматы. Трое других, среди которых находился и майор Козлов, перекидывались в карты.

Назаров сидел на табуретке у стеллажа и читал книгу. На нем были безукоризненно выглаженные брюки, ослепительно сверкающие ботинки и новенькая кожаная куртка. Выбритое до синевы лицо его казалось аскетически сухим и строгим.

— Мне надо поговорить с вами, штурман,— сказал Добруш, подойдя.

Назаров поднял голову и взглянул на него.

— К вашим услугам.

— Но, пожалуй, не здесь,— сказал Добруш, оглянувшись.

Штурман положил книгу на полку и поднялся.

За столиком, где сидел майор Козлов, установилась тишина. Летчики с любопытством поглядывали на Добруша с Назаровым.

Добруш уже было прошел мимо и взялся за ручку двери, как вдруг сзади услышал шепот:

— Да какой из него летчик! Карьерист и бабник, недаром из истребителей выгнали...

Добруш опустил руку и повернулся. Шепот оборвался. Шрам на лице капитана начал медленно чернеть. Он шагнул к столу.

— Вы хотели мне что-то сказать, Козлов? — спросил он майора.

Тот приподнял брови с деланным удивлением.

— Я! Ну что ты, дорогуша, здесь о тебе...

— Встать,— тихо сказал капитан.

Козлов уставился на него с изумлением.

— Что-о?! Да как ты смеешь так разговаривать со стар...

Капитан положил руку на кобуру пистолета. Майор осекся.

— Встать! — повторил Добруш.

Не спуская глаз с руки капитана, майор начал медленно подниматься.

— Имей в виду,— проговорил он, бледнея,— это тебе...

— Смир-рна!

Козлов вздрогнул.

— А теперь повторите вслух то, что вы шептали. Я предпочитаю, чтобы такие слова мне говорили в лицо, а не в спину.

— Я ничего не...

Капитан ждал, глядя на него в упор тяжелым взглядом. За соседним столиком перестали играть в шахматы.

Лейтенант, сидевший рядом с майором, заинтересовался картами, которые держал в руках. Второй летчик откинулся на спинку стула и с любопытством поглядывал то на капитана, то на майора.

— ...не говорил,— выдавил майор.

Добруш презрительно скривил губы.

— Оказывается, вы не только мерзавец, Козлов. Вы еще и трус.

Майор судорожно дернулся.

— Садитесь!

Добруш резко повернулся и пошел к двери. Штурман, со скучающим видом разглядывавший в продол-

жение этого разговора спичечную коробку, шагнул за ним.

— Не стоило вам связываться,— заметил он, когда они вышли.

— Так уж получилось,— хмуро сказал капитан.

— Просто он боится, что вас назначат командиром третьей эскадрильи вместо него.

— А...

— Теперь он побежит жаловаться к полковнику, к... Ну да ничего. Я ведь видел, что вы всего лишь поправляли кобуру.

— Спасибо.

Когда они спустились в землянку пилота и штурман устроился у стола, Добруш подвинул к нему планшет.

— Как вам нравится эта линия? — спросил он.

Назаров посмотрел на карту.

— Кенигсберг?

Добруш кивнул.

— Когда?

— Сегодня. Ночью.

Штурман почесал пальцем подбородок.

— Кто у вас сейчас штурман?

— Коблов.

— С Кобловым лететь нельзя.

Добруш сунул в зубы трубку и затянулся дымом. Назаров задумчиво посмотрел на карту.

— Он не может ориентироваться,— сказал он.— Но суть не в этом. До Кенигсберга вы его довезете, но ведь он висит над целью не меньше пяти минут. Я видел его в деле.

Он подумал.

— Если бы с вами полетел я, мы вернулись бы.

Добруш кивнул.

— Я знаю, что вы хороший штурман.

Назаров поднялся.

— Я готов.

11

— Командир, прошли Мемельскую косу,— говорит штурман.— Разворот влево. Курс девяносто три.

— Понял. Девяносто три.

Машина круто кренится. Впереди показываются редкие огоньки.

Пилот выравнивает машину.

— Взял девяносто три.

Он склоняет голову и смотрит вниз. Потом снова выпрямляется и застывает.

Внизу — серая пелена.

— Командир, до цели — пять минут.

— Понял. Стрелок, вы слышали? Осталось пять минут.

— Слышу, командир.

— Как у вас дела?

— Нормально, командир.

Впереди — луна. Луна — это совсем плохо, потому что им сейчас нужна хотя бы слабенькая облачность. Хоть самая маленькая...

Небо совершенно чистое. До звезд можно дотянуться рукой.

— Ладно. Следите за воздухом.

...В штабе капитану Добрушу сообщили время и место встречи с группой, идущей на Кенигсберг.

Самолет взлетел с аэродрома и пришел в назначенную точку секунда в секунду.

Но группы в воздухе не оказалось.

Пилот сделал круг в надежде, что вылет несколько задержался. Самолетов по-прежнему не было.

— Стрелок, передайте на командный пункт: «Встреча не состоялась. Прошу указаний».

Пилот сделал еще круг. Потом еще.

Только через восемь минут была получена ответная радиограмма. Она состояла из двух слов: «Выполняйте задание».

Пилот развернул машину на курс.

Что могло помешать группе прийти к месту встречи? Неожиданный налет вражеской авиации? Или еще что-нибудь?

Ни пилот, ни штурман, ни стрелок этого не знали. Это они выяснят только после возвращения.

Если смогут вернуться.

Как бы там ни было, они остались в воздухе одни. И теперь могли рассчитывать только на себя.

12

Штурман щелкает движком навигационной линейки и сует ее за отворот унта. Потом сбрасывает с колен планшет с прикрепленным к нему ветрочетом. Больше они ему не нужны. Четкими, точно рассчитанными движениями он устанавливает на прицеле угол сноса, уточняет высоту бомбометания и путевую скорость.

Он окидывает свое хозяйство внимательным взглядом, убеждаясь, что сделал все необходимое точно и пунктуально. Когда-то, в те далекие времена, когда еще не было войны, курсанты, которых он обучал, за глаза называли его педантом. Он знал об этом. И делал все возможное, чтобы и они стали педантами.

Потому что в авиации долго живут лишь педанты. Те, которые полагаются не на удачу, случай или везенье, а только на уверенность, что ничего не забыли, все рассчитали и сделали как следует. Сделали так, как делает хорошо отлаженная машина.

Теперь он смотрит на приближающийся город.

— Командир, подходим к цели. Как будем производить бомбометание — серией или залпом? Я рекомендовал бы залп.

— Вы уверены, что попадете, штурман?

— Да.

— Хорошо. Залп.

Штурман перебрасывает указатель на сбрасывателе бомб на залп и застывает. Его аскетическое лицо, обтянутое шлемофоном, становится еще суше и строже. Он включился в цепь, и теперь он — часть машины. Часть, которая должна сработать так же точно, четко, быстро, как замки держателей или створки бомболюков.

Он сдвигает пальцы на щитке.

— Командир, открываю люки.

— Понял.

Снизу доносится глухой удар — раскрываются створки.

Все вокруг спокойно, тихо, мирно. Мерцают звезды. Гул моторов — ровный, басовитый, домашний. Ну стоит ли тем, внизу, стоящим у зенитных и пулеметных стволов, обращать внимание на далекий и безобидный гуд шмеля?

Штурман знает: внизу, в нескольких сотнях, а может, и десятках метров от самолета висят аэростаты заграждения. Малейший просчет, и самолет врежется в черную громадину.

Он знает: внизу наготове сотни прожекторных установок, которые в любую секунду могут ударить по машине слепящим молочно-белым светом.

А вслед за светом вспорют небо сверкающие лезвия сотен и тысяч комет. Комет с железными ядрами, которые взрываются по курсу и вспарывают обшивку самолета, словно бумагу.

Но это еще ничего. А вот когда такая комета угодит в бомбовый отсек...

Об истребителях и говорить не приходится.

«Нас не обнаружат,— думал штурман.— Им не до нас».

«Ты должен попасть в цель во что бы то ни стало. Ты должен найти цель и уничтожить ее,— обращается к себе штурман.— Все остальное для тебя не существует».

«Скверно, что я не знаю, на какой высоте у них аэростаты заграждения,— думает пилот, напряженно всматриваясь в небо.— Сколько я могу терять на выходе из огня? Хорошо бы у меня была в запасе хоть тысяча метров. Тысяча метров — вот что мне нужно. Но раз я этого не знаю, придется вертеться на двухстах. Двести-то у меня наверняка есть».

«Как там штурман? Точно ли выведет на цель?»

«Я хотел бы иметь на борту груза не девятьсот килограммов, а девятьсот тонн. Я хотел бы превратить этот город в то, во что они превратили Минск. Во что они превратили Смоленск. И сотни других городов...»

«Глупости,— обрывает он себя.— Город здесь ни при чем. Тебе приказано сбросить бомбы на военный объект, это ты и сделаешь. Вот и все».

«Как там штурман?»

«Сколько высоты у меня в запасе?..»

«Они примут нас за своих,— думает стрелок.— Они не поверят, что это мы. Мы так высоко, что...»

Штурман склоняется над бомбоприцелом. В его поле медленно вползают темные пятна домов, квадраты заводских корпусов. Штурману нужен один-единственный квадрат, который он узнает из тысяч. Он изучил его по схемам и снимкам до последней черточки.

— Стрелок, следите за воздухом.— Голос пилота звучит жестко, как приговор.— Стреляйте по любому подозрительному объекту, чем бы он ни был.

Штурман слышит ответ стрелка:

— Есть, командир. Готов, командир.

— Штурман...

Пилот не успевает закончить фразу. Хозяином самолета, хозяином, превращающим грозную машину на несколько секунд, а иногда и минут, в беззащитную мишень, становится штурман:

— Командир, цель вижу!

— Понял.

— Командир, влево три. Курс девяносто.

— Есть. Взял девяносто.

— Еще градус влево...

Пилот действует так, будто штурман дергает его за невидимые ниточки, привязанные к рукам и ногам. Сейчас он только марионетка в руках штурмана. Он напрягается до предела, чтобы безукоризненно выполнить его требования.

— Взял.

— Боевой!

И пилот видит, как исчезает небо. Гаснут звезды. Проваливается земля.

Будто команда штурмана нарушила равновесие. Десятки белых столбов ударяют в небо, мечутся вокруг, сталкиваясь друг с другом, разбегаясь в стороны.

Прожекторные лучи.

Они впереди, по сторонам, сзади. Они вот-вот заденут самолет, и тогда на машину обрушится железный смерч.

Бежать от них! Спрятаться!

Но пилот словно закаменел. Он держит курс «89». Он будет держать его до тех пор, пока штурман не даст команду изменить или пока взрыв зенитного снаряда не бросит их вниз.

Штурман не видит прожекторных лучей, но по бликам в прицеле понимает, что произошло.

Он еще плотнее прижимается к окуляру прицела.

— Командир, еще чуть влево...

И пилот доворачивает машину прямо на огненный столб, вставший перед носом самолета. По его телу течет холодный липкий пот.

Столб падает влево. Пилот смачивает кончиком языка губы. Он бросает взгляд на хронометр. Ему казалось, что они висят на боевом курсе не меньше пяти минут. Хронометр говорит: десять секунд.

Слишком много лучей!

Кто-то размахивает ими, как палками. Большими белыми палками. Они налетают друг на друга и с треском отскакивают в стороны.

С треском...

Это справа вспухают два ослепительных шара. Это уже рвутся зенитные снаряды. А вот еще — впереди, чуть левее, целая гирлянда, один над другим, оранжево-черные...

— Ух! — доносится голос стрелка.

— Сброс! — врывается в наушники голос штурмана. Самолет подпрыгивает, освободившись от груза.— Командир, противозенитный маневр!

Пилот сваливает самолет на левое крыло и ускользает от удара несущейся навстречу кометы.

Успел!

Они неуязвимы. Теперь они не мишень. Теперь они могут защищаться! Они неуязвимы...

13

Штурман отрывается от прицела и бросает взгляд на секундомер. Он держал машину на боевом курсе восемнадцать секунд. Если пилот хоть немного следил за хронометром, он должен быть доволен.

Вокруг самолета — десятки прожекторных лучей. Штурман косится на них, от резкого света начинает нестерпимо чесаться в носу. Штурман закрывает глаза и оглушительно чихает.

— Будь здоров,— говорит он себе тихонько и прикладывает к губам платок. Потом чихает снова и еще раз желает ласково: — Будь здоров, дружок...

Он не суеверен. Просто он уважает хороших людей.

Он закрывает бомболюки, выключает освещение сетки прицела и берется за ручки пулемета. Мало вероятно, чтобы какой-нибудь немец сунулся в эту кашу, но все может быть. И штурман настороженно оглядывает небо.

...Пилот бросает машину вправо. Он знает, где взорвется очередной снаряд. Знает так, будто немецкий наводчик только что шепнул ему об этом на ухо.

И снаряд взрывается. Не один, а целая гирлянда огненных клубков.

Но пилот уже ушел от них.

Влево!

Вправо! Влево! Вниз!

— Командир, продержитесь еще минуту. Это немного...

Немного! Да это целая вечность, штурман. Это...

— Ух ты-ы!..— крик стрелка.— Вниз... внизу... оля-ля-ля!

Но пилот со штурманом уже и сами увидели. Внизу — море огня. Оно как-то лениво, словно в раздумье, приподнялось над землей и потом плеснуло в стороны с такой стремительностью, что, казалось, залило всю землю до горизонта.

Прожекторные столбы, до того метавшиеся по небу, на мгновение застывают, словно парализованные. Потом начинают качаться с еще большей яростью и настойчивостью.

Во что же это угодил штурман, что разъярил такую стихию? Неужели в бензохранилище? Или в склад боеприпасов?

Пилот уходит от прожекторных лучей. Нет, он не позволит угробить такой экипаж...

— Штурман...

Могут они еще терять высоту или нет? Не врежутся в аэростаты?

Но он задыхается от одного слова. Он бросает машину вправо. И снова ускользает от лучей.

— Стрелок!

— Командир?

— Что...

Ему нужно знать, какая обстановка сзади. Но он не успевает спросить. Он падает на штурвал. Даже сквозь закрытые веки свет режет глаза так, что, кажется, проникает до самой последней клеточки мозга. В этом свете нечем дышать...

— О-ох! — доносится стон.

Пилот сваливает машину влево и полностью отдает штурвал.

— Командир!..

Они выпадают в темноту.

— Вот это...

Еще один луч. Огненные вспышки и — трах-тах-тах-тах...— барабанная дробь по обшивке машины.

— Вправо, командир!

Он ничего не видит, но давит на педаль и выворачивает штурвал. Они снова вываливаются из слепящего молока в темноту.

— Влево!..

Пилот бросает машину влево. Вернее, их отбрасывает. Справа, почти под крылом, взрывается снаряд.

— Ну и свистопляска,— ворчит Назаров.— Еще несколько секунд продержитесь, командир.

— Живы, штурман?

— Чего мне сделается...

— Стрелок, вы живы?

— Жив... Живу... Ух! А-а, сволочь!

Ду-ду-ду-ду...

Это работает пулемет стрелка.

— На, гад, на, на!..

Удар справа.

— Стрелок, что...

Удар слева.

Левой ноги, правой, левой, правой...

Они в огненном кольце. В кольце из огня и металла. И что-то случилось у стрелка. Могут они терять высоту или нет?

— Штурман, как...

Удар. Совсем рядом.

— Командир, можете терять еще тысячу мет...

Удар. Машина прыгает вверх, словно скаковая лошадь.

— ...выходим...

Удар.

— ...заграждения!

Вспышка шаровой молнии прямо по курсу и треск пробиваемой обшивки. И еще один огненный клубок. Удар.

Самолет бросает то вниз, то вверх, то в стороны. Пилот с трудом удерживает его, чтобы не сорваться в штопор.

Грохот.

— Сво-олочи!.. — орет стрелок.

14

Штурмана болтает в кабине, бьет о борта, но его руки прочно держат пулемет, а глаза ощупывают каждую пядь неба. Он уже понял, что означает стук пулеметов стрелка. И он готов к этому.

Скоро штурман увидит...

Вот он!

Слева появляется черный силуэт самолета. Хобот штурманского пулемета мгновенно поворачивается в его сторону. Взгляд штурмана проходит сквозь прицел и впивается в борт чужого самолета. В этом взгляде — приговор.

Пулемет с ревом выбрасывает длинный белый гарпун, и самолет исчезает. Он будто под лед проваливается.

— Командир, как у вас дела? — спрашивает штурман.

— Ни...чего...

— Стрелок, вы держитесь?

— Держусь!

Они держатся...

Штурман ведет стволом пулемета вправо и бьет по черному пятну. Он не знает — самолет это, аэростат заграждения или еще что. Что бы там ни было — он обязан это расстрелять.

Сзади тоже почти без перерыва стучит пулемет — стрельба гулом отдается по всему корпусу машины.

Нет, их не так просто отправить на тот свет! Он, штурман, не раскаивается, что пошел в этот полет. На людей, с которыми он работает, можно положиться. Они не дадут себя угробить за здорово живешь, они будут защищаться до конца.

...Пилот бросает машину из стороны в сторону. Он вырывается из огненного кольца, оно опять сжимается, но он снова уходит, снова отступает и наступает. Он слышит, как стучит пулемет штурмана:

Р-ры-ых!.. Р-р-р...

Впереди проскальзывает тень.

Р-ры-ых!

— Штурман...

— Командир?...

— Что там...

Р-ры-ых!..

Удар.

Кажется, последний. Пилот чувствует, что они уже вырвались. Отстают разрывы, отстают прожекторные лучи.

— Ничего, командир,— тяжело дыша, говорит штурман.— Прорвемся...

Ррых!

Ду-ду-ду-ду...— выстукивает пулемет стрелка.

И вдруг над головой пилота раздается хлопок. Слабый, почти неслышный хлопок, как из детского пугача. Капитан выпускает из рук штурвал и хватается за глаза. Потом медленно сваливается на привязные ремни...

15

Штурман чихает еще раз — от наступившей темноты.

— Будь здоров, дружок... теперь уж недолго осталось,— говорит он себе.

Ну, вот и вырвались. Где-то там, сзади, мечутся по небу прожекторные лучи и рвутся снаряды — на остеклении кабины то и дело вспыхивают блики. Но это уже не страшно...

И в этот момент над головой раздается взрыв, освещая все в кабине так, что становятся видны даже царапины на бомбоприцеле. Штурман прижимается к бронеспинке, потом стремительно оборачивается.

Кажется, обошлось...

— Безобразие,— ворчит штурман и осекается.

Машина начинает как-то странно, медленно, рывками заваливаться на крыло, переходя в пике. Что это

означает? Но у штурмана нет времени подумать. Справа появляется силуэт самолета, отчетливо видимый на лунном небе. Штурман стремительно разворачивает пулемет.

Р-рых!

Он ведет пулемет вверх, потому что кабина кренится все круче. Целиться трудно.

Р-рых!..

Вражеский самолет выскальзывает из прицела и исчезает где-то в заднем секторе.

Штурман, не выпуская пулемета из рук, зовет:

— Командир!

Молчание.

— Командир, что случилось?!

Самолет уже падает. Но сзади, не умолкая, грохочет пулемет стрелка: ду-ду-ду-ду...

— Командир, вы слышите меня? Командир!..

Никакого ответа. Самолет с воем несется к земле.

— Командир! Самолет падает! Командир!..

Штурман приподнимается на сиденье, но его прижимает к бронеспинке. Что он может сделать, если в своем стеклянном колпаке отделен от пилотской кабины броневой плитой? Спереди, сверху, по сторонам — стекло. И штурман сидит сейчас на краешке пропасти, совершенно перед ней беззащитный.

У него нет управления — перебиты тросы, и он не знает, что случилось с пилотом.

— Командир! — зовет он.— Командир, мы падаем!..

16

«Падаем... падаем... падаем...»

Пилот целую вечность слышит это слово, но не понимает, что оно означает. Он напрягает всю свою волю, силясь понять, но тупой качающийся гул мешает ему, убаюкивает, успокаивает, заставляет отказываться от бесцельных попыток.

— Командир!..

Голос слабый и еле слышный.

Это он — командир... Ну да — он...

«Не пробуждайся, не пробуждайся, не пробуждайся...— уговаривает гул.— Не пробуждайся, потому что

пробуждение будет еще страшнее, чем беспамятство. Не пробуждайся...»

— Командир! Моторы пойдут вразнос! Командир!..

Пилот делает над собой страшнейшее усилие и приподнимает голову. Его словно обухом бьет по затылку, и он снова падает лицом на штурвал.

— Командир!!!

Моторы уже не воют — верещат. Пилот приподнимает руки и упирается в приборную доску. У него такое чувство, словно голову раздирают на части клещами. Он не знает, где он и что с ним. Но руки нащупывают штурвал. Руки знают, что только с помощью этого полукруга можно прекратить раскрутку винтов, остановить то страшное, что неминуемо должно последовать.

— ...дир ...левой ноги! Штурвал на себя!

Пилот вяло тянет на себя штурвал, так же вяло давит ногой на педаль. Он пытается сбросить с себя кошмар беспамятства. Голова его все увеличивается, упирается в фонарь, вот она уже не умещается в кабине, давит на борта. А может, это кабина сжалась до таких размеров, что стиснула пилота со всех сторон...

— Еще больше штурвал на себя! Левой ноги!..

Голос принадлежит человеку, который, несомненно, имеет право командовать. И пилот, судорожно сжимая пальцы, тянет, тянет на себя штурвал.

Но почему же так темно и больно? Что они с ним делают? Где он? И этот звук — визжащий, захлебывающийся звук, проникающий в самые дальние уголки мозга и наводящий ужас...

Пилот уже слышал когда-то подобный звук, вслед за которым начинаются еще более страшные — хруст ломающегося металла, лихорадочная дрожь машины и — клубы дыма, бьющие по остеклению кабины... А потом — удар, тишина и липкое бесконечное беспамятство...

Пилот пытается открыть глаза и глухо вскрикивает. Режущая боль снова швыряет его в небытие. Но беспамятство длится недолго. Страшнее боли, страшнее воя идущих вразнос моторов то, что он еще не успел осознать полностью, но к чему уже прикоснулся. И что надвигается на него неотвратимо.

— Командир, что с вами?!.

— Я...

Он смолкает. Он сидит неподвижно, пытаясь привести мысли в порядок и хоть чуточку отдохнуть от боли.

— Штурман... в каком положении машина?

Он спрашивает медленно и спокойно. Каждое слово — это сгусток боли. Но пилот уже не боится боли. Сейчас он знает более страшное, чем боль,— черноту. Густую, непроницаемую черноту.

Он глотает кровь.

— Падаем на правое крыло.

17

«Падаем! — жутью обдает стрелка.— Сбили!»

И в ту же секунду он видит тень пикирующего на них самолета. Он видит вспышки выстрелов.

Стрелок разворачивает пулемет. Он с яростью всаживает в тело чужой машины длинную очередь. Он видит вспыхнувший на фюзеляже язычок пламени и бьет, бьет, бьет по нему, заставляя разгораться еще ярче. Пламя вытягивается, словно лента, стремительно сматывающаяся с барабана, лижет хвостовое оперение. К земле устремляется огненная комета, на несколько секунд гасящая прожекторный свет.

— На, гад, на, на, на! — бормочет стрелок сквозь зубы.

Машина, в которой он сидит, тоже несется к земле. Она опрокидывается на правое крыло. Целиться трудно. Но сержант все бьет по уже поверженному врагу, без сожаления расходуя боекомплект.

— Командир!

Молчание.

— Штурман!

Ни звука.

— На, гад, на, на!

Стрелок не знает, кто их сбил. Но он видит перед собой врага, который так или иначе к этому причастен. У стрелка есть оружие. И он должен полностью рассчитаться за гибель самолета, за гибель командира, штурмана и свою собственную. Ему страшно, но еще более — обидно и горько, что он так мало успел сделать, и он вымещает свою обиду на несущемся к земле

самолете, полосуя из пулемета по его крыльям. Вся его ненависть сосредоточена на этих крыльях, которые он прошивает длинными очередями.

Бомбардировщик падает почти отвесно. Самолет дрожит, как в лихорадке, его кидает из стороны в сторону. Стрелка отрывает от сиденья, он почти лежит на пулемете, упираясь головой в обзорный купол. Он весь выворачивается, стремясь не выпустить из прицела горящий самолет, и бьет, бьет, бьет...

Самолет противника выпадает из сектора обстрела. Стрелок бросает рукоятки пулемета, облизывает губы и оглядывается в бессильной ярости. У него еще остались патроны. Но они уже не нужны. Вокруг — пустое черное небо и падающий в нем бомбардировщик.

Стрелок чувствует, как стремительно надвигается на них земля.

...Когда они после тщетного ожидания группы из соседнего полка подходили к линии фронта, стрелок, пытавшийся еще раз связаться с аэродромом, доложил:

— Командир, земля не отвечает.

— Стрелок, у вас включена рация? — резко спросил пилот.

— Да.

— Немедленно выключите ее!

— А как же связь?

— Выключите!

Стрелок щелкнул выключателем.

— Есть. Выключил.

— И теперь до конца полета забудьте о ней. Вы что же, хотите, чтобы нас засекли?..

Но сейчас — другое дело.

Стрелок щелкает выключателем и берется за ключ.

> «Москва, Кремль, товарищу Сталину. Докладывает экипаж корабля номер 33. Задание выполнено. Бомбы сброшены на Кенигсберг».

Дрожащими руками он выключает рацию и вытирает пот. Затем оглядывается с недоумением и растерянностью. Что-то изменилось. Случилось что-то такое, чего он не ожидал. Он замирает.

Самолет больше не падает. Неуверенно рыская из

стороны в сторону, он тем не менее все больше выравнивается и разворачивается на восток.

Стрелок протирает глаза, моргает, протирает еще раз.

— Командир! Штурман! — кричит он.

Никакого ответа.

— Товарищи капитаны! Отзовитесь!

Молчание.

И тогда стрелку становится страшно.

Он израсходовал почти весь боекомплект! А слева, на юге, в полнеба поднялась ослепительно-яркая громадная луна. Она серебрит фюзеляж и плоскости самолета. Она превращает его в видимую всему миру мишень. Беззащитную мишень, только что прокричавшую на весь мир своей радиограммой, что она здесь, рядом с Кенигсбергом, что ее необходимо сбить.

«Я расстрелял боекомплект. Мне нечем больше воевать. Я угробил экипаж»,— с ужасом думает стрелок.

Он стонет от злости и бессилия.

— Командир! Штурман!.. Да отзовитесь же вы! Командир!!

По щекам стрелка ползут слезы.

18

— Командир, возьмите штурвал еще чуть на себя! — говорит штурман.— На себя!

Пилот тянет штурвал. Приподнимает правое крыло самолета.

— Так! — говорит штурман.— Теперь нормально. Командир, что с вами?

Пилот медленно облизывает губы. Потом выпускает штурвал из правой руки и трогает голову.

Шлемофон изорван осколками стекла и железа. Пальцы натыкаются на большой кусок стекла. Пилот рывком выдергивает его. В мозгу вспыхивает шаровая молния. Несколько секунд пилот сидит неподвижно, приходя в себя. Он чувствует, как под шлемофоном растекается кровь.

Он переносит руку на лоб. И здесь осколки. Десятки мелких стеклышек, застрявших в коже и черепе.

Дотрагивается до век.

И сразу же отдергивает руку.

Глаза...

Он знал это. Но боялся поверить.

Он сжимает зубы и опускает руку на штурвал.

— Штурман...— говорит он,— штурман, вы не ранены?

— Нет! Командир, что с вами?

— Стрелок... вы... живы?

Он задыхается, но не дает боли усыпить себя снова.

— Стрелок!

Никакого ответа. А может, он и был, только пилот не услышал. Потому что в голове у него работает паровой молот: бух-бух-бух...

— Командир, что с вами? — настойчиво спрашивает штурман.— Почему вы не отвечаете? Командир!

— Экипажу приготовиться оставить машину,— приказывает пилот.

Он совершенно спокоен. Он знает, что произошло и что нужно делать. Он отдает четкие, разумные распоряжения. Единственно возможные в их положении. И он знает, что успеет сделать все необходимое до того, как тело откажется ему повиноваться.

— Командир, что с вами? Вы ранены? Или попали в прожекторный луч?

— Послушайте, штурман...— медленно выговаривает слова пилот разбитыми губами.— Это был не луч. Они вышибли мне глаза. Я... больше ничего не могу. Приготовьтесь...

— Нет! — с яростью кричит штурман.— Нет! Командир... нас не так просто угробить! Чуть накрените машину влево и дайте левой ноги... чуть-чуть... Так! Командир, держитесь! Мы выберемся!

Чернота снова надвигается на пилота, а стенки кабины сжимают голову.

— Штурман...— шепчет пилот,— штурман... попробуйте связаться со стрелком...

Он слышит голос штурмана как сквозь вату:

— Стрелок! Сержант Кузнецов!

Отвечает тот или нет? Нужно во что бы то ни стало связаться со стрелком. Обязательно. Сказать ему что-то важное, без чего он не может... не может...

Ах, да. Вспомнил.

— Штурман, прикажите стрелку прыгать. И прыгайте сами. Вы слышите?

— Нет! — кричит штурман.— Командир, уберите левый крен!.. Так, хорошо! Достаточно! Командир, мы идем домой! Вы слышите? Мы взяли курс домой. Все будет хорошо! Держитесь, командир!

Этот неприятный, назойливый голос! Зачем? Он все рассчитал правильно. Тело уже не слушается его. Он не чувствует рук, не знает, чем они заняты. Он рассчитал... Да, правильно, он должен сделать единственное, что еще может,— спасти экипаж. Все остальное он сделал. Так зачем же этот голос?

— Командир, мы ушли от Кенигсберга! — бубнит у него над ухом, не давая отдохнуть, не давая уйти от боли.— Вы слышите? Мы идем домой! Командир, продержитесь немного. Продержитесь до Белоруссии. До Белоруссии, вы слышите? Там мы что-нибудь придумаем...

«Белоруссии... Белоруссии... Белоруссии...»

Хоть бы все это быстрее кончилось!

«Белоруссии...»

Что это такое? Что-то очень знакомое, но пилот не может вспомнить — что.

«Беларусь...»

— Продержитесь, командир! Слышите? Нам нужно обязательно продержаться! Слышите, командир?

— Да... слышу. Штурман... в каком положении машина?

— Все в порядке, командир! Держитесь! — Голос штурмана становится отчетливее.— У вас в кабине справа аптечка. Вы слышите? Справа на борту — аптечка! Возьмите бинт и перевяжитесь! Выпустите штурвал из правой руки и перевяжитесь! Пе-ре-вя-жи-тесь!

Да-да. Надо перевязаться. Обязательно...

Пилот выпускает штурвал из руки и тянется к борту. Он нащупывает бинт. Потом зубами разрывает его.

В кабине воет воздушный поток. Это сквозь пробоину. Он леденит пилота. И он же заставляет его держаться.

Пилот ощупью, осторожно вытаскивает несколько осколков, застрявших в коже щек. Потом берет конец бинта в зубы и правой рукой начинает перевязывать голову. Пальцы слиплись от крови, кровь на куртке,

весь бинт пропитан ею, как губка. Голова раскалывается.

Но пилот должен долететь до Белоруссии...

— Штурман, осмотрите машину...

...Когда майор Козлов узнал, что полковник отдал капитану Добрушу штурмана и стрелка из его экипажа, он пришел в бешенство.

— Авантюрист! Холодный, расчетливый убийца! — выкрикнул он.— Если бы Назарову с Кузнецовым приказали лететь с тобой... но ты воспользовался тем, что они не посмеют тебе отказать! Как ты смеешь брать на себя такую ответственность?!

— Я не боюсь никакой ответственности, Козлов,— устало ответил Добруш.— И отвяжитесь, наконец, от меня, вы мне надоели. Я приведу машину обратно.

«Я приведу машину обратно...»

— Самолет как будто в порядке, командир,— сообщает штурман.— Пробоин, наверно, много, но жизненные центры не затронуты. Моторы пока работают хорошо, течи масла не заметно.

— Что... со стрелком?

Закончив перевязку, он откидывается на спинку сиденья.

— Я слышал стук его пулеметов всего несколько минут назад. Значит, он жив. Но с ним нет связи.

— Попробуйте... пневмопочту.

— Не работает.

— Штурман... выводите машину на курс...

— Машина на курсе, командир. Мы идем домой.

— А... хорошо.

— Продержитесь до Белоруссии, командир.

— Какая высота?

— Две тысячи. Мы долго падали.

— Мы идем с набором или снижаемся?

— Идем нормально, командир.

— Штурман... командуйте... набор... Нам нельзя...

Снова чернота протягивает к нему свои щупальцы и пытается выбросить из жизни.

— Набор! — кричит пилот.— Набор, штурман!..

Он не помнит, почему им нельзя идти на малой высоте, но твердо знает, что нельзя.

— Не так резко, командир! — поспешно говорит штурман.— Чуть отдайте штурвал от себя... Так, хорошо! Как вы себя чувствуете?

— Ничего... ничего... штурман...— бормочет пилот.— Ничего...

— Командир, вы перевязались?

— Да!

— Пока отдохните. Потом перевяжетесь лучше. У вас там осталось еще два бинта...

— Штурман, если я потеряю сознание...

Нет. Об этом не следует говорить. Если он потеряет сознание, штурман сам узнает об этом. Но он не имеет права терять сознание. Он отвечает за экипаж. Он отвечает...

— Штурман, что со стрелком?

— Пока не знаю, командир.

— Попробуйте узнать.

— Я пробую, командир...— Он на мгновение смолкает, потом спрашивает: — У вас кислород в порядке? Шланги целы? Проверьте...

«Ах, какой ты заботливый, штурман... Ладно, спасибо».

— Проверил. Нормально. У вас?

— В порядке.

— Пока не свяжетесь со стрелком... штурман... пока не свяжетесь...— Он снова вырывается из черного плена и продолжает:— Больше пяти тысяч не набирать...

— Да, командир. Понял, командир. Вы не забыли переключить баки?

Это он забыл. Пилот тянется к переключателю. Потом обессиленно откидывает голову на спинку сиденья...

19

Первой мыслью штурмана, после того как он узнал, что пилот потерял зрение, было дотянуть до Белоруссии. Конечно, оставлять самолет над оккупированной территорией — перспектива не из приятных. Но там была бы хоть какая-то надежда скрыться, связаться с партизанами или пробиться на восток.

Теперь этот вариант отпадает.

Пилот не выбросится с парашютом, потому что не захочет оставить в машине стрелка. А он, штурман, один прыгать тоже не станет. Вот и все.

Рассчитать наивыгоднейший режим полета и постараться не дать пилоту потерять сознание — вот все, что еще может сделать штурман. Но если даже пилот сможет продержаться до конца полета — это ничего не меняет. Они обречены. Слепому пилоту не посадить машину. Это-то штурман отлично понимает. Даже для здорового человека посадка — самое сложное.

Можешь рассчитывать скорость, высоту, маршрут, экономить горючее, искать попутный ветер, обходить вражеские ловушки, отбиваться от истребителей — все равно приговор вынесен.

Думать об этом не следует. Пока работают моторы, пока пилот не потерял сознание и пока в руках штурмана карта и навигационная линейка, им остается одно — лететь. И пытаться связаться со стрелком.

Штурман испробовал уже все средства — связи со стрелком нет. Возможно, он погиб. Может, ранен и потерял сознание. Может, выбросился с парашютом. Все может быть...

«Ну что ж,— думает штурман.— Я сделаю все, что от меня зависит. И если это даже ни к чему не приведет, я по крайней мере буду знать, что держался до последнего».

Так он разрешил для себя задачу. Не лучшим образом, он это понимал, но что еще сделаешь в его положении?

Звезды становятся ближе и крупнее. Они уже не мерцают, их свет ровен и колюч. Справа, на юге, сияет огромная луна. Луна-помощница и луна-предательница. С ее помощью штурман видит горизонт и может контролировать положение машины. Но она же превращает самолет в отчетливо видимую мишень.

Стрелка высотомера подползает к цифре «5».

— Командир, дайте штурвал чуть от себя,— говорит штурман.— Еще чуть-чуть... стоп! Хорошо, командир. Мы набрали пять тысяч.

— Понял.

Штурман слышит хриплое дыхание пилота. Он представляет, насколько трудно капитану Добрушу ве-

сти машину. Здоровый пилот может передохнуть, полегоньку работая штурвалом и педалями и тем самым расслабляя мышцы. Сейчас же он, не имея ни малейшего представления о положении машины в воздухе, вынужден каменно держать то положение штурвала и педалей, в котором застала их команда штурмана. Это в миллион раз тяжелее, чем при полете по приборам. Там есть хоть какие-то ориентиры — стрелки приборов, огоньки лампочек... Сейчас — ничего. Чернота. И боль.

— Командир, прибавьте чуть газу. Еще... Стоп, хорошо!

— Какая скорость?

Пилот дышит со свистом.

— Двести восемьдесят по прибору. Путевая триста тридцать.

— Хватит нам горючего?

Хотел бы штурман сам знать это! Если ветер не изменится — должно хватить. Но если он ослабнет или изменит направление... К тому же неизвестно, не пробиты ли баки и выдержат ли они...

Но он говорит:

— Да, командир. Хватит.

— Ну... ладно.

Они идут на восток — вот все, что пока знает штурман. Пока они были на боевом курсе, ускользали от прожекторов и зениток, падали, а потом приходили в себя, штурман потерял ориентировку. Теперь ее надо восстанавливать. Каждая минута промедления — перерасход горючего, кислорода, масла...

— Командир, вы сможете подержать режим? — спрашивает штурман.

— Попробую.

Штурман берет в руки секстант.

Какую звезду визировать? Ладно, Арктур. Сегодня он хорошо виден, а расчеты по нему менее сложные, чем по планетам.

Штурман крепче упирается ногами в пол кабины.

— Дайте крен влево... Стоп! Теперь немножко правой ноги... Достаточно! Режим, командир!

Штурман ловит звезду видоискателем и пускает секундомер. Арктур чуть подрагивает в крошечном пузырьке в центре поля.

Многие штурманы с большим недоверием относятся к расчетам по звездам. Назаров знал таких, которые утверждали, что восстанавливать ориентировку по звездам — все равно что гадать на кофейной гуще. Отчасти страх перед звездами у них был связан с тем, что расчеты по ним действительно сложны, но главное — при этом способе недопустима даже малейшая небрежность, иначе можно получить ошибку в сотни километров.

Назаров доверял звездам. В свое время он потратил не один месяц, чтобы в совершенстве овладеть этим искусством, и теперь легко управлялся с секстантом и астрономическими таблицами. Поэтому он терпеть не мог, когда при нем пренебрежительно отзывались о «звездочетах».

Пилот ведет машину так, как не вел ее ни один летчик, с которым штурману приходилось летать раньше. Штурман стискивает зубы. Ах, сволочи, что они с ним сделали...

— Промер окончен, командир. Спасибо.

Штурман записывает результаты визирования в бортжурнал.

— Как вы себя чувствуете, командир?

— Ничего...

По его голосу штурман понимает, насколько пилоту плохо. Каких усилий стоит ему не сорваться, не потерять голову, управляться со штурвалом, педалями, тумблерами, переключателями... Если бы он мог хоть чем-то помочь пилоту! Если бы они находились в одной кабине или хотя бы имели доступ друг к другу...

Штурман засовывает секстант в чехол и берется за таблицы. Потом прокладывает на карте линию.

— Командир, доверните вправо двенадцать...

— Понял, двенадцать. Следите.

Самолет кренится, разворачиваясь на нужный курс.

— Стоп! — говорит штурман.— Так держите, командир.

— Понял.

— Командир, подходим к Сувалкам. Скоро будем над Белоруссией.

Все эти сведения пилоту не нужны, штурман прекрасно понимает. Но он понимает и то, что любыми средствами должен держать Добруша в напряжении.

должен что-то говорить, чтобы тот сосредоточил внимание на полете, а не на боли и слепоте. Если он перестанет напрягать свою волю, свои силы, сознание может незаметно покинуть его, и тогда все расчеты ни к чему...

Поставив точку на карте, штурман прокладывает прямую линию до Минска. Это кратчайший путь. Потом он еще раз уточнит место самолета и проложит такую же линию до аэродрома.

— Доверните чуть вправо, командир... Еще... Хорошо! Маленький крен на левое крыло... Стоп! Держите так, командир.

— Постараюсь. Штурман...

— Да?

— Вы все еще не связались со стрелком?

— Нет, командир. Пока не связался.

— Постарайтесь что-нибудь придумать. И говорите о чем-нибудь. О чем угодно.

Пилот дышит часто и хрипло, слова звучат невнятно.

«Дело плохо»,— думает штурман. Если пилот просит его говорить, значит, дело из рук вон плохо. Значит, он сам чувствует, что в любой момент может потерять сознание.

— Командир, вам нужно еще перевязаться,— говорит штурман.— Вы слышите меня? Возьмите бинт из аптечки и перевяжитесь.

— Да. Понял.

20

«Бинт... да, нужно взять бинт,— вяло думает пилот.— Нужно...»

Штурвал жжет руки. Спина одеревенела, а руки и ноги пилот ощущает как часть тела лишь по временам.

Мысли путаются.

Пилот немного сдвигает на штурвале правую руку и потом сжимает его еще крепче. Он забыл, что должен был сделать. И эта гнетущая чернота...

«Пилоты, безответственно забывая выключать в полете колеса, допускают перерасход горючего...»

Откуда это? Что за чушь?!

«Пилоты, забывая...»

Губы пилота растягиваются в непроизвольной ухмылке. Он вздрагивает. Холодная волна ужаса прокатывается по телу:

«Схожу с ума!»

«Пилоты, забывая...»

— Прекратить! — орет он.— Прекратить!

— Командир! Что с вами?! Командир!

Пилот приходит в себя. Он пытался сбросить привязные ремни и вскочить на ноги. Тяжело дыша, он сползает по спинке сиденья, медленно расслабляет сведенные судорогой мышцы.

— Командир! — зовет штурман.

— Смесь,— бормочет пилот. Потом говорит более твердо: — Слишком богатая смесь... Надо отрегулировать.

Штурман облегченно вздыхает:

— Простите, командир. Я забыл вас предупредить...

— Ничего...

Пилот забыл отрегулировать подачу воздуха от нагнетателей в смесительные камеры моторов. Это надо было сделать сразу, как только они набрали высоту. Это поможет сэкономить горючее.

Пилот подается вперед и медленно, осторожно регулирует подачу воздуха. Потом переносит руку на штурвал.

— Командир!

— Я слушаю, штурман.

— Вы взяли бинт? Вы перевязались?

— Ах да. Надо перевязаться...

— Сейчас,— бормочет пилот.— Сейчас...

Он поднимает руку и начинает ощупывать борт кабины. Аптечка... Вот она. Зачем она ему нужна?

— Вы нашли бинт? — спрашивает штурман.

Да, правильно. Бинт. Отчего у него все лицо мокрое и липкое? И шея... Что-то ужасно давит...

— Возьмите конец бинта в зубы!

Сильно мешает кислородная маска. Как же он возьмет бинт? Ах, да, надо ее сбросить. Сейчас...

— Командир, просуньте конец бинта под маску! — приказывает штурман.— Вы помните, на какой мы высоте? Пять тысяч! Здесь недостаточно кислорода! Будьте осторожны с маской!

Когда же это все кончится!..

Он просовывает бинт под маску и сжимает зубами конец. Потом медленно заматывает его вокруг головы.

Мешает шлемофон. Мешает маска. Пальцы не слушаются.

Боль наваливается многотонной глыбой. От нее невозможно скрыться. От нее нет спасения. И когда пилот заканчивает перевязку, он чувствует себя обессиленным и опустошенным.

— Командир, вы перевязались?

— Да.

— Дайте чуть штурвал от себя.

— Ладно.

Он пытается шевельнуть руками, но не чувствует их. Выполнил он команду штурмана, или нет? В каком положении машина?

— Командир, вы слышите меня? Дайте чуть штурвал от себя!

— Разве я не дал?

— Нет!

— Даю.

Безнадежно. Он не чувствует рук.

— Вот теперь хорошо,— говорит штурман.

Значит, он все-таки дал штурвал...

21

Гул моторов сливается с воем воздушного потока в кабине. Во рту сладковатый, приторный вкус крови. Удары сердца кажутся оглушительными, оно готово выскочить из груди. Мир стал ограниченным, он весь из боли и черноты. Машина, которая всегда давала ощущение необъятности пространства, сейчас сжала его до размеров детской игрушки. Мир — это ручки штурвала. Только они одни и существуют. А может, даже их нет, потому что все чаще наступают провалы, когда пилот не ощущает их ребристой поверхности.

С первого дня войны в каждом вылете рядом с пилотом шла смерть. Но он не думал об этом. Когда управляешь такой совершенной и сложной машиной, как самолет, невольно появляется иллюзия, что ты все можешь, что только от тебя, от твоего умения, твоей воли зависит победа и жизнь. Чуткая, быстроходная и

грозная машина послушно выполняет малейшее желание пилота, стремительно ввинчивается в небо или кометой несется к земле. Да разве можно, управляя таким чудом, поверить, что тебя собьют? Пока тебя обнаружат, пока прицелятся, пока дадут залп, ты уже обнаружил противника, прицелился, обрушил ему на голову бомбовый груз, прошил ливнем пуль и снарядов и растаял в небе. Кроме того, за эти полчаса-час ты проделал столько эволюций, выполнил такой объем физической, умственной и нервной работы, с которым простой смертный в обыкновенных условиях управился бы разве что за неделю. И у тебя не было возможности не только подумать о том, что тебя могут покалечить или убить, но даже соотнести все происходящее с собой.

Великолепная машина — боевой самолет! Даже если бы конструкторы специально поставили перед собой задачу создать нечто, превращающее человека в героя, они не смогли бы выдумать ничего лучшего. Военный самолет начинен таким количеством приборов, агрегатов, систем управления, что на мысли о чем-нибудь другом, кроме них, у летчика не остается ни одной свободной секунды. Каждое мгновение он должен держать в центре внимания минимум десяток приборов, решать по крайней мере шесть-семь задач и делать десяток движений. Это — в спокойном полете. Во время боя интенсивность работы возрастает раз в пятнадцать...

Зато когда пилот оказывается вдали от опасности, на земле, и вспоминает, что ему пришлось пережить в воздухе, он порой с ужасом думает о том, что через несколько часов все это предстоит повторить сначала.

Так было с капитаном Добрушем.

И все же, если бы он во всем этом не участвовал, он чувствовал бы себя самым несчастным человеком на земле. Он не находил себе места, когда его отстранили от полетов и решался вопрос о его летной пригодности. Когда он добился перевода в бомбардировочный полк, он был счастлив, потому что не мог оставаться в стороне, в то время как враг топтал его землю.

Он понимал всю опасность полета на Кенигсберг, но, после того как было решено, что этот вылет сде-

лает именно он, Добруш был бы убит, если бы задание вдруг отменили. И не потому что в случае успеха его ожидали почести, вовсе нет. Награды — а он был награжден двумя орденами — капитан Добруш принимал со сложным чувством радости и стыда. Радости за то, что в меру своих сил помог громить врага, и стыда, что это была как бы оплата того, за что платить никак не полагается. Это все равно, что взять плату с человека, которого только что полумертвым вытащил из воды.

Успешный полет на Кенигсберг — это уверенность в разгроме врага, это предвестник победы. Вот что означал этот полет для капитана Добруша.

Стремление во что бы то ни стало выполнить задание настолько овладело пилотом, настолько подавило все остальные чувства, что и сейчас, слепой, полумертвый, он жил им, действовал по заложенной еще на земле перед вылетом программе, хотя и не сознавал этого. Память тела оказалась сильнее памяти мысли, и тело действовало так, как надо, даже тогда, когда мысль переставала служить пилоту.

«Я... нахожусь в кабине самолета... который... который идет с задания...— тяжело, медленно думает пилот.— Я управляю бомбардировщиком... Но почему я не чувствую своих рук? Нельзя управлять самолетом, не чувствуя рук... Что-то с ними произошло. Это очень странно. Но я слышу, как работают моторы... Как же они работают, если у меня нет рук? Мне надо выяснить, что произошло с ними...»

Мысли путаются, но пилот напрягает всю свою волю и продолжает думать:

«Что произошло с руками... Что это такое? А, это воздух... Воет воздух, который...— Мысль ускользает, но он снова нащупывает ее и, как вол, тяжело тащит дальше:— ...Воет воздух, который врывается... врывается... снаружи. Очень холодно. Мне очень холодно. Откуда взялся воздух, ведь его не должно быть...»

Кажется, он вот-вот поймет что-то важное, очень важное, но оно не дается, ускользает, колеблется, уходит. Пилот дрожит от холода и напряжения. Он снова взваливает на себя непосильный воз и тащит его по рытвинам путающегося сознания:

«Холодно... В кабине очень холодно. У меня все за-

мерзло... замерзли руки... Да, руки. Чего-то у меня нет. Чего-то не хватает... не хватает на руках...»

«Перчатки!» — вспоминает он.

Он долго думает, что должен сделать с перчатками. Потом осторожно выпускает из левой руки штурвал, склоняется и начинает шарить по полу кабины. Ему неудобно, он боится неосторожно дернуть правой рукой штурвал и перевернуть машину, но упорно обыскивает пол. Наконец он находит под собой перчатку. Прижимая ее к бедру, он целую вечность пытается натянуть ее на одеревеневшие пальцы. После нескольких неудачных попыток он справляется с этой задачей и начинает все сначала — теперь уже с правой рукой. Найдя и вторую перчатку, он откидывается на спинку сиденья и отдыхает.

Он чувствует покалывание в пальцах, перерастающее в боль. Но боль эта слабая и непонятная, она вызывает у пилота лишь мгновенное недоумение — это еще откуда? — и он тут же забывает о ней. Он уже привык к тому, что в его теле нет ни одной частички, которая не кричала бы о боли, и принимает боль в руках как нечто само собой разумеющееся. Зато сейчас он чувствует штурвал.

— Командир, как у вас дела? — слышит он голос штурмана.

— Ничего, лучше...— говорит он.— Штурман, почему мне ничего не докладывает стрелок? Я давно не слышу его.

— Со стрелком нет связи, командир...

— Так почему вы не свяжетесь?

— Я все время пытаюсь, командир...

— А... Ладно. Штурман... кем стрелок был до войны? — спрашивает пилот.

— Что-о?!

В голосе штурмана звучит изумление.

— Я спрашиваю, кем стрелок был до войны. Вы что, не понимаете?

— Не знаю,— растерянно говорит штурман.— Кажется, музыкантом. Или собирался им стать... А что?

— Ладно,— говорит пилот.— Ничего.

Он и сам не знает, почему это спросил. Может, потому, что это из того далекого, что называется жизнью...

Сергей Кузнецов никогда не собирался стать музыкантом. Он родился и жил в одной из глухих деревушек Гаринского района Свердловской области. Единственным музыкальным инструментом на всю деревню была балалайка старого Антипа, на которой сохранилось две струны. Для третьей долго пытались найти где-нибудь кусок стальной проволоки, но так и не нашли.

Сергей Кузнецов не научился играть даже на балалайке. Но песни любил петь, может, поэтому штурман и решил, что он музыкант.

Он очень мало успел за свои девятнадцать лет. Окончил десять классов и влюбился в девушку. Он так и не посмел объясниться ей в любви. Решил, что сделает это, когда вернется с войны героем.

Стрелок был маленького роста, никогда не занимался спортом и поэтому не отличался большой силой. У него были маленькие руки, которые он даже в драках с уличными мальчишками не пытался сжимать в кулаки — все равно таким кулачком не повергнуть противника. Да он и не был драчливым по характеру, об этом говорили и его застенчивые голубые глаза, и смущенный вид, когда он попадал в компанию более самоуверенных и развязных сверстников, и дрожащий голос, когда разговаривал с начальством.

Уверенно он чувствовал себя только за рукоятками пулемета. Тогда он становился сильным, хитрым, расчетливым, находчивым. Может, у его противников были и более мощные бицепсы, и более острые и нахальные глаза, но в воздухе до сих пор стрелок всегда побеждал их.

До сегодняшнего вылета война для стрелка была острым захватывающим приключением. Потому что он не успел понять всего ее ужаса. Еще вчера он был уверен, что Красная Армия со дня на день перейдет в новое наступление и безостановочно погонит врага на запад. Еще вчера он сожалел, что так и не успел заслужить ордена и ему нечем будет похвастаться перед односельчанами и перед девушкой.

Сейчас он не думал о наградах. Он увидел тысячи километров опустошенной земли, он побывал над лого-

вом врага, он заглянул в лицо смерти. Он пережил страх, но в нем родилась ненависть. Война перестала быть приключением, она превратилась в тяжелую, смертельно опасную работу, требующую всех сил, всего умения, всего напряжения.

А он, стрелок, сделал непростительную глупость. Он превратил свой пулемет в бесполезную игрушку.

— Командир! — зовет он.

Молчат наушники.

— Штурман! Товарищи капитаны!..

Молчание.

Он ведет рукой по шнуру переговорного устройства, трогает штепсель. Обрывов нет, все в порядке. Обрыв где-то там, куда стрелку не добраться.

Он дергает за трос пневмопочты, но и пневмопочта не работает. Трос легко выскальзывает из гнезда и падает на пол кабины.

Что же делать? Как предупредить командира и штурмана, что у него почти не осталось патронов?

А если — вражеский истребитель? Они будут надеяться на стрелка. Стрелок же не сможет ни отбиться, ни предупредить об опасности.

Стрелок с ненавистью смотрит на луну. Она сияет так, что на правом крыле самолета хоть заклепки считай. И на всем небе ни единого облачка, ни одной тучки.

Стрелок поворачивает голову и напряженно всматривается в северную часть неба. Если противник появится с юга, он вряд ли обнаружит бомбардировщик на темном фоне неба. Но если с севера...

Стрелок содрогается. Он отлично представляет, как выглядит их бомбардировщик на светлой части неба. Громадная черная махина, медленно ползущая на восток,— лучшую мишень трудно найти.

Какую же непростительную глупость он допустил! Как он мог так легкомысленно расстрелять боекомплект?! Так легко смириться с поражением?!

Стрелок до рези в глазах всматривается в колючий свет северных звезд. Именно среди них могут появиться движущиеся точки выхлопных огней самолета противника...

— Командир! — зовет он в тысячный раз и знает, что ответа не получит.— Штурман!..

Дышать становится трудно. В висках сильно стучит кровь. Холод леденит тело.

Стрелок натягивает кислородную маску. Живительная струя обжигает губы...

Самолет дает ему жизнь. А он по собственной глупости приговорил самолет к смерти. Ведь ясно же — такой командир и такой штурман не могли допустить, чтобы их сбили. Они падали, уходя от прожекторов, от зениток, от истребителей. А он устроил панику и расстрелял боекомплект.

Хоть бы все обошлось. Хоть бы их не заметили истребители. Хоть бы...

Его лихорадочная мольба обрывается на полуслове. Справа, на юге, на фоне светлого неба он отчетливо видит силуэт самолета. Он еще далеко, сзади, но он догоняет их.

Пока он молил неизвестного бога о том, чтобы избежать встречи с вражеским истребителем, глаза обнаружили чужой самолет, руки развернули пулемет в его сторону и перекрестие прицела указало точку, куда надо стрелять, чтобы ударить наверняка...

Ах, если бы можно было посоветоваться с командиром... Что сейчас делать стрелку? Бить по самолету последними патронами? Подождать?

Стрелок медлит. Он знает, что попал бы — чужой самолет уже совсем рядом, до него едва ли двести метров, а он сбивал их и с четырехсот.

Стрелок сжимается в комок и ведет ствол пулемета медленно, осторожно, чуть впереди вражеского самолета. Ждет.

«Проскочи... пройди мимо... не заметь...»

«Пожалуйста, иди своей дорогой... я ведь тебе не мешаю... пожалуйста...»

Самолет приближается. На его крыльях отчетливо видны аэронавигационные огни.

Истребитель. Это не транспортник, не бомбардировщик, это — истребитель.

«Ну, пожалуйста»,— умоляет стрелок, глядя на самолет жалобными глазами.

Неужели заметит?

Он должен пройти стороной. Неужели заметит?

Палец стрелка подергивается на гашетке, на лбу проступает пот, пот течет под комбинезоном. И сердце

грохочет так, что удивительно, как его ударов не слышит немецкий летчик.

Самолеты поравнялись. Теперь стрелок уже совершенно точно знает, что это истребитель «Ме-109», вооруженный пушками и пулеметами, и что если он сейчас опознает бомбардировщик, то никакое искусство стрелка не спасет их. Между вражеским истребителем и бомбардировщиком расстояние не больше ста метров. Единственное, что успеет стрелок,—дать одну очередь. Но нужно время, чтобы она сделала свое дело, чтобы начали ломаться шатуны и огонь как следует взялся за машину. А времени-то как раз и не будет. Немец успеет разнести бомбардировщик из пушек. На ста метрах он не промахнется.

«Ну, пожалуйста...» — просит стрелок.

И немец слушается его. Он проходит рядом, обгоняет израненную машину, и огонь от выхлопных патрубков уменьшается, пока совсем не исчезает среди звезд.

Стрелок опускается на сиденье. Его тело бьет крупная дрожь.

23

Штурман самолета — это мозг экипажа. В его обязанности входит сбор данных о скорости и направлении ветра, сносе машины, об облаках, воздушных потоках и многом другом. Все эти данные он должен проанализировать, сопоставить и выдать пилоту в виде трех цифр: курса, высоты и скорости полета. Это все, что пилоту нужно, чтобы управлять машиной.

Штурман же с момента взлета и до посадки должен в любое мгновение знать местонахождение самолета, время полета до цели, расход горючего, его запас, вносить поправки в курс, скорость и высоту, иметь готовое решение на случай ухода на запасной аэродром из любой точки маршрута. Он должен привести самолет к цели в точно определенное время — ни секундой раньше, ни секундой позже, рассчитать высоту и скорость бомбометания, определить точку сброса и вывести в нее машину, а потом отбомбиться. После всех эволюций по выводу машины из зоны огня штурман

обязан восстановить ориентировку и рассчитать данные на обратный маршрут.

За редкими исключениями у штурмана нет времени любоваться красотами природы. Красоты природы на штурманском языке именуются элементами полета. Вон то великолепнейшее озеро, вызвавшее бы крик восторга у любого путешественника, для штурмана — исходный пункт маршрута. Излучина тихой, охваченной рябиновым пожаром реки служит контрольным ориентиром. Разбушевавшаяся стихия грозовой тучи — препятствие на пути следования. Барашки кучевых облаков — это не барашки, это восходящие и нисходящие потоки, болтанка, и штурман должен трезво оценить прочность крыльев своей машины, прежде чем дать пилоту курс для дальнейшего следования.

Анализ и расчет, расчет и анализ — вот красоты, которым поклонялся штурман Назаров.

Он никогда не спрашивал себя, нравится или не нравится его работа. Она была необходима, следовательно, он должен был выполнять ее с наибольшей тщательностью и добросовестностью. Его радовали не ощущения, испытываемые в полете, и не явления природы, которые он имел возможность наблюдать. Он одобрительно отзывался о полете, если удавалось провести машину по маршруту с точностью до градуса, выдержать время с точностью до секунды и сбросить бомбы с точностью до метра.

Ремесло наложило свой отпечаток и на его подход к оценке людей. Его не занимали, например, такие определения, как хороший или плохой, добрый или злой. Когда ему характеризовали человека подобным образом, он только морщился и пожимал плечами. Люди делились для него на две резко разграниченные категории: на тех, кто умел работать, и на тех, кто не умел. Если человек мог ровно и спокойно, не поддаваясь никаким эмоциям, делать свое дело, он заслуживал всяческого уважения. Если же штурман замечал за ним небрежность или недобросовестность, такой человек переставал для него существовать.

Способность логически мыслить, трезво оценивать обстановку и добросовестно выполнять свои обязанности — вот что превыше всего ставил штурман в человеке.

Но странное дело. С того момента как пилот сообщил ему, что потерял зрение, все эти ценности в глазах штурмана начали стремительно и бесповоротно тускнеть. Не то чтобы он совершенно от них отказался, но он обнаружил и другие ценности, не менее, а, может быть, более существенные.

Штурман никогда не был в близких отношениях с капитаном Добрушем, тем не менее испытывал к нему самое большое уважение, на какое только был способен. Хотя в полку о пилоте говорили разное — и хорошее, и плохое,— штурман наметанным глазом довольно быстро обнаружил в нем в самой высокой концентрации все те качества, на которых строилось отношение Назарова к окружающим. Пилот Добруш был воплощением трезвого подхода к делу, расчетливости, добросовестности. Он умел работать.

Еще в первые дни пребывания его в полку штурман сказал себе: «Вот пилот, с которым я хотел бы летать». И когда Добруш предложил ему полет на Кенигсберг, он не колебался ни секунды. Решение подсказали ему логика, трезвый расчет и здравый смысл.

Теперь эти безотказные инструменты не годились для оценки их действий.

Следуя трезвому расчету, пилот после команды «приготовьтесь к прыжку» должен был дать команду «прыгайте!»

Он не дал ее.

Следуя здравому смыслу, в создавшейся обстановке штурман мог прийти только к одному выводу: слепой пилот не в состоянии вести машину, и он, штурман, должен как можно быстрее оставить самолет.

Он не оставил его.

Следуя логике, задачу можно было решить только однозначно: бомбардировщик № 33 и его экипаж уже около часа тому назад прекратили свое существование.

Но они ушли от Кенигсберга и приближались к Белоруссии.

После того как пилот потерял зрение, полет строился на новых для штурмана законах и отношениях. Главным стало что-то другое, не поддающееся расчету.

Об этом свидетельствовала не только нераздельная общность, появившаяся между ним, штурманом, и пи-

лотом, когда им не нужно было слов, чтобы понимать друг друга, не только ощущение причастности к чему-то величественному, рождающемуся на его глазах, но даже и то, что, несмотря на весь ужас их положения, штурман не испытывал ужаса.

Летая с майором Козловым, штурман никогда не чувствовал себя спокойно.

Уходя даже на самое легкое задание, он не был уверен, что вернется обратно.

Майор Козлов не умел держать машину на курсе, что вызывало у штурмана напряжение и нервозность. Но даже не это было самым неприятным. Стоило самолету попасть в зону огня, как с пилотом начинало твориться что-то необъяснимое. Он словно деревенел и лез вперед напропалую, строго по прямой, не обращая внимания ни на огонь зениток, ни на боевой порядок, ни на команды штурмана. Не умея держать точный курс в спокойной обстановке, тут он не отклонялся ни на градус, и только чудо спасало экипаж от бессмысленной гибели. Каждый раз, видя, как этот сумасшедший лезет в самое пекло даже без малейших попыток защититься, штурман прощался с жизнью. Для того чтобы победить, одних чудес недостаточно, это-то штурман прекрасно понимал.

Он был уверен, что рано или поздно майор Козлов угробит и машину, и экипаж.

Штурман не был трусом. Он готов был пойти на любой риск, если это вызвано необходимостью. Но он хотел, чтобы люди, с которыми он работает, защищались до конца.

В полетах с майором Козловым штурмана никогда не покидало предчувствие беды. Ему казалось, все дело в том, что майор Козлов не умеет летать. Но сейчас он вдруг понял, что дело было и в нем, штурмане. В их экипаже не было того главного, без чего нельзя победить и о чем штурман начал догадываться лишь сейчас. Хотя, конечно, какое-то смутное беспокойство и неудовлетворенность тревожили его и раньше.

Это не было ясно осознанным пониманием, которое можно было бы выразить словами. Но для штурмана оно было почти осязаемым. Вот сейчас он, пожалуй, сумел бы помочь майору Козлову.

Когда родилось это чувство? Возможно, в тот мо-

мент, когда пилот спросил его о довоенной профессии стрелка. А может, еще раньше, когда он сказал: «Они вышибли мне глаза». Ведь даже тогда штурман не почувствовал дыхания смерти, как чувствовал его в самых безобидных полетах с Козловым.

Так или иначе, рождением этого нового чувства штурман был обязан пилоту Добрушу. Между ним и миром возникали новые связи, наполнялось содержанием то, на что раньше штурман не обращал внимания.

Бесконечная ночь крепко держит в своих объятиях одинокую машину. Ночь сплетена из звезд, луны и гула моторов.

Штурману этого мало. И он с удивлением обнаруживает, что глаза его жадно осматривают землю, отыскивая признаки жилья, хоть маленькую светящуюся точку. Отыскивают не как поворотный пункт или пятно для визирования. Он хочет убедиться, что там есть человеческое тепло, хочет услышать сигнал сочувствия и ободрения...

Ничего подобного с ним раньше не случалось.

— Командир, как вы себя чувствуете? — спрашивает он.— Вам лучше?

— Да. Лучше,— доносится до него голос пилота.

«Ему действительно немного лучше, —думает штурман с облегчением. И тут же мрачнеет: — Надолго ли?»

— Где мы находимся? — спрашивает пилот.

— Скоро Белоруссия.

— Машина... в каком положении машина?

— Все нормально,— поспешно отвечает штурман. Даже слишком поспешно.— Не беспокойтесь, командир. Машина в порядке. Если вы можете прибавить немного газу...

— Ладно.

И штурман чувствует, как увеличивается тяга. Его прижимает к спинке сиденья, линейка ползет по планшету. Он придерживает ее.

Ох, как пустынна земля! Она словно вымерла. Ни единого огонька до самого горизонта, ни единого движения, ни единого следа человека. Только серые пятна лесов едва проступают сквозь ночь. Может, уже вся земля умерла, может, единственное, что от нее осталось,— это серые пятна лесов?

— Командир, доверните влево.

Правое крыло приподнимается.

— Достаточно.

Машина начинает выравниваться.

— Еще чуть... хорошо!

Теперь они пройдут севернее Гродно, дальше от его зениток и истребителей. И от облаков.

Штурман пристально вглядывается в небо. Справа растет облачная стена. Штурман хорошо видит причудливые фантастические очертания, такие нереальные в лунном свете.

Они красивы. Но это кучевые облака, и штурман оценивает их теперь как элемент полета. Они вызывают в нем глухое раздражение. Он не может допустить, чтобы самолет попал в болтанку и на пилота свалилась дополнительная тяжесть. Нужно успеть проскочить их.

— Командир, прибавьте еще чуть газу...

Какая же она мучительно необъятная, эта ночь!

24

Руки и ноги не слушаются пилота. Чтобы сделать самое незначительное движение, приходится сосредоточивать все силы и все внимание. Сначала — чтобы понять, какой частью тела необходимо сделать это движение.

А потом повторять как заклинание: «Я сжимаю пальцы. Теперь беру штурвал на себя. Нужно согнуть руки в локтях...»

И он сжимает пальцы. Сгибает руки в локтях. Тянет штурвал. Или давит ногой на педаль.

Но самое страшное — ни на что не давить и ничего не двигать.

Тогда из пилота постепенно уходит жизнь. Он медленно, но неотвратимо умирает.

— Штурман...— говорит он.

— Да? — откликается тот.

— Я хотел спросить... да, как у вас с кислородом?

— Нормально, командир. Идет.

— А у стрелка?

— Командир, с ним все еще нет связи.

— Так когда же она будет?
— Я стараюсь, командир...
Со стрелком нет связи...
Все безнадежно сломалось.

...Командир истребительной эскадрильи майор Добруш был переведен в бомбардировочную авиацию с понижением в звании и должности. Причиной тому послужила гибель полковника Голубева, который инспектировал истребительный полк.

У полковника Голубева было немало прекрасных качеств, необходимых военному человеку. Он был требователен не только по отношению к другим, но в равной степени и к себе самому. Если было нужно, он не боялся идти на смертельный риск, не боялся сесть в машину и наравне с рядовыми пилотами сражаться против врага.

И, надо сказать, он неплохо дрался. На его счету было два сбитых самолета противника, хотя инспектирующему вовсе не обязательно принимать личное участие в боях.

Но, к сожалению, у него имелся крупнейший недостаток, который превращал в ничто все его достоинства: в роли инспектирующего, в роли человека, призванного давать рекомендации, он никуда не годился. Во-первых, он полагал, что совершенно точно знает, как нужно воевать, чтобы выиграть войну, поэтому любые возражения для него теряли смысл, еще не успев быть высказанными. Во-вторых, у него был странный взгляд на ведение боевых действий: Голубеву казалось, что летчики слишком осторожничают, боятся риска, и, если подразделение несло большие потери — это было в глазах полковника доказательством того, что оно хорошо, честно сражалось.

При проверке результатов последних боев истребительного полка Голубева сразу же насторожило, что потери в эскадрилье майора Добруша значительно меньше, чем в двух других.

— Боитесь вступать в бой? — спросил он Добруша.
— Нет, товарищ полковник.
— Почему плохо воюете?
— Мы хорошо воюем, — возразил тот.

Возражать не следовало. Именно об этом говорил предостерегающий взгляд командира полка. Об этом же говорила и вся обстановка первого года войны, когда всем хотелось во что бы то ни стало обнаружить конкретных виновников неудач на фронтах и наказать их, чтобы выправить положение. Если бы Добруш промолчал, возможно, все обошлось бы. Но ему было слишком обидно за эскадрилью, которая сбила самолетов противника больше других, понеся при этом минимальные потери. Обидно за товарищей, которых в награду именуют трусами.

Полковник Голубев прищурился.

— Вы утверждаете, что хорошо воюете? Почему же в вашей эскадрилье самые низкие потери?

— Именно поэтому.

— Нет! Потому что вы уклоняетесь от боя.

Майор Добруш положил перед ним сводку последних боев.

— Эскадрилья сбила самое большое количество самолетов.

Полковник даже не взглянул на сводку. Он ее и так знал наизусть.

— Если бы вы хорошо воевали, количество сбитых самолетов было бы еще больше. У вас самое боеспособное подразделение в полку. В вашей эскадрилье самолетов столько же, сколько в двух других, вместе взятых.

Майор Добруш побледнел.

— В том, что они позволили свести себя к одной эскадрилье, вина не моя,— отчеканил он.

Этого ему не нужно было говорить. Это было несправедливо по отношению к товарищам, которым меньше повезло. Но он был слишком раздражен и не мог сдержаться. Полковник Голубев окинул его недобрым взглядом.

— Видимо, они в первую очередь заботятся о том, чтобы нанести противнику как можно больший урон, а не о своей безопасности,— сухо сказал он.— Не в пример вам. Можете идти, мы разберемся.

Добруш круто повернулся.

Он не знал, о чем говорили после его ухода командир полка Петров и инспектирующий Голубев. Видимо, подполковник Петров пытался рассеять неблаго-

приятное впечатление о своем командире эскадрильи. Как бы там ни было, взыскания не последовало. Зато случилось худшее.

Вечером командир полка вызвал к себе Добруша.

— Вот что, Василь Николаевич,— сказал он.— Завтра Голубев хочет слетать с твоей эскадрильей на задание в качестве ведущего, чтобы посмотреть, на что она годится. Ты пойдешь у него ведомым...— Он помялся и отвел глаза.— До сих пор я не возражал, что твоя эскадрилья ходила парами и на высотах, превышающих требуемые. Тем более, что эти новшества, оправдывали себя. Но я думаю, ты догадываешься, как отнесется к нарушению инструкции инспектирующий...

Он твердо взглянул в глаза Добрушу.

— Приказываю в этом полете действовать строго по инструкции. Идите тройками и на указанной высоте.

— Андрей Иванович,— попробовал возразить Добруш,— боюсь, что это может дорого обойтись эскадрилье...

Но Петров прервал его:

— Сам виноват, дорогой. Не нужно было лезть в бутылку, все и утряслось бы. А что я сейчас могу сделать?

Эскадрилья вылетела на барражирование. Полковник подвел ее к линии фронта на высоте двух тысяч метров.

Не успели истребители развернуться, как сверху на них свалилось десятка два «мессершмиттов».

Полковник Голубев был доволен: эскадрилья пришла на место вовремя, патрулировала на заданной высоте, от схватки не уклонялась и в неравном бою уничтожила три вражеских самолета.

Добруш вышел из машины разбитым. То, что эскадрилья уничтожила три вражеские машины, его не радовало. Ведь он потерял двух очень хороших летчиков!

Он отворачивался от оставшихся шести товарищей, которые бросали на него недоумевающие и тревожные взгляды.

Что он им мог сказать? Потерять за двадцать минут двух летчиков — это же катастрофа!

Он ничего не сказал и полковнику Голубеву. Промолчал даже тогда, когда тот, похлопав его по плечу, сказал:

— Вот так надо воевать, майор!

Майор Добруш твердо знал, что так воевать нельзя.

— Отличные ребята! — продолжал полковник, не замечая состояния комэска.— Орлы! С такими фашистов можно бить и бить... Э, да ты что?! — воскликнул он вдруг, увидев хмурое лицо Добруша.— Неужели перетрусил? Так и есть, на тебе лица нет! Вот черт, а дрался ты здорово, даже не подумал бы... Как ты врезал этому желтоносику! Блеск! Ну ничего, еще отойдешь... Ну, ну, чего хмуришься? Может, из-за вчерашнего? — легонько толкнул он Добруша в плечо.— Признаю, я ошибся. Твои ребята дерутся, как черти. Я с удовольствием слетаю с ними еще раз.

Майора мгновенно прошиб холодный пот.

— Еще... раз? — спросил он хрипло.

— Это — настоящее дело,— сказал полковник, глядя в небо.— Честное слово, вернусь из поездки и стану проситься на полк...

Майор Добруш ворвался в кабинет Петрова.

— Андрей Иванович, я потерял двух летчиков, но ему этого мало. Он хочет лететь еще раз... Ради бога, сделайте что-нибудь! Я не могу допустить, чтобы эскадрилью расстреливали в угоду устаревшим инструкциям

— Судя по всему, инструкции скоро будут изменены,— сказал Петров.— Но пока...

— С кем же я буду воевать?!

Петров нахмурился.

— Хорошо. Я поговорю с ним.

Но разговор, видимо, ни к чему не привел. Не привел ни к чему и разговор Добруша с полковником. Выслушав майора, тот холодно сказал:

— Будете воевать так, как вам приказывают, а самодеятельность мне бросьте!

Полковник сел в машину.

На лбу Добруша залегла глубокая поперечная морщина.

Все повторилось, как и в первый раз. Не успела эскадрилья подойти к линии фронта, как сверху посыпались «мессершмитты».

Майор Добруш шел ведомым у полковника. Рядом с ним висел второй ведомый — сержант Климов, молоденький летчик, всего месяц назад пришедший в эскадрилью.

Хотя во все последовавшие события и вмешалась случайность — два немца атаковали одновременно и полковника, и сержанта Климова,— рука Добруша бессознательно направила самолет на немца, атакующего неопытного сержанта. Четыре пулемета «ишачка» полоснули по фюзеляжу «мессершмитта», и тот исчез во взрыве.

Одновременно исчез и полковник, сбитый вторым немцем.

Добруш подал команду перестроиться.

Эскадрилья выиграла этот бой. Они потеряли одну машину, зато сбили шесть «мессершмиттов». Потому что у них был маневр и появилась высота.

Об эшелонировании самолетов по высоте полковник Голубев не хотел и слышать. Он твердо помнил инструкцию о том, что истребительная авиация должна барражировать в пределах видимости пехоты для поднятия ее боевого духа.

Майор же Добруш был убежден в том, что боевой дух у пехоты никак не может подняться от того, что немцы безнаказанно сбивают на ее глазах советских летчиков. И он выстраивал перед боем эскадрилью этажеркой, загоняя ее последнее звено на высоту шестисеми тысяч метров. Как только немцы пытались атаковать идущие у земли одну-две машины, на них сверху, как горох, сыпались истребители, заранее определившие цели, точно рассчитавшие удар и нападавшие тогда, когда их меньше всего ждали.

Немалую роль играло и распределение эскадрильи по парам, а не по тройкам, как было принято обычно.

Добруш часто вспоминал полковника Голубева, и на душе его становилось скверно от воспоминаний о том бое. Но он никогда не раскаивался в том, что бросился на помощь сержанту Климову. Эскадрилья должна была выиграть бой, и она его выиграла. И если у него потом нехорошо было на душе, если его преследовали и другие неприятности — какое это имело значение? Его личные неприятности, его переживания были пустяком по сравнению с той огромной бедой,

которая обрушилась на страну. Чтобы ее уменьшить, он должен выигрывать бои.

Вот и сейчас капитан Добруш пытается выиграть бой.

Ни одно наставление, ни одна инструкция не говорят, как должен действовать полумертвый слепой пилот, находящийся в искалеченной машине за сотни километров от своего аэродрома.

— Штурман... в каком положении машина?

— Дайте небольшой крен влево... Так! Теперь нормально, командир.

— Высота?

— Пять двести.

— Где мы находимся?

— Скоро Лида.

Сознание у пилота мутится, но он старается обмануть смерть.

«Мне не следовало впутывать в эту историю Назарова,— думает он, чтобы забыть о боли и слепоте.— Жаль, что так получилось... и все-таки хорошо, что рядом со мной именно он. Надеюсь, с ним мы еще выберемся из этой передряги...»

«Мне нравилось летать даже в сорок лет,— думает он,— нравилось так же, как и тогда, когда я начинал. Даже, пожалуй, больше. Приятно держать штурвал в руках, когда машина тебе послушна. Приятно уходить в солнечное небо. Приятно возвращаться на землю, зная, что ты хорошо сделал свое дело».

«Многие уже в тридцать лет не испытывают от полета никакого удовольствия, хотя и любят рассказывать, как это хорошо — летать. Они заменяют чувства словами. Или пытаются воскресить их с помощью слов...»

«Небо и машина требуют честности. Мне повезло — я летал почти двадцать лет...»

Но то, о чем он пытался забыть, прорвалось сразу, прорвалось воплем, задушившим все остальные мысли:

«Слепой! У тебя больше нет неба, нет машины, нет ничего. Ты слеп, слеп, слеп и больше никогда не почувствуешь, как мягко подбрасывает тебя на ладонях земля, когда самолет отрывается, не возьмешь в руки штурвал, не увидишь неба... Все кончено!»

Его лицо искажается под бинтами.

— Командир, вы что-то сказали? — спрашивает штурман.— Я не расслышал...

Пилот проглатывает стон.

— Ни... чего. Вы все еще не связались со стрелком?

— К сожалению, нет, командир. Но я обязательно что-нибудь придумаю.

25

Одинокий истерзанный самолет медленно ползет среди звезд на восток. Штурман то и дело заглядывает в окуляр визира, вертит лимб ветрочета, щелкает движком навигационной линейки, записывает в бортжурнал цифры. Он рассчитывает скорость полета, угол сноса, расход горючего, время прохода через контрольные ориентиры.

Каждые двадцать-тридцать секунд штурман настороженно осматривает небо, готовый в любой момент схватиться за пулемет, чтобы отразить атаку истребителей противника.

Назаров ни на секунду не забывает о том, что должен связаться со стрелком. При полете на высоте пяти тысяч метров у них не хватит горючего. Но, не предупредив стрелка, они не могут набрать нужную высоту, потому что не знают, надел ли тот кислородную маску. Со стрелком необходимо связаться и на тот случай, если потребуется отдать приказ оставить машину.

Штурману необходимо знать обстановку в заднем секторе.

Не преследуют ли их истребители противника? Может, необходимо изменить курс, скорость или высоту, чтобы избежать опасности? Не ранен ли стрелок, в порядке ли у него оружие, сможет ли он в случае нужды отразить атаку?

Все эти вопросы тяжелой ношей наваливаются на штурмана.

Он уже испробовал все мыслимые средства, чтобы связаться со стрелком, но безрезультатно. Осталось последнее.

Несколько секунд он смотрит на визир, потом со вздохом вытаскивает его из гнезда.

— Твоя очередь, дружок,— бормочет он.

Визир — единственный тяжелый металлический предмет в кабине штурмана, который можно использовать для задуманной им цели. Есть еще, правда, секстант, но к этому прибору штурман относится со слишком большим уважением. А кроме того, расстаться с секстантом, это все равно, что потерять и его, штурманские, глаза. Без визира он еще как-нибудь обойдется, в крайнем случае определит снос машины с помощью бомбоприцела. А без секстанта не обойтись.

— Командир, машина идет с небольшим правым креном,— говорит штурман.— Подровняйте немного...

— Понял.

Правое крыло приподнимается.

Штурман окидывает внимательным взглядом небо, потом с сожалением смотрит на визир.

Размахнувшись, он сильно бьет им по шпангоуту раз, другой, третий...

— Тук... тук-тук... тук...— выстукивает он.

Удары складываются в точки и тире, точки и тире превращаются в слова: «С-т-р-е-л-о-к, о-т-з-о-в-и-т-е-с-ь. С-т-р-е-л-о-к, е-с-л-и с-л-ы-ш-и-т-е, в-ы-с-т-р-е-л-и-т-е...»

— Командир, вы слышите мои удары? — спрашивает штурман, опуская визир.

— Нет.

— Послушайте еще.

И штурман начинает выстукивать морзянку: «Стрелок, наденьте кислородную маску. Наденьте маску. Если поняли, выстрелите...»

— Слышу слабые удары,— сообщает пилот.— Зачем вы стучите, штурман?

— Пытаюсь связаться со стрелком.

— А... хорошо. В каком положении машина?

— Доверните вправо... стоп! Теперь хорошо, командир.

Штурман снова размахивается и бьет визиром по шпангоуту: «Стрелок... отзовитесь, стрелок... наденьте маску... выстрелите...»

Дзинь!

Стекло окуляра разлетается вдребезги.

— Прошу прощенья,— бормочет штурман.

Он ценит вещи, с которыми работает. А сейчас ему приходится обращаться с ними так варварски...

26

Чужой самолет появился неожиданно из темной части неба, он словно выпал оттуда, и стрелок вполне мог пропустить этот момент.

Истребитель идет с потушенными сигнальными огнями. Значит, немец хочет остаться незамеченным. От кого он прячется?

«Если бы связаться с командиром,— думает стрелок.— Если бы посоветоваться, спросить, что делать...»

В груди стрелка застывает тяжелый ледяной ком. Посоветоваться не с кем. А чужой самолет приближается все стремительней. Стрелок уже видит лунные блики на его плоскостях. Да, огней нет. Значит, немец или уже видит бомбардировщик, или знает, что тот неподалеку, и отыскивает его.

Если бы он еще шел с огнями. Тогда стрелок мог бы подождать. Тогда он мог бы попытаться пропустить немца. Тогда...

Стрелок имеет право на одну очень короткую и точную очередь. Если он не собьет вражеский самолет первой же очередью, это будет означать конец. Вражеский летчик станет осторожнее, начнет делать заходы один за другим и в конце концов вынудит расстрелять остатки боекомплекта. Или, если стрелок промахнется, сразу ударит из пушек и пулеметов, что ничуть не лучше

«Пропустить? Стрелять?»

Эта мысль лихорадочно бьется в голове стрелка. Решение зависит только от него. Вся ответственность лежит на нем. Ответственность за жизнь трех человек.

Как все просто, когда рядом командир. Он всегда знает, что нужно делать...

Огни... Если бы истребитель шел с огнями...

Стрелять!

Тук... тук-тук... тук...

Стрелок уже давно слышит эти непонятно откуда идущие звуки, но ему не до них. Все его внимание

приковано к приближающемуся самолету. Стрелок прикидывает угловое смещение истребителя, выносит прицел вперед и ждет, медленно поводя стволом пулемета. Он целится долго и тщательно, целится так, словно у него есть неограниченный запас времени. Он должен ударить наверняка...

Ду-ду-ду-ду!..

Стоп!

Стрелок ждет, не отрываясь от прицела. Ждет долгие три или четыре секунды.

Что-то взрывается в настигающем их самолете. Рядом с луной на мгновение вспыхивает солнце. И — болезненная темнота, особенно черная после взрыва...

Стрелок отодвигается от пулемета и дрожащими руками вытирает пот со лба. Лицо у него белое, как у мертвеца, а на губах застыла слабая улыбка. В эту короткую очередь он вложил все свои силы, все напряжение, и теперь чувствует себя опустошенным. Он осматривает небо бессмысленным взглядом, еще не веря, что все кончилось.

Тук... тук-тук... тук...

Стрелок начинает приходить в себя и с недоумением осматривается. Опять эти звуки? Вот... снова: тук-тук... тук...

Стрелок прислушивается. Что-нибудь с моторами? Или стучит поврежденная обшивка?

Он выпрямляется, и удары прекращаются.

«Показалось»,— думает стрелок.

Он тянется к пулемету, чтобы перезарядить его, и случайно прикасается головой к борту. Удары слышатся ясно и отчетливо: тук-тук-тук-тук.... тук... тук...

Стрелок замирает. Да это же морзянка! Штурман! Да это же стучит штурман! Как он не догадался сразу!.. Штурман!..

Стрелок всхлипывает. Наконец-то...

Как он ждал хоть какого-нибудь сигнала, чтобы убедиться, что не забыт, что рядом находятся пилот и штурман...

Надо немедленно связаться со штурманом. Немедленно.

Стрелок склоняется и шарит рукой по полу кабины, ощупывает борта, рацию. И застывает.

Ему нечем подать сигнал штурману. У него нет ни одного предмета, которым он мог бы воспользоваться. Разве пистолетом, но выстрела штурман не услышит, а ударов — и подавно...

— Тук-тук-тук... «П-о-н-я-л... в-ы н-е р-а-н-е-н-ы... С-м-о-ж-е-т-е л-и п-р-и н-е-о-б-х-о-д-и-м-о-с-т-и... о-с-т-а-в-и-т-ь м-а-ш-и-н-у... Е-с-л-и... с-м-о-ж-е-т-е... выстрелите...»

Сможет ли он оставить машину?

Нет. Не сможет. Этого он, стрелок, сделать не сможет, потому что парашют у него изодран осколками снаряда. Он уже проверял. Парашют никуда не годится.

А зачем оставлять машину? Какая в этом нужда? Что случилось?

Ах, если бы как-то подать сигнал штурману, узнать, что там, впереди, долго ли им еще лететь до аэродрома... Если бы предупредить, что у него почти не осталось патронов...

Он снова осматривает кабину.

Ничего.

Тук-тук...

Стрелок застывает, склонившись к борту.

«П-о-н-я-л. М-а-ш-и-н-у... о-с-т-а-в-и-т-ь... н-е с-м-о-ж-е-т-е... В-с-е... н-а-б-и-р-а-е-м в-ы-с-о-т-у...»

Удары прекращаются. Стрелок чувствует, как приподнимается нос самолета.

Он усиливает подачу кислорода в маску...

27

Руки, ноги, спина — все одеревенело. Мысли путаются. Самолет раскачивается из стороны в сторону, сваливается то на одно, то на другое крыло. Он то пикирует, то, вздыбившись, лезет в небо почти вертикально.

Каким-то краешком сознания пилот понимает, что это невозможно, немыслимо, пытается убедить себя, что машина идет нормально, но все его старания ни к чему не ведут. Моторы пронзительно воют на одной высокой ноте, раздирая сознание. Вой с каждой секундой становится все выше и оглушительней. И пилот

знает, почему это происходит: машина идет вверх колесами. Сейчас начнется раскрутка винтов, потом полетят плоскости, и на землю рухнет груда обломков.

В какой момент он допустил, чтобы машина перевернулась, и как это произошло?

Почему молчат штурман со стрелком?

Неужели он уснул за штурвалом и не уследил за машиной?

Но думать об этом некогда. Пилот выворачивает штурвал влево и всем телом налегает на левую педаль. Пока самолет еще держится, пока не начали отламываться крылья, надо попробовать вывести его в нормальное положение, спасти экипаж...

Быстрее! Он уже слышит, как рвется обшивка и лопаются заклепки...

Быстрее!

Пилот делает отчаянные усилия, чтобы спасти самолет...

...Рывок самолета бросает штурмана на борт кабины, пол вырывается из-под ног. Штурман хватается за скобу сиденья и повисает над прицелом в нелепой позе.

Только что все было спокойно. Ровно работали моторы, небо чистое, внизу проплывали лесные массивы, в которых вряд ли могла находиться зенитная артиллерия. Штурман рассчитал набор высоты и только собирался сделать запись в бортжурнале, как вдруг — на тебе.

Он барахтается на сиденье, пытаясь отцепить привязные ремни. Неужели на что-то наткнулись? Отказал один из моторов? Отвалилось крыло?

— Командир! — зовет он.

Самолет почти лежит на крыле, нос его опускается к земле, еще мгновение, и машина перевернется.

— Командир! Штурвал вправо, правой ноги! Дайте правый крен, командир!..

Машина так же резко и неожиданно кренится на правое крыло.

— Стоп! Командир, стоп! Левый крен!..

Еще один такой рывок, и незачем будет производить расчеты...

— Чуть вправо! Стоп, командир!

Вот это свистопляска...

— Штурман...— доносится до него хриплый стон.

— Я вас слышу, командир. В чем дело? Что случилось, командир?

— Штурман, в каком положении машина?

— Сейчас — в нормальном. Но секунду назад мы едва не перевернулись. Что случилось?

— Штурман... вы уверены, что машина сейчас действительно в нормальном положении? — настойчиво спрашивает пилот.

Штурман оглядывается.

— Да, командир. Совершенно уверен.

— Вы видите горизонт?

— Да.

— Хорошо видите?

— Очень хорошо, командир. Но в чем дело?

— Дело в том... мне кажется, что машина идет в перевернутом положении...

— Нет, командир. Машина идет нормально. Вы слышите? Нормально!

Штурман слышит тяжелое дыхание пилота. И его голос:

— Почему же тогда так воют моторы?

— Нет, командир. Моторы работают нормально. Держите так, как держите. Машина в нормальном положении.

— Ладно, штурман...

— Вот и хорошо. Хорошо, командир...

Он прикладывает ко лбу и щекам платочек, вытирает проступившие капли пота.

Потом говорит:

— Уф, Василь Николаевич... Пожалуйста, не надо так больше. Ведь вы чуть не перевернули машину...

— Простите, штурман...

— Ничего. Командир, я связался со стрелком. У него все в порядке, можно набирать высоту. Возьмите штурвал на себя... еще... достаточно! Держите так, командир!

Штурман качает головой. Какого же дурака он свалял! Ведь он должен был об этом помнить. Даже вполне здоровые пилоты во время ночных полетов или полетов по приборам часто теряют пространственную

ориентировку. А тут — слепой пилот, которому в миллион раз труднее...

— Ты мне не нравишься, дружок,— неодобрительно бормочет себе штурман.— В этом случае ты оказался растяпой. Будь внимательнее, иначе плохо кончишь...

Он дает пилоту поправку в курс и внимательно приглядывается к земле. Скоро должен быть Минск.

28

Сколько времени они летят? Час, два, неделю, вечность?

Добруш не знает этого. Но он помнит, что должен долететь до Белоруссии. Все рано или поздно возвращаются туда, откуда вышли. И он вернется. Он вернется и скажет дому, саду, аистам на старой липе:

— Дабрыдзень.

Над Белоруссией капитан Добруш прикажет экипажу оставить машину.

Моторы работают уверенно, ровно, без перебоев. Это удивительно, но пилот сейчас ничему не способен удивляться. Он принимает все как должное. Раз моторы хорошо работают, значит, так и нужно. Незачем о них думать. И незачем думать обо всем остальном, что не относится к полету или что не мешает.

В кабине свистит ледяной поток. Руки и ноги пилота окоченели, на бинтах образовалась ледяная корка. Холод проникает под куртку. Но машина хорошо держит режим, это самое главное. Может, они и выкарабкаются.

Вот только управление...

Сейчас пилот боится сделать даже одно лишнее движение штурвалом или педалями. Он не верит своим ощущениям и застыл в каменной позе. Если бы можно было хоть как-то сориентироваться или поработать управлением, ему стало бы легче...

Машина по-прежнему идет как-то странно, переваливаясь с крыла на крыло. Пилоту стоит невероятных усилий удержаться от соблазна выровнять самолет. И самое страшное, что провалы в сознании случаются все чаще, все чаще пилот ловит себя на том, что медленно возвращается из какой-то вязкой пустоты, и с трудом вспоминает, где находится и что делает.

Если бы хоть маленький клочок света, хоть на секунду...

Пилот пытается представить свет и не может. Он со страхом чувствует, что забыл все цвета. Он не может представить зелень. Он не помнит, какого цвета небо. Он отчетливо представляет лишь один цвет — чернильно-черный. Трава, лица людей — все черное.

Он задыхается.

— Штурман... вы связались со стрелком?

— Да, командир. Связался. Я вам уже говорил.

— Сможет он оставить машину?

— Нет.

— Что с ним?

— Не знаю. Видимо, что-то с парашютом. Или заклинило люк...

— Так...

И снова пилот как во сне. Он слышит команды штурмана и выполняет их, но он не понимает их смысла. Руки и ноги сами делают то, что привыкли делать в течение многих лет. Сознание в этом не участвует.

Если бы хоть немножко света... Хоть чуть-чуть...

Какая-то очень важная мысль пробивается и не может пробиться сквозь полубред. Пилот напрягает всю волю, пытаясь удержать ее, но она ускользает, теряется...

Нет, он не имеет права потерять сознание. Прежде он должен вспомнить... потому что это очень важно, это самое главное, что у него осталось...

— Штурман...

— Да, командир?

— Штурман... я должен... я хотел...

— Осторожнее, командир! Дайте крен вправо... достаточно! Что вы хотели сказать?

Да, да, штурман прав, он хотел что-то сказать... что-то очень важное... но он не может вспомнить...

— Командир, подходим к Минску.

— Да, да,— бормочет пилот,— хорошо. Только...

И вдруг в его мозгу, словно молния, вспыхивает воспоминание.

— Штурман. Скажите ей... скажите, что я хочу сына. Вы слышите, штурман?

— Кому, командир? — спрашивает Назаров с недоумением.

— Ах да... Ладно.

Пилот смолкает. Слышно только его тяжелое дыхание.

Штурман пытается понять, в чем дело, потом говорит:

— Командир, вы должны сделать это сами.

Сознание возвращается к пилоту.

— Да. Ладно.

Он смолкает. Его охватывает страстное желание во что бы то ни стало, сейчас увидеть женщину, которая была так добра с ним. Услышать ее голос, потрогать волосы.

Мысли проясняются.

Он не имеет права сдаваться.

Он должен выдержать до конца.

Если он увидит ее, все будет хорошо. Тогда ничего не страшно.

Он забывает о боли, слепоте, холоде.

— Штурман, стрелок в маске?

— Да, командир.

— Какая высота?

— Семь девятьсот.

— Идем с набором?

— Да.

— Какая скорость?

— Триста пятьдесят путевая.

— Хватит горючего до аэродрома?

— Если наберем хотя бы тысячу метров. И скорость...

— Рассчитайте наивыгоднейший режим.

— Есть, командир. Минуточку, командир.

Через несколько секунд штурман сообщает:

— Убавьте скорость на тридцать километров.

— Уменьшаю. Следите.

Пилот берет на себя секторы газа.

Он сдвигает их сначала на миллиметр, потом больше, еще больше...

— Стоп! — говорит штурман.— Хорошо. Мы немного проиграем во времени, но горючего теперь хватит. Через одиннадцать минут наберем высоту. Как вы себя чувствуете? Вам лучше?

— Да. Лучше,— отрывисто говорит пилот.— Следите за курсом.

29

...Капитану Добрушу не удалось поспать перед вылетом, как он рассчитывал. Вернее, он не захотел ложиться, хотя и мог бы это сделать. Его неудержимо потянуло к Анне.

Она была в землянке одна. Увидев капитана, она поднялась.

— Я знала, что вы придете,— сказала она.

Он и не подозревал, что с ней будет так хорошо и просто. Они не говорили ни о прошлом, ни о будущем, им было достаточно того, что они вместе и им хорошо. Когда он уходил, она сказала:

— Пожалуйста, возвращайся...

Ему во что бы то ни стало нужно вернуться к ней.

Правый мотор начинает давать перебои. До пилота то и дело доносится зловещее чихание задыхающихся цилиндров. Ну что ж... пора. И пилот, и мотор выработали все свои ресурсы. И если пилот еще действует, одержимый стремлением сохранить связь с ускользающим от него миром, то у мотора нет никаких целей, ради которых ему стоило бы доводить себя до саморазрушения.

— Штурман... какая высота? — спрашивает пилот.

— Восемь триста.

— Сколько мы можем терять, чтобы все же хватило горючего?

— Метров пятьсот... не больше. На семи тысячах ветер на двадцать километров слабее.

— Ладно. Правый мотор начинает давать перебои, придется уменьшить тягу. Последите за курсом.

— Хорошо... командир.

Голос штурмана едва заметно вздрагивает. Он отлично понимает, что это значит — перебои. Перебои обычно стремительно развиваются в полный отказ мотора. А ему очень не хочется, чтобы это случилось сейчас, где-то в центре оккупированной Белоруссии, после всего, что они выдержали, когда пилот почувствовал себя бодрее и когда выяснилось, что стрелок не сможет оставить машину. И когда он, штурман, сделал то, о чем в нормальных условиях не посмел бы даже и подумать,— произвел расчет на посадку самолета слепым пилотом.

Конечно, это невероятно сложно. Малейший промах и самолет превратится в груду обломков.

Но, с другой стороны, бомб у них нет. Он, штурман, рассчитает подход к полосе так, что в баках останется горючего только на пробег, тогда взрыв или пожар им не грозит. Покалечатся, если самолет скапотирует... ну что ж, к этому не привыкать. А может, им удастся посадить машину. Он, штурман, рассчитает подход к полосе предельно точно. Он станет глазами пилота. Почему бы не случиться чуду? Почему бы им не сесть? Они заслужили это.

Но отказ мотора разом перечеркнет все расчеты.

Пилот уменьшает обороты мотора, и машина начинает разворачиваться вправо.

— Дайте левой ноги, командир. Снимите нагрузку триммером...

Пилот компенсирует уменьшение тяги рулем поворота. Скорость снижается. Машина начинает терять высоту...

30

Небо на востоке понемногу светлеет. Гаснут звезды. Луна скатывается за подернутый сиреневой дымкой горизонт.

Штурман напряженно всматривается в землю и наконец облегченно вздыхает — Днепр. Теперь осталось совсем немного. Только бы удачно пересечь линию фронта — и они дома.

Правый мотор работает на предельно низких оборотах.

Штурман то и дело поглядывает на него и уговаривает:

— Ну-ну, дорогой... потерпи еще немного. Подержись.

Из-за уменьшения скорости они непростительно запаздывают. Рассвет неумолимо надвигается. И это очень скверно.

Рассвет — это зенитная артиллерия. Рассвет — это истребители противника.

— Командир, может, рискнем прибавить обороты? — спрашивает штурман.— Начинает светать.

— Нет.

Что ж, Добруш прав. Не стоит рисковать сейчас, когда нет прямой угрозы. Последний рывок мотора может потребоваться для более серьезного дела.

Впереди, внизу, в полумраке, на далекой земле вспыхивают огоньки. С каждой секундой они видны все отчетливее. Линия вспышек вытянулась поперек курса, с севера на юг. Она вздрагивает, пульсирует.

С восточной стороны навстречу самолету то и дело взлетают стаи хвостатых комет, и там, где они падают на землю, несколько секунд бушует пламя.

Подходим к линии фронта.

— Понял.

Пилот прибавляет обороты правому мотору.

— Дайте правой ноги, командир...

Скорость увеличивается.

Небо стремительно светлеет. Штурман берется за рукоятки пулемета.

Они подходят к полыхающему внизу валу.

Далеко справа в воздухе подпрыгивает огненный мячик, второй взрывается прямо по курсу, третий разлетается над головой штурмана.

Началось...

— Командир, противозенитный маневр! Правой ноги!..

Самолет ускользает от взрыва.

— Левой! Штурвал чуть от себя.

Хлоп-хлоп-хлоп... трах!

Ничего, ничего... еще несколько секунд...

Машина, виляя из стороны в сторону, несется среди взрывов.

— Правой ноги!.. Левой! Правой! Вниз, командир, вниз!..

И вдруг наступает тишина. Перед самолетом чистое небо, без единого дымка. Линия фронта осталась сзади. Все.

— Все, командир. Проскочили. Доверните немного влево... Хорошо!

Но не успевает штурман отдышаться, как впереди появляются два «мессершмитта», идущие с востока.

— Командир, навстречу идут два «мессершмитта»,— торопливо предупреждает штурман.— Нам не разминуться.

— Далеко?
— Да... нет! Близко!
— Выше, ниже?
— Ниже.

Секундное молчание. И ровный голос пилота:
— Ладно. Постреляйте по ним из своего пугача...

Действительно. А что им еще остается? Тут уж все от бога и от случая. Ни отвернуть, ни скрыться на своем тихоходе они не смогут.

Штурман, угрюмо глядя на стремительно приближающегося врага, склоняется к пулемету.

И вдруг он чуть не вскрикивает. Какая удача! Как же он сразу не понял? Истребители выскочили из облачности. Поэтому-то они и появились так неожиданно. Их надо отпугнуть всего на десять-пятнадцать секунд, и экипаж спасен. А ну-ка...

Он припадает к прицелу и дает длинную отчетливо видимую веерообразную очередь. Он знает, что на такой дистанции не попадет, да и не старается попасть. Ему нужно всего лишь на несколько секунд ошеломить противника.

Пулеметная трасса вспарывает небо между истребителями. «Мессершмитты» шарахаются в стороны.

Ну ладно. Сейчас они поняли, кто перед ними, и начнут разворачиваться для атаки, но дело сделано. Перед бомбардировщиком свободный путь к облачности. Облака, правда, реденькие, но это и лучше. В плотных облаках они не смогли бы вести машину.

Истребители проносятся мимо и исчезают в задней полусфере.

— Командир, прибавьте газу!

Моторы взвывают на самых высоких оборотах. Только бы они не отказали...

...Истребители появляются в поле зрения стрелка настолько неожиданно, что в первый момент он не может сообразить, что это за самолеты и откуда они взялись.

Секунду он в растерянности смотрит на них, потом резко поворачивает пулемет.

Истребители заходят для атаки.

Вот они закончили маневр и устремляются на

стрелка. Они растут на глазах, зловеще нависая над хвостом бомбардировщика.

Ш-ших!

Пульсирующая очередь снарядов проносится над самой головой стрелка. В ответ стрелок нажимает гашетку пулемета:

Р-рых!

И все. Пулемет смолкает.

Немецкий ведущий взмывает вверх. Но второй истребитель делает доворот, и на его крыльях начинают биться язычки пламени. Немец пустил в ход все свое бортовое оружие, и белые плети подбираются все ближе к стрелку.

Теперь уж стрелок ничего не может сделать...

И вдруг все меняется. Разом, мгновенно «мессершмитты» исчезают, словно растворяются в молоке. Словно их и не было никогда. Словно их атака была всего лишь дурным сном.

Стрелок протирает глаза, оглядывается, и вдруг начинает истерически, взахлеб смеяться.

Ушли!..

31

Бомбардировщик выскакивает из облачности прямо на громадный багровый солнечный диск. Штурман щурит глаза.

— Командир, подходим к аэродрому. Что вы намерены делать?

— Садиться.

Штурман судорожно стискивает зубы и проглатывает внезапно перехвативший горло ком. Надо быть пилотом, чтобы так просто и буднично решиться на то, над чем штурман бился от самого Кенигсберга.

— Спасибо, Василь Николаевич.

— У вас готовы расчеты?

— Да.

— Командуйте заход.

Штурман смотрит на землю.

— Через десять секунд начинаем левый разворот... Внимание! Разворот!

Машина делает круг над аэродромом и точно выходит на посадочную полосу.

Полоса какая-то странная — вся в пятнах, словно залатанная.

— Командир, выпустите шасси... закрылки... дайте чуть штурвал от себя...— командует штурман.

Он с удивлением приглядывается к аэродрому. Да неужели это их аэродром?!

Все вокруг изрыто громадными воронками, стоянка усеяна обломками самолетов. Сколько же их осталось? Семь... нет — восемь машин. Всего восемь!

Теперь штурман понимает, что произошло. Налет вражеской авиации. Возможно, одновременно был произведен налет и на соседний полк, с которым они должны были идти на Кенигсберг...

Так вот что это за пятна на взлетной полосе — только что засыпанные воронки. Несмотря ни на что, товарищи ждут их и сделали все возможное, чтобы они смогли сесть...

— Идем точно, высота триста,— говорит штурман командиру.

Впереди — посадочные знаки.

— Высота двести... Чуть-чуть доверните вправо. Достаточно. Хорошо, командир.

— Высота сто... Идем точно. Полоса хорошо видна, все чисто.

Чувства Добруша напряжены до предела. Голос штурмана... разве это нужно пилоту, чтобы посадить машину? Он должен сам видеть полосу. Сам!

— Высота семьдесят...

Хоть на мгновение. Только на одно мгновение...

— Пятьдесят...

Пилот снимает руку со штурвала. Секунда, и бинты летят на пол кабины.

— Десять. Возьмите штурвал чуть на себя...

Только на мгновение...

— Пять...

Пилот открывает глаза. Снаряд во второй раз взрывается в кабине. Мир становится еще чернее.

— Два...

Если бы штурман увидел сейчас лицо пилота, он подумал бы, что тот сошел с ума. Пилот улыбался. Боль стала невыносимой.

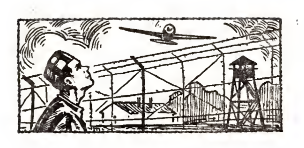
Этот полет он сделал от начала до конца, сложил по кирпичику, как каменщик складывает здание...

— Один.

Самолет касается земли. Рев моторов обрывается, словно обрезанный. Слышен стук амортизаторов.

Но Добруш уже ничего не слышит. Он выпускает штурвал из рук и повисает на привязных ремнях. В его меркнущем сознании проносится зеленое поле аэродрома, ватные облака, голубое небо... Тело пилота вздрагивает, руки приподнимаются, будто стремясь дотянуться до штурвала, и падают...

Сердце смолкает.

ЧУЖОЕ НЕБО

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Капитан Грабарь не был кадровым военным. На фронт он попал из гражданской авиации, и хотя настойчиво добивался перевода, это вовсе не означало, что ему нравилось воевать. Война для него была необходимым, но тяжелым и неприятным делом.

До войны он летал на транспортном самолете, работа его устраивала, он считался неплохим летчиком. В начале войны Грабарь летал на бомбардировщике. Потом прошел переподготовку и попал в истребительный полк. Человек добросовестный и пунктуальный, он стал хорошим истребителем и вскоре начал командовать эскадрильей.

К осени 1943 года на его счету было девять сбитых самолетов противника. Сам он ни разу сбит не был. И не потому, что ему везло, а потому, что капитан никогда не терял головы, был расчетлив, осмотрителен и осторожен. В сомнительных случаях он предпочитал уклониться от боя, считая, что лучше атаковать еще раз, чем драться без надежды на успех. Этого правила он не придерживался только тогда, когда опасность грозила другому.

Капитан терпеть не мог летчиков, которые, едва придя в полк, считали себя асами и пренебрегали опасностью. Он постоянно повторял, что отступивший пилот еще имеет возможность сбить противника, но мертвый — никогда. Смерть он считал слишком серьезным событием, чтобы относиться к ней легкомысленно.

Надевая парашют, капитан внимательно поглядел на своего ведомого — недавно прибывшего в эскадрилью из летного училища сержанта, почти ребенка, с круглым лицом и пухлыми губами. Черт его знает, чему их там учат, но большинство из них в первых же полетах делает все возможное, чтобы погибнуть. Этот вот, вылетев недавно на прикрытие, оторвался от эскадрильи и сломя голову бросился на десяток «мессершмиттов». Если бы на выручку не подоспело звено Мелентьева, от сержанта и его машины остались бы

только пепел и обломки. А мальчишка до сих пор считает, что проявил геройство.

Восторженная улыбка, вспыхнувшая на лице сержанта после приказа готовиться к полету, раздражала капитана. Он понимал, что злиться не стоило, что сержант ничем не лучше и не хуже десятков других летчиков, которых Грабарь научил воевать. Но все собралось одно к одному. Сержант Тесленко сделал глупость; вчера техники выпустили самолет Акимова в воздух, не проверив боекомплект, который оказался половинным,— четырежды глупость, и она могла стоить жизни хорошему летчику; а сегодня какой-то болван пролил на стоянке масло, и капитан получил головомойку от командира полка.

И по-прежнему не было никаких известий от семьи — жены и сынишки Алешки...

Когда началась война, они жили в Витебске, и Грабарь не знал, успели ли они эвакуироваться. Он писал по разным инстанциям, пытаясь разыскать их, но безуспешно.

Они расстались, когда Алешке было два годика. Он уже хорошо бегал, бойко разговаривал. Просыпался всегда в одно и то же время, в семь утра, и кричал из спальной:

— Мама, папа! Я уже наспался!

Если они с Зосей не отзывались, Алешка предупреждал:

— Папа! Проспишь рыбалку!

Летом, в воскресные дни, они втроем ехали за город, на Западную Двину. Грабарь был страстным рыбаком, Зося тоже оказалась неплохой удильщицей. Пока они ловили ершей и окуней, Алешка неутомимо, как мячик, носился по лугу.

Если Алешка жив, ему сейчас пятый годик...

Война сломала семейную идиллию Грабаря, и он боялся, что навсегда. Это могло выясниться в ближайшее время — фронт подходил к Витебску. Уж лучше бы оставаться в неведении и надеяться, чем узнать, что они погибли.

Из-за всего этого капитан стал угрюмым и раздражительным, малейший пустяк выводил его из себя.

— Что это вы вчера разглагольствовали о неумении немцев воевать? — хмуро спросил он Тесленко.

Сержант покраснел и заторопился с лямками парашюта.

— Да... так...— пробормотал он.

— Впредь поменьше болтайте о том, чего не знаете.— Капитан помолчал, поправляя парашют.— Сержант Тесленко! В полете не отрываться, не предпринимать самостоятельных действий, следить за воздухом!

Тесленко широко улыбнулся и кивнул.

— Смир-рна!

Тесленко вытянулся. Лямка отскочила, качнулась и повисла вдоль тела.

Глядя прямо в голубые, наивные глаза сержанта, Грабарь раздельно произнес:

— Никаких глупых выходок я не потерплю. Одного раза с меня вполне достаточно. Вы должны держаться за мой хвост, как... как за соску, и следить за задней полусферой.

Он взглянул на сержанта, у которого от обиды дрожали губы, и поморщился. «Надо бы с мальчишкой помягче,— подумал он.— Надо бы просто объяснить, что незачем ему в свои восемнадцать лет лезть на рожон, пока не побывает в нескольких боях и не станет опытнее».

Он хотел сказать что-нибудь ободряющее, но ничего не придумал, махнул рукой и коротко бросил:

— В машину!

На аэродроме было пустынно. Самолеты стояли на опушке возле начавших желтеть берез. Между ними неторопливо ползали бензозаправщики да сновало несколько механиков в синих комбинезонах.

В воздухе послышался гул моторов, и над аэродромом прошла «рама» — немецкий двухфюзеляжный разведывательный самолет. Он уже второй день подряд утюжил небо, и его надо было сбить. Задание легкое, поэтому-то капитан и брал с собой Тесленко.

Он сел в машину, застегнул шлемофон и закрыл фонарь.

— «Шестой», я — «Береза», как слышите?

— Отлично! — отозвался сержант. В его голосе снова звучала радость — парнишка не умел долго обижаться.

— Взлет!

Истребители взмыли в воздух.

Далеко впереди в белесом осеннем небе черненьким паучком плясала «рама».

— Следите за мной,— приказал капитан.— Заходим под солнце.

— На «раму»?!

— На «раму» и на любую другую машину,— раздраженно подтвердил капитан, уловив в голосе сержанта насмешку. «Вот из-за этого они и гибнут,— подумал он.— Молокососы». Он не желал пренебрегать ни малейшим шансом. Он выбрал бы самое безопасное направление атаки, даже если бы перед ним был безоружный транспорт. Сержанту хотелось атаковать противника эффектно, красиво. Но война — дело слишком некрасивое, чтобы заботиться об эффектах. Здесь должен быть единственный эффект — победа.

Машины развернулись и с каждым мгновением все ближе подходили к «раме».

— Цельтесь по моторам,— приказал капитан. И через секунду: — Огонь!

От истребителя Тесленко протянулись две пушистые трассы и мягко коснулись самолета противника.

«Рама» клюнула, из нее вырвалось облачко дыма. Затем самолет начал падать, оставляя в небе клубящийся бурый шлейф.

Все произошло спокойно и удручающе буднично. Не потребовалось делать ни ошеломляющих заходов, ни атак на вертикали, ни мертвых петель.

— Ну, это не противник,— разочарованно сказал Тесленко, провожая взглядом беспорядочно падающий самолет.

— Ошибаетесь,— холодно возразил голос капитана.— При других обстоятельствах вы могли получить хороший заряд свинца.

Тесленко хотел было что-то возразить, но внезапно взгляд его зацепился за несколько серебристых точек, показавшихся далеко на горизонте.

— Товарищ капитан... слева по курсу — самолеты! — крикнул он.

— Вижу. Это «мессершмитты». Приготовиться к атаке!

2

Сержант Тесленко представлял войну по книгам да по рассказам людей, в силу различных причин находившихся далеко от фронта, а это в любом случае недостаточные источники информации. Недельное пребывание в полку ему тоже дало не много. В серьезных боях он пока не участвовал. Настоящей войны, с ее кровью, беспощадностью и жестокостью, он не видел. Если летчик не возвращался с задания, то он просто не возвращался. Если вспыхивал самолет в воздухе, то горела машина, а не человек. Сгоревшие и убитые не возвращались, раненые — редко. Поэтому и бой представлялся Тесленко скорее своего рода состязанием, где надо было показать свою ловкость и смелость. И, конечно, прославиться.

О том, что и он может погибнуть, у него даже мысли не возникало. Как и всякому восемнадцатилетнему, смерть ему казалась чем-то таким, что к нему самому не имеет никакого отношения.

Он скорее всего и погиб бы в первых же вылетах, если бы Грабарь позволил ему делать что хотелось.

Командир эскадрильи капитан Грабарь сержанту Тесленко не понравился с первой же встречи. Не понравилось его лицо, жесткое и асимметричное, не понравились бесцветные, или, как их называют, стальные глаза и мешки под ними, резкий, скрипучий голос с сильным белорусским акцентом, его обращение ко всем на «вы», грузная фигура. Даже то, что капитану было под сорок, не нравилось.

Капитан не рвался в бой, как подобало, по мнению сержанта, настоящему летчику, и даже, кажется, не любил вылетать на задания. В последние же десять минут Тесленко обнаружил, что он еще и трус. Разве смелый стал бы делать заход на «раму» с такой осторожностью?

Во всех отношениях неприятный человек.

Но думать обо всем этом было некогда. Сержант не мог оторвать взгляда от приближающихся самолетов.

В кабине становилось все холоднее. Тесленко покосился на альтиметр — почти семь тысяч метров. А Грабарь лез все выше и выше, одновременно делая какой-

то малопонятный маневр. Вместо того чтобы идти на сближение с противником, он уходил в сторону.

— «Шестой», я — «Береза»,— снова прозвучало в наушниках.— Глядите внимательно. «Мессершмитты» сейчас развернутся в нашу сторону. Надо забраться в облака до их подхода.

— А они развернутся? — спросил Тесленко, и ему очень захотелось, чтобы «мессеры» развернулись.

— Они развернутся,— сказал капитан.— В той стороне наш аэродром. Их вызвала «рама».

«Мессершмитты» изменили курс и пошли вдоль линии фронта. Они были метров на тысячу ниже и скорее всего не видели двух затерявшихся в небе советских истребителей.

Машины капитана и сержанта нырнули в белесую пелену, сквозь которую слабо проступали четыре хищные тени «мессершмиттов».

Тесленко не первый раз видел эти самолеты. Большого впечатления они на него не производили.

— Внимание! — прозвучал в наушниках скрипучий голос Грабаря.— Атакуем!

Тесленко бросил свою машину вниз. Неотрывно смотрел он на все увеличивающиеся вражеские самолеты, заражаясь охотничьим азартом. Вот сейчас он поймает один из них в прицел... сейчас...

Тело стало невесомым, от быстрой потери высоты заломило в ушах.

— Огонь!

Тесленко отчетливо видел сверкающий в солнечных лучах фонарь вражеской кабины, различил обтянутую черным шлемофоном голову летчика, его руку в кожаной перчатке на ручке управления.

Он видел, как немец обернулся и посмотрел вверх.

Тесленко нажал гашетку. Краешком глаза он видел, как брызнули в стороны осколки плексигласа, как вырвался клубок дыма. Но странным было, что загорелся не тот самолет, в который он целился, а тот, что шел левее и чуть впереди. Его же противник выскользнул из прицела и растворился в небе.

«Промазал!» — ахнул Тесленко, пытаясь обнаружить вражеский самолет.

— Не отрывайтесь! — донесся до него голос Грабаря.— Атакуем снизу!

Впереди Тесленко увидел машину капитана. Нос командирской «девятки» задрался. Тесленко тоже взял ручку на себя. Его сразу же, будто прессом, вдавило в сиденье. В глазах поплыли разноцветные круги, и мгновение он ничего, кроме них, не видел. Потом снова различил самолет командира, от которого вверх поднимались пулеметные трассы.

Тесленко еще больше взял ручку на себя. В коллиматоре мелькнуло голубое тело немецкой машины, но сразу же выскользнуло, прежде чем Тесленко успел нажать гашетку. Он довернул машину, и снова неудачно.

— Не отрывайтесь! — прохрипел голос капитана.

Но сержанту во что бы то ни стало хотелось поймать немца в прицел. Вот на секунду снова промелькнул фюзеляж «мессершмитта» и исчез. Тесленко обозлился, дал мотору максимальные обороты.

— Врешь, не уйдешь!

И в это мгновение в наушники ворвался голос капитана:

— Оглянись!

Тесленко резко повернул голову. Сзади и сверху на него падала черная тень. Истребитель Тесленко коротко продрожал, будто по нему сыпанули каменьями.

«Попали!»

Он бросил машину в сторону, но немец не отставал. «Мессершмитт» подбирался все ближе и ближе. Тесленко почувствовал, как все тело покрывается липким потом. Только сейчас он разглядел «мессершмитты» по-настоящему, только сейчас понял, что это за противник. Это были быстроходные истребители, вооруженные пушками и пулеметами, способные в одно мгновение превратить любую цель в пылающий костер.

Тесленко затравленно оглянулся и, втянув голову в плечи, рванул машину вверх. Сзади была смерть, она настигала, она приближалась неумолимо. Он метался, не думая ни о защите, ни об атаке.

Уйти!

Он уже не соображал, что делает. Машина начала угрожающе раскачиваться, готовая сорваться в штопор. И в это время в наушниках снова прогремел голос капитана:

— Вниз!

Тесленко рывком оттолкнул ручку управления.

— Переворот! — лязгнул металлический голос.

Земля рванулась вверх.

— Вправо! Ко мне!

Тесленко швыряло из стороны в сторону, будто он попал в бешеный водоворот. Он ничего не видел — ни приборов, ни земли, ни неба.

— Доверни чуть влево! Так!

В какое-то мгновение Тесленко увидел, как выше него навстречу пронеслась черная тень, посверкивая вспышками выстрелов,— это Грабарь, выведя прицепившийся к истребителю сержанта немецкий самолет под свой удар, пошел в атаку. И сразу же всем телом Тесленко почувствовал, что опасность миновала, что немец оторвался от хвоста.

Он безвольно откинулся на спинку сиденья. Тело мелко, противно дрожало, он почти терял сознание.

— «Шестой», черт вас возьми! — рявкнуло в наушниках.— Ко мне!

Тесленко словно подбросило. Он оглянулся. Вокруг не было ни немцев, ни капитана. Сержант лихорадочно обшаривал глазами небо. Наконец он увидел далеко на западе две удаляющиеся точки, решил, что это капитан преследует немца, и повернул за ними.

Откуда-то сверху — он не заметил откуда — скользнула машина Грабаря и пошла впереди, покачивая крыльями.

— Я — «Береза»,— донесся голос капитана,— уходим домой, уходим домой... Как поняли?

— Вас понял,— отозвался Тесленко, медленно приходя в себя после этой бешеной карусели.

— Так какого же вы дьявола!..— выругался Грабарь.— Вы что, места своего не знаете? Или гореть захотелось? Я думал, у вас рация отказала, а вы... Курс семьдесят семь! — резко скомандовал он.

Тесленко развернул машину на восток. Он с удивлением оглядывался, еще не веря, что все кончилось.

Перед боем он ждал встречи с противником и был уверен в себе. Но когда встреча состоялась, он вдруг почувствовал себя человеком, неожиданно провалившимся под лед. Он делал все в каком-то полубессознательном состоянии, делал потому, что так требовал металлический голос в наушниках.

Его охватила радость. Он всей грудью вдыхал такой густой и сладкий воздух, не мог оторвать взгляда от ослепительно голубого неба, и даже прикосновение жестких ларингофонов, которые он обычно переносил с трудом, казалось ему приятным.

— За то, что не расходовали попусту боекомплект — хвалю,— донесся голос капитана, тоже показавшийся не таким уж скверным, как раньше.— Но впредь будьте внимательней, не увлекайтесь...

«Что он говорит? А, опять чтоб ходил на поводке... У старикашки, видно, и на затылке глаза...»

Сам он видел самолет капитана всего два или три коротких мгновения — перед атакой и потом, на выходе из пике. Но это ничего. Он жив, он победил! Пускай пока всего лишь «раму» — для первого раза и это хорошо. И «мессерам» не дался... Он расскажет о бое официантке Ниночке, такой маленькой и симпатичной хохотушке. Кажется, она в него немножко влюблена. Учила танцевать и вообще...

Но тут он вспомнил о том, как промахнулся по «мессеру», как потом удирал от немца, как растерялся и не знал, что делать... Неужели старик видел все это?

Щеки под шлемофоном обдало жаром. «Трус!»

— Как машина, слушается? — проскрипел голос капитана.

Тесленко вздрогнул.

— Слушается, а что?

— Хвостовое оперение вам разнесли... смотреть стыдно!

«Из-за тебя! — чуть не крикнул Тесленко.— Ты требовал держаться за хвост, вот и додержался! Если бы я не за хвостом твоим смотрел, а за немцем...»

На глаза навернулись слезы, но он прогнал их, со злобой поглядел на командирскую машину, сдержался. Ладно, он еще покажет...

Машина качнулась.

— Не отвлекайтесь, следите за воздухом,— сразу же прозвучал голос капитана.— И повторяю еще раз: не смейте отрываться, иначе плохо кончите.

«А, черт тебя!» Сержант выравнял машину, подошел ближе к «девятке».

— «Шестой», я — «Береза»,— снова ударил в уши неприятный голос,— вы спите, что ли? Справа — три

«мессершмитта», справа — три «мессершмитта»! Приготовиться к отражению атаки!

Сердце у Тесленко сдвоило.

— Я — «Шестой», вас понял...

Он увидел идущие наперерез истребители. Они были совсем близко. Они росли на глазах — черные и хищные.

3

Дело принимало скверный оборот. Капитан Грабарь не имел ни малейшего желания ввязываться в бой с невесть откуда взявшимся противником.

Начав бой с предыдущей группой немцев, они оттянулись далеко на запад от линии фронта. Капитана соблазнила возможность, пользуясь внезапностью и преимуществом в высоте, дать сержанту попробовать свои силы. Но тот растерялся, атака оказалась не слишком удачной. Правда, капитан сбил самолет, зато горючего почти не осталось. К тому же самолет Тесленко сильно поврежден, хвостовое оперение держится на честном слове.

Можно бы попытаться уйти со снижением за линию фронта, если бы они имели хоть чуть больше горючего. Но его только-только хватит до аэродрома.

Грабарь не желал быть расстрелянным, когда горючее кончится. Надо попытаться отделаться от «мессершмиттов» здесь. На всякий случай он связался с КП и попросил поддержки, хотя и знал, что она не успеет подойти.

Самое неприятное во всей этой истории — недостаток высоты. Они не успели забраться повыше. Он оглянулся на ведомого. Мальчишка для первого раза не так уж плохо держался, но одно дело, когда атакуешь ты, и совсем другое — когда тебя атакуют.

А немцы уже неудержимо скользили с громадной воздушной горы. Приходилось принимать бой в невыгодных условиях.

Грабарь перезарядил пулеметы.

— «Шестой», я — «Береза». Держитесь ко мне как можно ближе, поняли? — процедил он сквозь зубы.

— Есть, понял,— эхом донеслось из наушников сквозь треск электрических разрядов.

Грабарь плотнее прижался к бронеспинке. Его мозг работал четко, ясно, быстро. Он мгновенно разложил обстановку на составляющие, взвесил, оценил, собрал воедино разрозненные части, принял решение.

Он с точностью до одного метра знал, где пересекутся курсы и где придется принять удар противника. Звено немецких истребителей шло плотным строем. Пробить в них брешь было немыслимо. Лобовая атака не годилась, потому что рядом висел неопытный ведомый. Да Грабарь и не пошел бы на нее, при лобовой атаке у него шансы были бы хуже, чем у противника. А ему нужно преимущество.

А что, если...

Это не лучший выход, но другого нет. Неожиданность почти всегда срабатывает безотказно. Да и соблазн будет слишком велик, вряд ли немцы устоят.

— Держись! — промычал Грабарь.

Он рванул ручку на себя и дал левой ноги. Машина вздыбилась за секунду до того, как, немецкий ведущий ударил по ней из пушек и пулеметов. Грабарь проскочил рядом с трассой.

Доворот!

Ему показалось, что у него потемнело в глазах от перегрузки. Но он, не раздумывая, всадил длинную очередь из всего бортового оружия в серое пятно, мелькнувшее перед носом истребителя.

Только значительно позже он понял, что произошло. Делая свой далеко не безопасный маневр, капитан рассчитывал в лучшем случае разорвать вражеский строй. Кто-то из немцев должен был соблазниться легкой добычей и оторваться. Это дало бы Грабарю маленькое преимущество. К тому же первая атака была бы сорвана. Видимо, немецкий ведущий решил, что Грабарь бросился на таран, и тоже метнулся вверх, но не рассчитал и подставил себя под пулеметы.

Немецкий самолет был поврежден. Он отвалил в сторону и, дымя, начал уходить на запад. Грабарю этого было вполне достаточно. Если бы остальные немцы отвязались, он не был бы на них в претензии.

Но истребители развернулись для следующей атаки.

Впрочем, силы теперь равны.

И снова он быстро, ясно и трезво оценил все за и против, учел малейшие возможности и, прежде чем

окончательное решение сформулировалось в голове, уже приступил к его выполнению. Грабарь не верил удаче. Он верил математике и логике.

И вдруг он увидел такое, от чего по спине прошел холод. Вместо того чтобы держаться с ним крыло в крыло, Тесленко ринулся за подбитым «мессершмиттом».

— Назад! — рявкнул Грабарь и осекся.

Один из немецких истребителей скользнул вниз и оказался над сержантом. Тугая очередь полоснула по плоскостям «шестерки» Тесленко.

Все должны были решить доли секунды. Атакующий сержанта немец находился чуть ниже и сзади Грабаря.

Капитан включил воздушные тормоза и дал ручку от себя. Его швырнуло на привязные ремни, со страшной силой начало отдирать от сиденья. Самолет стонал и выл, словно живое существо под непосильной тяжестью.

И все-таки капитан не успел. Самолет Тесленко вспыхнул и начал падать. В то же мгновение машина Грабаря дернулась, будто столкнулась с невидимой стеной. Из мотора вырвался клубок пламени, ударил по остеклению кабины: второй немец, воспользовавшись беспомощностью пикирующей машины, спокойно, как в тире, расстреливал ее из пушек и пулеметов.

Грабарь вышел из-под удара, попробовал сбить огонь скольжением, но это ему не удалось. Он сорвал фонарь, бросил ручку и вывалился в пустоту...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Человек застонал и медленно открыл глаза. Ворон, сидевший на сосне и наблюдавший за ним, тревожно приподнял крылья, но сразу же успокоился: человек закрыл глаза и стих.

Полянка была маленькой и заброшенной, сюда редко кто забредал. Обычно на ней пахло хвоей, мхом и

багульником. Сейчас к этим запахам примешались запахи бензина и человека. Они беспокоили ворона и одновременно притягивали. Они обещали поживу.

По полянке пробежал слабый ветерок и ненадолго смыл запахи, но потом они опять вернулись.

Свежее дуновение, коснувшееся лица, заставило человека очнуться. Он пошевелился, сморщился и посмотрел в небо. «Что же с ногой?»

Ворон вздрогнул, крикнул хрипло и тяжело взмахнул крыльями.

Глухо звякнули карабины подвесной системы. Теперь боль рванула не только ногу, она ударила по спине так, что на глаза навернулись слезы.

— Плохо дело,— сказал себе Грабарь.

Он прислушался. Все вокруг было тихо и спокойно. Ни голосов птиц, ни звона комаров. Только слабо шумели деревья.

Он вздохнул и начал поворачиваться на левый бок. Ему удалось это сделать. Он медленно отстегнул защелку подвесной системы и снял ее с себя. Над ним, запутавшись в ветках сосны, висел парашют.

Крови нет, но болит сильно. И шлемофон мешает.

Он отстегнул шлемофон, сорвал его с головы и отбросил. Обтянутое шлемофоном лицо его было продолговатым и серым, как маска. Коротко подстриженные густые черные волосы торчали ежиком. На правом виске капитана белел старый шрам.

Что же с ногой? Сломал или вывихнул?

Он уперся руками в землю и начал отрываться от нее. Ему показалось, что он услышал, как скрежетнули, задев друг друга, сломанные ребра в правом боку.

Значит, и это... Он прикусил губу и, наконец, сел.

Несколько секунд он прислушивался к нарастающей боли в боку и правом бедре. Потом отер с лица пот и огляделся.

Темная зелень сосны резко выделялась на фоне пожелтевших берез. Кое-где по желтизне каплями крови разбрызганы гроздья рябины.

Видимо, он упал на сосну и потерял сознание, а потом свалился на землю.

С березы сорвался листок. Он падал медленно, то потухая, то вспыхивая ярко в солнечных лучах.

Где-то далеко стучал дятел.

— Тесленко-о!..

— ...о-о-о,— вернулось издали слабое, но отчетливое и круглое.

— Иван!

— ...ан!

Ничего. Видимо, погиб. Или упал далеко.

Вдруг капитан вздрогнул, насторожился и сунул руку в карман кожаной куртки. Сухо щелкнул курок пистолета. Но шум шел сверху, он превратился в грохот мотора, и в следующее мгновение на шелке парашюта разом проступило с десяток черных пятнышек, будто кто-то брызнул грязью. Грабарь сунул пистолет за пазуху и, стиснув зубы, рванул парашют за стропы. Парашют скользнул вниз. Капитан смял простреленное полотнище, откатился под ореховый куст и прикрыл белый комок телом.

Еще раз прогрохотал мотор, и рядом скользнула косая тень.

Когда самолет скрылся, капитан торопливо наскреб вокруг листьев и засыпал ими парашют.

Оккупированная земля...

На мгновение ему стало жутко.

2

Он помнил, что упал в небольшой лесок километрах в восемнадцати северо-восточнее Витебска. С того времени как его сбили, прошло не более десятка минут, иначе «мессершмитты» уже улетели бы.

«Необходимо как можно быстрее выбраться отсюда и попасть в большой лесной массив, расположенный севернее,— подумал Грабарь.— Оттуда можно попытаться перейти линию фронта».

Капитан подполз к сосне и, цепляясь за сучья, встал. Когда он, наконец, выпрямился, руки и ноги его дрожали, а все тело было мокрым.

Он сделал шаг и сразу же плашмя рухнул на землю. Некоторое время лежал неподвижно, задохнувшись от боли.

«Плохо дело»,— подумал он снова.

Медленно, осторожно повернулся на бок и сел. Потом так же медленно и осторожно начал прощупывать

ногу. Кости как будто целы. Особенно сильной боль была в тазу. «Скорее всего, просто вывих,— подумал он,— но как вправишь?»

Мысли путались. Хотелось быстрее вскочить на ноги и бежать с этого страшного места, куда уже наверняка спешат немцы. Ведь недаром над ним, как ворон, кружил «мессершмитт».

Он мотнул головой, стараясь сосредоточиться. Он не имел права терять ни секунды на не относящиеся к делу размышления. Он должен найти выход! Найти сейчас же.

Взгляд его остановился на сосне.

— Постой-ка...— пробормотал он.

Сняв ремень, он захлестнул им правую ногу выше колена. Потом придвинулся к сосне и привязал к ней второй конец ремня. Он с сомнением посмотрел на свое приспособление, опустился на спину и левой ногой уперся в дерево. Затем резко выпрямил ее и, оглушенный болью, провалился в ватную пустоту.

Кто-то где-то кричал. Крик сначала был слабый, он едва доходил до сознания капитана, потом превратился в захлебывающийся стон, и Грабарь понял, что это кричит он сам. Он стиснул зубы. Боль в бедре и особенно в боку стала нестерпимой, от нее заломило в затылке.

Значит, ногу он так и не вправил.

«Нет, так нельзя»,— сказал он себе.

Он отодвинулся от сосны как можно дальше, чтоб посильнее натянуть ремень, и снова уперся в ствол левой ногой. Медленно, не торопясь, начал он выпрямлять ее. Боль в растягиваемой ноге нарастала, как лесной пожар. Когда она стала нестерпимой, Грабарь рывком выпрямил левую ногу.

Послышался хруст, и он снова потерял сознание.

На этот раз он очнулся быстрее. По всей правой стороне тела разлилось тепло, и Грабарь застыл в изнеможении. Он не мог даже поднять руку, чтобы вытереть пот. Боль в бедре уменьшилась, зато в боку стала чудовищной. Капитан потрогал рукой ребра. Теперь уже у него не осталось никакого сомнения в том, что два ребра сломаны.

«Плохо дело»,— подумал он в третий раз и начал отвязываться от сосны.

Он пошевелил ногой. Ничего, хоть и болит, но действует. Морщась, Грабарь осторожно поднялся, шагнул. Еще раз. Еще.

Действует!

Придерживаясь рукой за бок и постанывая, Грабарь медленно заковылял на север.

3

Миновав узкую полоску кустарника, капитан вышел на дорогу, за которой начиналось картофельное поле. Вдали синел лес, видимо, тот, куда и надо было попасть.

Стоя за кустом, Грабарь внимательно огляделся. Вокруг не было видно ни души. Он перешел дорогу и, опустившись в борозду, пополз.

Он задыхался от боли, бормотал сквозь зубы ругательства и упрямо продвигался вперед метр за метром. Конечно, он быстрее миновал бы поле, если бы шел. И боль была бы не такой нестерпимой. Но тогда он оказался бы на виду, и его могли обнаружить.

Прошло минут пятнадцать. За это время Грабарь одолел сотню метров и решил отдохнуть.

Было не по-осеннему тепло, солнечно и тихо. В небе над ним летела на юг паутина.

И все-таки война незримо присутствовала здесь. Не было слышно ни рокота тракторов, ни ржания лошадей, ни лая собак. Картофель не был даже окучен. Все глухо и пусто.

Грабарь хотел уже ползти дальше, как вдруг сзади раздался треск мотоцикла и ударила автоматная очередь. Он вздрогнул и оглянулся. Ботва смыкалась за ним сплошной стеной. Но это ничего не значило. Его могли заметить раньше, когда он переходил дорогу, могли обнаружить след. Может, выдала шевелящаяся ботва.

«Ну что ж»,— сказал он себе.

Капитан вытащил пистолет и, стараясь не задеть ботву, повернулся лицом к дороге. Страха он не испытывал, но его охватила горечь, что все так нелепо кончилось.

Левее него по полю бежали три немецких солдата. Один из них был в очках. Немцы не видели капитана.

Хлоп! — прозвучал пистолетный выстрел.

Бежавший впереди немец на мгновение остановился, словно споткнулся обо что-то, и опрокинулся на землю. Двое оставшихся полоснули из автоматов по невидимому стрелку и залегли.

Капитан опустил пистолет.

«Забавно»,— машинально подумал он, хотя ничего забавного в этом не было. Кто-то убил очкастого немца, в которого целился и он, но кто?

Надо было помочь невидимому стрелку. И надежда появилась — может, и не конец еще?

Солдаты сделали перебежку. Хлопнул еще один выстрел, но стрелок промахнулся. Немцы снова залегли, и теперь капитан оказался у них в тылу. Он устроился удобнее и, взяв на прицел место, где лежал ближний к нему солдат, замер.

Как он и ожидал, немец начал следующую перебежку с того места, где перед этим залег, заранее приговорив себя к смерти. Еще будучи на финской войне, Грабарь крепко усвоил правило никогда не начинать перебежку, не сменив перед этим позиции. Не видя упавшего солдата, финны обычно брали на прицел кочку или кустик, за которым он находился. И как только боец начинал подниматься для следующей перебежки, раздавался выстрел. Надо было отползти в сторону хотя бы на метр и тогда подниматься. Пока противник успевал увидеть атакующего, пока переносил винтовку, пока прицеливался, проходило шесть-семь секунд. А за это время даже самый нерасторопный может пробежать двадцать-тридцать метров.

Как только немец начал подниматься, Грабарь нажал спуск. Солдат ткнулся головой в землю. Второй поднялся на секунду позже, сделал два шага и тоже оказался под дулом пистолета. Снова хлопнул выстрел, немец подпрыгнул, раскинул руки и упал на спину.

Капитан приподнялся и, не обращая внимания на боль в боку, торопливо пополз к убитому неизвестным стрелком немцу. Тот лежал лицом вниз и не шевелился. Капитан схватил валявшийся рядом автомат, передернул затвор и настороженно оглянулся, готовый дать очередь. С противоположной стороны поля шагал Тесленко, размахивая пистолетом и широко улыбаясь. Он явно был доволен всем случившимся.

— Ловко вы их...— начал было он, но капитан оборвал его:

— Заберите оружие!

Теперь прятаться уже не было смысла. Немцы, если они были поблизости, слышали выстрелы. Надо как можно быстрее уходить в лес. Грабарь поднялся и, постанывая, заторопился через поле. Поравнявшись с сержантом, приказал:

— Индивидуальные пакеты тоже заберите.

Сержант хотел было что-то сказать или спросить, но Грабарь прикрикнул:

— Без разговоров, быстро! Да спрячьте, наконец, свою хлопалку! Что вы размахиваете ею, как игрушкой!

Сержант торопливо сунул пистолет в карман и склонился над немцами. Потом догнал капитана.

4

— Не ранены? — спросил Грабарь, когда деревья сомкнулись за их спинами.

Он пошел медленнее, тяжело отдуваясь.

— Никак нет, товарищ капитан,— обрадованно проговорил сержант. Меня аккуратненько сбили. Упал прямо на это дурацкое поле, забежал в лес, гляжу — и вы горите. Ну и перепугался же я! Я видел, как вы выпрыгнули, все ждал, когда парашют раскроете, а вы не раскрывали. А потом уже над самым лесом — хлоп! Немец в дураках остался — он ведь до самой земли за вами пикировал и все равно проскочил. Потом развернулся и ну со злости полосовать по лесу. Смех! Ну, я спрятал парашют, думаю, надо капитана выручать. Только добежал до середины поля — трах-бабах! — фрицы. Ну, я начал давать им жару...

Капитан посмотрел на него тяжелым взглядом, пожевал губами. Ну что ты будешь делать с таким героем! Ведь напорись они не на резервистов, а на обстрелянных солдат,— уж будьте уверены, они превратили бы обоих летчиков в решето. Уж те-то знают, и где залечь, и когда встать, и как стрелять. Им дико, невероятно повезло, а этот думает, что иначе и быть не могло, что он со своей хлопушкой невесть какая гроза для немцев...

Капитану хотелось обругать этого несмышленыша самыми последними словами. Но вместо этого он спросил:

— Ползать вас не учили?

— Чего-о? — не понял тот.

— Ползать, спрашиваю, не учили?

— Стану я ползать перед фрицами!

Капитан промолчал. По его лицу прошла судорога, он запнулся и схватился за бок.

Тесленко взглянул на него с тревогой:

— Что с вами?

Грабарь передохнул.

— Ничего. Шагайте.

— Вы ранены?

— Шагайте! — с раздражением повторил капитан.

Сзади послышались отдаленные крики, треск автоматов. Капитан насторожился.

— Сколько магазинов вы подобрали?

Тесленко посмотрел на него с замешательством.

— А я... не заметил их...

Грабарь остановился, резко повернулся к сержанту. В его глазах промелькнуло бешенство.

— Что-о?!.

— Я ведь не знал...— испуганно пролепетал тот.

Грабарь с шумом выдохнул.

— Ладно... Сбейте патроны из обоих автоматов в одну коробку. Оставьте один автомат, второй выбросьте.

Он вынул из своего автомата рожок и вставил новый, полный.

Заметив, что сержант вертит в руках автомат, не зная, что с ним делать, протянул руку:

— Дайте сюда!

На ходу перезарядил оружие, протянул Тесленко.

Они шли до тех пор, пока крики и выстрелы сзади не смолкли. Тогда капитан остановился и опустился на землю.

— Помогите снять куртку и гимнастерку,— попросил он.

Сержант подошел к капитану.

— А теперь возьмите бинты и перевяжите,— сказал Грабарь, когда гимнастерка была снята.— Стягивайте так сильно, как только можете.

На спине капитана синел громадный кровоподтек. Тело вспухло. Тесленко поежился:

— Здорово вас...

— Крепче!

Сержант старался изо всех сил. Капитан морщился, но терпел. Вскоре тугая повязка стянула ребра. Капитан оделся, внимательно огляделся по сторонам и вздохнул.

— Так... Теперь надо подкрепиться. У вас что-нибудь есть?

Тесленко начал поспешно шарить по карманам.

— Нет,— сказал он наконец.— Видно, утерял...

Капитан вытащил из кармана бумажный пакетик, развернул. В нем был бортпаек — кусочек хлеба, немного колбасы и сахара.

— Пристраивайтесь.

Слабый ветерок набежал на мгновение, тревожным шепотом метнулся по веткам и, дохнув в лицо влагой, замер. Стало тихо-тихо. Даже птицы смолкли.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

«Надо как можно быстрее уходить отсюда,— думал капитан, пережевывая хлеб.— Пока мы здесь, мы в мышеловке...»

Хотя он знал этот участок местности только по карте, все же он достаточно точно представлял, где они находятся. Речка — он забыл ее название — делала здесь большую петлю, и они были почти в центре ее.

— Если немцы нас поймают, я застрелюсь,— сказал Тесленко.— Лучше смерть, чем плен.

Грабарь поднял на него глаза. Он как-то забыл о его присутствии, и слова Тесленко вывели его из задумчивости. Он свернул комочком пакет, оставшийся от бортпайка, и помял его в пальцах.

— Не говорите глупостей,— сказал Грабарь.— Солдат должен воевать, а не стреляться. Не хватало еще, чтобы солдаты становились самоубийцами.

Он отбросил в сторону целлофан и поднялся.

— Идем!

Тишина была обманчивой, она в любой момент могла взорваться трескотней автоматных очередей. Единственное их спасение было в том, чтобы идти.

Лес становился все глуше и темней, потянуло сыростью. Ноги глубоко проваливались в мох.

Небо затягивалось облаками. Капитан взглянул вверх.

— Дождь будет,— сказал он.

Тесленко тоже посмотрел на небо.

— Их еще может разогнать.

— Нет, муравьи ходы заделывают, а это верная примета.

По верхушкам елей шумнул ветер, упал вниз и затих в кустарнике. Как бы в подтверждение слов капитана по веткам щелкнули первые капли. Потом дождь усилился, и вскоре с неба хлынул настоящий потоп. Вокруг стало темно, как в сумерки.

— Может, спрячемся? — спросил Тесленко.

Грабарь покачал головой.

— Нет.

Несколько минут они молча шагали под дождем. Капитан радовался этому неожиданному союзнику: хоть маленькая, а передышка. Но он не забывал и о другом.

Он поглядел на Тесленко, насупился.

— За сегодняшний день вы дважды нарушили приказ,— проговорил он.— Результаты сами видите.

Сержант поднял голову, с беспокойством взглянул на капитана и поежился.

— Так? — спросил тот.

— Так,— неуверенно подтвердил Тесленко.

— Кроме того, пошли в рост через поле, хотя солдат обязан ползать. Это чуть не стоило вам головы. Да и мне заодно.

На круглом лице сержанта отразилось страдание.

— Товарищ капитан... товарищ капитан, честное слово, я больше не буду. Честное комсомольское.

Капитан кивнул.

— Постарайтесь. Иначе мне придется застрелить вас раньше, чем это сделаете вы сами.

Тесленко судорожно сжал челюсти. Свою угрозу

капитан произнес спокойным усталым голосом, без всякого нажима. Но Тесленко понял, что он выполнит ее. А в это время Грабарь думал, что эту угрозу он не выполнит ни при каких обстоятельствах, потому что если мальчишка в чем и виноват, так только в том, что не умеет воевать, и научить его этому должен он, капитан Грабарь.

За эти несколько часов он как-то привязался к сержанту. Может, потому, что тот был в два раза моложе его и годился ему в сыновья. А может, потому, что у него, как и у всякого сильного человека, была потребность оберегать слабого. И еще он чувствовал себя виноватым в том, что взял сержанта в полет, который закончился так неудачно. Ведь он мог не брать его, мог лететь с любым другим летчиком эскадрильи. Выбор зависел только от него.

Умом он понимал, что никакой его вины во всем случившемся нет, но чувства говорили обратное.

Как ни странно, Тесленко после угрозы капитана почувствовал нечто вроде облегчения. Все становилось на свои места. Слова капитана замыкали цепь, они означали, что теперь оба связаны чем-то большим, чем простое служебное подчинение. Этот сильный и несколько раздражительный человек брал на себя всю ответственность за их общее будущее, но одновременно и в чем-то признавал его, сержанта Тесленко, равным себе. Капитан становился ближе и понятнее.

Дождь лил не переставая. Унты раскисли и стали пудовыми, идти было тяжело. Ноги путались в зарослях черничника.

Они шли до тех пор, пока не стемнело. Только тогда капитан решил сделать привал. Они наломали веток и, подостлав их под елью, уснули тяжелым, тревожным сном.

2

Утром, едва рассвело, летчики тронулись в путь. Из-за дождя и холода они почти не отдохнули. И хотя тучи разогнало, было сыро, с веток при малейшем неосторожном движении срывались холодные брызги.

Они шли очень долго — все дальше на север. К полудню лес начал редеть. Это могло быть и хорошо, и

плохо. Хорошо, если они, наконец, добрались до речки и смогут сориентироваться. Плохо, если дальше будет поле или другая открытая местность.

Грабарь с тревогой оглядывался по сторонам.

— Выбросьте-ка шлемофон,— посоветовал он Тесленко.— Уж слишком он у вас приметный.

Тесленко сорвал шлемофон и швырнул его в кусты. Безотчетная тревога капитана передалась и ему. Он шагал осторожно, стараясь не задевать веток и не шуметь.

Они вышли на тропинку и некоторое время молча двигались по ней. Вскоре начался спуск и лес стал совсем редким.

Выйдя к его краю, Грабарь остановился за ореховым кустом и внимательно осмотрелся.

— Речка,— проговорил он с облегчением.— Значит, идем правильно...

Он взглянул на Тесленко, который стоял за дубом, держа автомат наизготовку.

— Все в порядке. Отдохнем.

Капитан сильно устал и едва держался на ногах. Боль в боку после перевязки хоть и уменьшилась, но при каждом неосторожном движении он чувствовал, как концы сломанных ребер тупо задевают друг друга. Это было хуже, чем при открытых ранах.

Нога тоже все еще болела, и Грабарь подумал, что надо бы и на нее наложить повязку.

Они сели под куст, и капитан склонился, чтобы снять унт. Он уже почти стянул его, как вдруг что-то будто кольнуло его и заставило поднять глаза. Метрах в двадцати сзади Тесленко стояла серая овчарка и смотрела на летчиков. Сначала капитан подумал, что это волк. Но потом он увидел на ней ошейник. Собака была величиной с годовалого телка.

— Не двигайтесь! — шепотом приказал Грабарь сержанту.

Не спуская глаз с овчарки, он сунул руку за пазуху и незаметным движением вытащил пистолет. Сержант, не смея повернуться и не зная, что происходит у него за спиной, побледнел и весь напрягся. Собака метнулась вперед. Капитан выбросил руку, хлопнул выстрел. Овчарка, перевернувшись через голову, забилась.

— Уходим! — сказал Грабарь вскочившему на ноги сержанту.

В лесу затрещали выстрелы. Грабарь торопливо натянул унт, схватил автомат и вскочил на ноги. На его лбу прорезалась глубокая морщина.

— Товарищ... капитан...— выдохнул Тесленко, но Грабарь оборвал его:

— Тихо! За мной!

Взглянув на испуганное лицо сержанта, капитан снова пожалел, что взял его в полет. Мальчишке придется туго.

— Пошли! — сказал он. Круто повернулся и побежал к речке. Тесленко бросился за ним.

— Когда начнется перестрелка,— сказал капитан,— идите все так же на север, пока не наткнетесь на шоссейную дорогу. Там повернете на восток. Ни в коем случае не раньше, поняли?

Тесленко сглотнул слюну и кивнул.

— Понял,— неуверенно сказал он.— А вы?

— Я задержу немцев и догоню.

— Но если вас ранят...

— Если ранят, то все равно идите на север,— с раздражением сказал Грабарь.— Я отобьюсь, а вы только будете мешать.

Ему во что бы то ни стало хотелось спасти мальчишку, хотя он сам понимал, что вряд ли это возможно. Особенно сейчас, когда их преследуют с собаками.

Лай собак и резкие немецкие команды слышались все ближе.

— Придется стрелять — цельтесь ниже, почти в ноги, потому что немецкие автоматы берут с завышением,— вспомнив, сказал Грабарь.— И стреляйте только короткими очередями.

Тесленко снова кивнул.

Бежать было тяжело. Боль в боку у капитана стала нестерпимой.

— Ч-черт! — выругался он, но бега не замедлил.

Они миновали кустарник, выскочили на узкую полоску луга и, перебежав ее, оказались в лозняке на берегу речки. Она была неширокой, противоположный берег круто обрывался в воду. Грабарь бросился вперед, Тесленко за ним. По отмели добрались почти до середины. Потом поплыли.

Течение было медленным, их почти не сносило. Первым до берега добрался Тесленко, протянул капитану руку. Грабарь обессиленно упал в осоку за кустами лозняка. Нога почти не действовала, ребра тупо ныли. Капитан с трудом сдержал стон.

Он оглянулся на сержанта.

— Не ждите меня,— приказал он, устраиваясь с автоматом за бугорком.— Уходите.

Лес был недалеко, нужно только перебежать метров пятнадцать по лугу. Ветер и солнце высушили траву. Небо побелело. Луг жил своей, независимой жизнью. Река притихла, и только на плесах вскипали иногда пузырящиеся бурунчики; она ласково полоскала в своих прозрачных водах податливые лозы. Не колыхались помертвевшие головки камыша.

Тесленко сделал было несколько шагов к лесу. Потом оглянулся на капитана, привалившегося к бугорку, мотнул головой и тоже опустился рядом.

— Никуда я не пойду,— сказал он угрюмо.

Грабарь открыл глаза и с бешенством посмотрел на сержанта.

— Немедленно уходите!..

И в этот момент на противоположном берегу показались немцы. Летчики прижались к земле.

Когда-то капитан упорно учил немецкий язык. Он собирался перейти на международную авиалинию, но это ему не удалось. Сейчас знание языка пригодилось.

— Роберт! Эти русские свиньи, видимо, переплыли речку.

— Теперь и нам придется лезть. Доннерветтер!

— Вода ледяная.

— Эй! Глядите! След вверх по течению!

— Значит, они решили сбить собак.

— Правильно. Надо предупредить обер-лейтенанта.

— Эрих! Беги к Крюгеру, а мы — вверх!

Грабарь понял, что на какое-то время они спасены. Если немцы уйдут...

Но в этот момент рядом с ним, захлебываясь, застучал автомат. Длинная очередь эхом раздробилась над водой. Один из солдат упал, двое других бросились в кусты и открыли ожесточенную стрельбу.

Грабарю тоже пришлось открыть огонь.

Немцы начали отступать — это слышно было по

удаляющейся стрельбе. Видимо, они решили перейти речку в другом месте. Капитан поднялся и, пригнувшись, кинулся к лесу.

— За мной! — приказал он сержанту.— Быстрее!

Скрывшись за деревьями, они перешли на шаг.

— Не надо было вам стрелять,— сказал капитан, морщась.— Они думали, что мы ушли вверх по течению, и не собирались перебираться через речку.

Тесленко остановился.

— Но... но я ведь не знал...— сказал он.

— Эх! — сказал капитан с горечью.— Вам говоришь одно, а вы делаете другое, и в результате... Да что уж... Теперь поздно об этом говорить.

Они прислушались к стрельбе сзади.

— Вы знаете немецкий язык? — спросил Тесленко.

Капитан не ответил. Потом спросил:

— Патронов не осталось?

Сержант смешался.

— Я забыл, что нельзя стрелять длинными...— сказал он.— Немцы были так близко.

— Что уж, — сказал Грабарь. — Дайте-ка автомат.

Он разрядил автомат Тесленко и выбросил. Семь оставшихся патронов заложил в свой.

3

Немцы отстали или двигались молча. Во всяком случае, сзади было тихо.

В верхушках елей и сосен шумел ветер.

Грабарь не доверял лесной тишине. Всем своим существом он чувствовал затаившуюся вокруг опасность. Он шел все медленнее и медленнее и, наконец, совсем остановился.

Тесленко тоже замер.

— Дорога,— шепотом сказал Грабарь сержанту, вглядываясь в прогалину.— Дальше поползем.

Они опустились и поползли среди высокого папоротника.

Грабарь еще ничего не видел и не слышал, но минуту назад бывший таким мирным лес вдруг стал грозным и полным опасности. Тесленко тоже осматривал кусты и деревья полным тревоги взглядом. Что-то в лесу было не так.

— Ветка! — выдохнул он на ухо капитану.

Тот кивнул. Правее них, за толстой шероховатой сосной дрожала ветка. Будто кто-то качнул ее неосторожно и попытался остановить. И сразу же рядом с веткой Грабарь различил черную палку, которая шевельнулась и оказалась стволом немецкого автомата.

— Отходим,— прошептал капитан, едва шевеля губами.

Они попятились назад. Тесленко двигался, затаив дыхание, словно по тонкому и хрупкому льду.

Так они ползли бесконечно долго, стараясь не задеть ни травинки, ничем не выдать своего присутствия.

И вдруг тишина кончилась. Это произошло совсем не там, где можно было ожидать. Прямо из папоротника впереди них поднялся высокий и тощий немец. Увидев летчиков, он отшатнулся и, вместо того чтобы схватиться за висевший на шее автомат, нелепо замахал руками. Потом закричал и бросился бежать.

Грабарь выстрелил. Очередь срезала немца, но спереди, сзади, с боков затрещали выстрелы, послышались команды, ухнул взрыв.

— Бежим! — крикнул капитан.

Впереди выросла цепь немцев. Капитан упал за ствол сосны и начал бить короткими частыми очередями...

Прорваться им не удалось. Спустя несколько минут Грабарь и Тесленко тряслись, связанные, в кузове грузовика по лесной дороге.

Это был плен.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

На юге Германии, недалеко от Регенсбурга, находился на первый взгляд ничем не примечательный аэродром. Здесь были ангар, диспетчерская, взлетная полоса, стоянка самолетов. Необычным было только то, что с аэродрома поднимались советские самолеты с советскими летчиками.

Грабарь и Тесленко попали именно на этот аэродром.

Их привезли сюда солнечным утром и толкнули за колючую проволоку, окружавшую приземистый барак, похожий на конюшню.

Тесленко огляделся и опустил голову.

— Теперь — все. Все кончено.

— Не хнычь! — прикрикнул Грабарь.— Пока человек жив, для него ничто не кончено.

— Отсюда нам не выбраться,— подавленно сказал Тесленко.

Грабарь понял, что если он не хочет, чтобы мальчишка совсем пал духом, с ним надо обращаться поласковей. Сколько уж раз он говорил себе об этом!

— Напрасно ты так думаешь,— сказал он терпеливо.— Выбраться можно и отсюда. Не надо только терять голову. Ну! Подними нос!

Тесленко поморщился.

— Не надо меня утешать, Кастусь Антонович.

Грабарь окинул внимательным взглядом пулеметные вышки, барак, колючую проволоку, людей в полосатой одежде.

Один из пленных подошел и, сочувственно поглядев на Грабаря, спросил:

— Совьет? Летчик?

Капитан кивнул и спросил в свою очередь:

— А вы?

— Югослав.

— Русские здесь есть?

— Да, да!

— Что это за лагерь?

— Не лагерь, нет! — замотал тот головой.— То это...— он пощелкал пальцами, но так и не нашел нужных слов. Потом указал рукой в сторону барака: — Там... идти...

Он был в полосатых потрепанных брюках и такой же куртке. На голове блином лежала серая беретка. Маленькое лицо его казалось старым и изможденным. Светлые глаза глядели на мир печально и отрешенно.

На аэродроме раздался рокот мотора. Грабарь с Тесленко оглянулись. Повернулся и югослав.

Из-за рощи выполз самолет, задержался в начале взлетной полосы на секунду и начал разбег.

— Кастусь Антонович! — вскричал Тесленко, провожая взглядом машину.— Это же... это — «Ла-пять!»
— Вижу.
— Что это значит?!
Грабарь и сам был озадачен, но сказал сдержанно:
— Узнаем.
Самолет оторвался от земли и ушел в небо. Не успел он развернуться, как откуда-то с востока вывернулся «Фокке-Вульф-190». Он стремительно падал на еще не успевшую набрать высоту машину. Послышался короткий треск, настолько характерный, что ошибиться в его значении было невозможно.
— Он атакует! — вскричал Тесленко.
— Да.
«Ла-5» отвернул в сторону.
Югослав тронул Грабаря за рукав.
— Ми-шень,— сказал он, и глаза его стали еще печальнее.— Совьет летчик — ми-шень.
Грабарь быстро взглянул на него, сморщил лоб.
— Безоружный?
— Да!
— Так — пока не собьют? — показал он глазами вверх.
— Нет-нет. Десять минута. Десять.
— Понятно.
Теперь все прояснилось.
Капитан снова поднял глаза. После первой неудачи «фокке-вульф» развернулся и пошел в атаку снова. Видимо, на советской машине сидел неопытный пилот. Он сманеврировал неудачно, дав немцу возможность зайти в хвост.
— Что он делает! Что он делает! — застонал Тесленко.— Его же собьют!
— Да,— сказал капитан.— Ему надо было прижаться к немцу и походить в хвосте. Тогда у него был бы запас высоты и он смог бы развить скорость для отрыва на пикировании.
Тесленко взглянул на него сумасшедшими глазами.
— Что вы такое говорите?! — закричал он.— Как вы можете спокойно рассуждать, когда гибнет человек?!
Снова послышался треск пулеметов, напоминающий клекот аиста. Тесленко зажал рот руками. Катастрофа должна была разразиться с секунды на секунду. И она

разразилась. На одном из разворотов немец почти вплотную подошел к советскому истребителю и дал длинную очередь. Машина вспыхнула, сорвалась в штопор. Раздался взрыв.

— Глупая смерть,— пробормотал Грабарь.

— Черт вас возьми! — заорал Тесленко со злобой, повернувшись к капитану.— Замолчите!

Грабарь шагнул к сержанту, схватил его за воротник и рванул к себе.

— Ты! Молокосос! — проговорил он, глядя на сержанта уничтожающим взглядом.— Не смей закрывать глаза! Не будь слепым кутенком! Ты еще не понял, что нас ждет то же самое?

— Что?!

— То же самое, если мы будем плакаться и распускать сопли,— жестко сказал капитан.— Ты думаешь, нас привезли полюбоваться всем этим? Мы будем такими же мишенями, как этот летчик! И если не хотим гореть, то должны извлечь для себя из этой смерти пользу.

— Из смерти — пользу?!

— Да! И хватит истерик! — Грабарь отпустил Тесленко, сожалея о своей вспышке. Опять не сдержался!

— Из смерти — пользу?!.

Капитан отвернулся.

— Пора тебе видеть вещи такими, какие они есть... Не злись! — сказал он мягче.— Слышишь?

Сержант бессмысленно оглядывался по сторонам.

— Что же это? — прошептал он.

Он был совершенно подавлен.

«Из меня невесело вышло бы даже учителя приходской школы,— невесело подумал Грабарь, глядя на сержанта и не зная, как его взбодрить.— Я совсем не умею с ним разговаривать. Эх!..»

2

Грабарь был несправедлив к себе.

Правда, раздражение иногда все еще прорывалось в нем. Но это случалось все реже и реже. Три недели плена многому научили его.

Он знал, что если они хотят остаться в живых и вырваться на свободу, то в первую очередь должны

поглубже спрятать свои чувства. В мире, в котором они с Тесленко оказались, нужно бороться не теми средствами, которыми хотелось, а теми, которые имелись. Бороться не только с фашистами, но и с собой...

В их распоряжении было единственное средство — выдержка. Они должны были терпеливо ждать своего часа, а до тех пор постараться избежать пыток, побоев, пустой траты сил.

Тесленко не хотел этого понимать. Он был слишком горяч и нетерпелив, он хотел действовать, действовать как угодно, только не ждать неизвестно чего. С первого же дня плена он начал строить планы побега, один фантастичнее другого. То предлагал немедленно организовать массовое выступление пленных, то уговаривал капитана вдвоем проникнуть в помещение охраны и завладеть оружием, то хотел напасть на часового...

Грабарь внимательно слушал его и только качал головой. Будь во всех этих планах хоть малейший шанс на успех, он не колебался бы ни секунды. Он и сам один за другим строил тысячи вариантов освобождения и с горечью вынужден был от них отказываться. Приходилось ждать более подходящего момента.

— До какого времени? — возмущался Тесленко.

— Не знаю.

— Сидеть и ждать?!

— Сидеть и ждать,— подтверждал Грабарь.— И не орать фашистам в лицо, что они мерзавцы. От этого они лучше не станут.

— Может, прикажете целоваться с ними? — ядовито спрашивал Тесленко.

— Во всяком случае воздерживаться от неразумных выходок, которые могут кончиться расстрелом.

— Нет уж, пусть лучше расстрел! — свирепел сержант.— Пусть!

Грабарь примирительно качал головой.

— Я намного старше и опытнее тебя. Поверь мне, пытаться прошибить лбом стенку — пустая затея. От этого страдает только лоб.

— По-вашему, лучше спокойно смотреть на эту стенку?

— Зачем смотреть? Можно попытаться обойти.

Его невозмутимость и флегматичность буквально выводили сержанта из себя. Порой он ненавидел этого человека. Он обвинял его в нерешительности, безволии, неспособности к действию.

— Вы просто боитесь бежать,— угрюмо сказал однажды Тесленко.— Там ведь снова придется воевать, возможно, погибнуть...

Грабарь пожал плечами.

— Любой разумный принцип можно довести до абсурда. Я не хочу умирать, но ради дела готов на это. Погибнуть же по-глупому я считаю преступлением. Мы в плену? Да, это скверно. Но на войне это может случиться. И это вовсе не означает, что единственный оставшийся у нас выход — умереть. Мы обязаны найти возможность бороться!

Чаще всего его советы не достигали цели. В лагере под Минском, куда их привезли на второй день плена, Тесленко, не сказав Грабарю ни слова, попытался бежать в одиночку. Но он не успел добраться даже до колючей проволоки. Его поймали и зверски избили. Хорошо еще, что не пристрелили на месте и капитану удалось унести его, полуживого, в барак...

Только через неделю Тесленко смог встать на ноги. Грабарь каждый день отдавал ему половину своей порции брюквенной баланды, терпеливо ухаживал, перевязывал.

И тут как раз представилась возможность бежать. Грабаря и Тесленко с группой других пленных направили на разгрузку бревен. Случилось так, что охранявший их эсэсовец оказался у самого борта машины.

— Давай! — выдохнул Грабарь, указывая сержанту на бревно и пытаясь столкнуть его вниз, на голову охраннику.

Тесленко ухватился за конец, чтобы помочь капитану, но бревно было толстенное, а сержант еще слишком слаб. Эсэсовец прикурил и отошел от машины...

В Германию их везли в наглухо заколоченных вагонах. За все пять суток пути пленных ни разу не выпустили даже для того, чтобы оправиться. Их ни разу не накормили. Ни разу не напоили. Это были полные ужаса дни. Люди умирали, сходили с ума.

Грабарь не отпускал от себя сержанта ни на шаг. Он не знал, куда их везут и долго ли придется

ехать. Но он понял, что если ничего не предпринять, то большинство пленных погибнет.

В вагоне ехало сто десять человек. На второй день Грабарь выбрал из них людей понадежнее и назначил командирами десяток. Они заставили пленных вычистить вагон, привести себя в порядок.

На третьи сутки пошел дождь. Пленные ринулись к форточкам, пытаясь поймать потрескавшимися губами хоть каплю влаги. Грабарь собрал возле себя командиров десяток, и общими силами им удалось оттеснить от одной из форточек клубок тел. Затем, высовывая наружу тряпье, они набрали около трех литров воды и распределили между наиболее слабыми.

В то время как в других вагонах за дорогу погибло до половины пленных, в четвертом, в котором ехали Грабарь с Тесленко, умерло только тринадцать человек.

Грабарю было очень трудно, потому что ребра у него только-только начали срастаться. Он старался не делать, насколько это было возможно, лишних движений, чтобы не беспокоить их. Он бережно растирал больную ногу. Он хотел выдержать.

Но сейчас, на аэродроме, он и сам вдруг с тоской спросил себя: стоило ли все это выдерживать, чтобы в конце концов оказаться мишенью? Не лучше ли было погибнуть сразу, чем дождаться такого?

Он посмотрел на безвольно поникшего сержанта, на догорающий за аэродромом самолет, на уходящую в барак группу пленных, которые тоже следили за воздушной схваткой.

«Вздор! — оборвал он себя. — Вздор! Мальчишество! Борьба не кончена».

Он повернулся к сержанту.

— Ну... пойдем на новые квартиры.

Как ни скверно было у него в этот момент на душе, он пересилил себя и улыбнулся.

— Жизнь продолжается. Держись, сержант.

3

Югослав провел их в полутемный барак и указал на нары:

— Плац.

Потом махнул рукой в сторону лежавших в углу пленных:

— Совьет! Русски!

Грабарь поблагодарил его, и югослав отошел. Капитан поздоровался с летчиками. Их было трое.

— Закурить не найдется? — спросил он.

Двое из них поднялись. Тот, что был постарше, с сильно изможденным морщинистым лицом, протянул полсигаретки и спросил глухим голосом:

— Сегодня пригнали?

— Да.

— Плохи ваши дела, ребята.

— Видим,— сказал Грабарь.

Он присел на нары. Тесленко опустился рядом.

— Будем знакомы — Кастусь Грабарь.

— Земцов. Василий Земцов,— глухо проговорил его собеседник.— Это — Сергей Мироненко,— кивнул он на сидящего рядом товарища, выглядевшего помоложе.— А тот — Николай Соломеин.

Мироненко иронически склонил голову, Соломеин шевельнулся на нарах, но не повернулся.

— Давно здесь? — спросил Грабарь.

— Недели две.

— А в плену?

Земцов сидел на нарах, низко опустив плечи, и глядел в пол. Казалось, он не слышал вопроса. Потом поднес сигарету к губам, затянулся и поглядел на капитана.

— Старожилы,— болезненно скривил он губы.— Я — с конца сорок второго...

— Как это произошло? — спросил Грабарь.

— Как обычно.— Земцов поднял глаза на Грабаря, грустно усмехнулся.— Я не такой уж плохой летчик. Да и ребята у меня были один к одному. Но что сделаешь на «ишачке» против «мессершмитта»? Это же утюг. Да и было нас шестеро, а немцев два десятка...

— Семнадцать, майор,— уточнил Соломеин, не поворачиваясь.— И если бы вы послушались моего совета...

— Помолчи, лейтенант,— оборвал его Земцов. Потом пояснил Грабарю угрюмо: — Он из моей эскадрильи. Перед вылетом предлагал разделиться на две

группы и в зону барражирования подойти на разных эшелонах. Возможно, он и прав...

— Я был прав, майор,— сказал Соломеин.— Если бы вы это сделали, мы не лежали бы в этом бараке.

— Хватит! — прикрикнул Мироненко.— Майору и без тебя не сладко.

Соломеин что-то буркнул и смолк. Видно, это был давний и неразрешимый спор.

Потом Земцов рассказал, что несколько раз пытался бежать, но его ловили. Побывал он во многих лагерях. Особенно плохо пришлось в Доре, где пленные работали в тоннелях. От каменной пыли ничего нельзя было различить уже за два шага. Там он испортил легкие и теперь беспрерывно кашлял.

— Сколько же вам лет? — поинтересовался Грабарь, глядя на его старческое лицо.

— Тридцать два года.

— Тридцать два?

Земцов невесело усмехнулся.

— Не похоже? Здесь все... быстро становятся взрослыми.

На вид Земцову нельзя было дать меньше пятидесяти, лицо было высохшим и сморщенным, как печеное яблоко.

— Страшно не то, что они со мной сделали, а — плен,— проговорил Земцов после молчания.— Я ведь кадровый военный. И — вот...

Он закашлялся. Потом начал с жадным интересом расспрашивать о положении на фронтах, о Москве — он был москвичом, о разгроме немцев под Курском. Грабарь рассказал обо всем, что знал.

Мироненко держался отчужденно и в разговор не вступал. Третий из пленных, Соломеин, так и не поднялся.

— Летают каждый день? — спросил Грабарь.

Земцов кивнул:

— Каждый.

— Вы уже были там?

— Был,— сказал майор.— Мы все там были.

— И не пытались таранить? — спросил Тесленко враждебно.

— Не пытались.

— Храбрый нашелся,— пробурчал Соломеин.— Ду-

мает, ему тут кино.— Он натянул куртку на голову и подвинулся еще дальше к стене.

— Невозможно? — спросил Грабарь.

— Возможно,— неохотно отозвался Земцов.— Некоторые пробовали.

— И что?

— Что, что! — разозлился Земцов.— Попробуйте — узнаете.— Он помолчал, потом объяснил более спокойно: — Немец выбросится с парашютом, а тебя подожгут, только и всего. Да и не так это просто. Они держатся теперь осторожно. Да вы, наверно, видели, что произошло сейчас с Мегелиным...

— Видели,— подтвердил Грабарь.— А бежать?

— Пешком? Далеко не убежишь.

— На самолете.

— С пятнадцатиминутным запасом горючего?

— Да, верно, я забыл.

— А кроме того — вокруг зенитки.

— Понятно.

Тесленко поглядел на него с презрением.

— Зениток испугались!.. Тоже мне...

Земцов окинул его внимательным взглядом.

— Дело не в страхе. Дело в том, что это совершенно бессмысленно. С таким же успехом можно подойти к колючей проволоке и тебя убьют.

— Тогда бросить самолет на какую-нибудь наземную цель! — упрямо мотнул головой Тесленко.

— На наземную? — переспросил Земцов.— На какую? Вокруг ничего нет.

— Ангар, стоянка... мало ли!

— Ты думаешь, немцы дураки? И на стоянке, и возле других служебных помещений, и в ангаре во время полетов находятся десятки пленных, а немцев — один-два человека. Что ж, бросишь ты самолет на пленных?

— Они другого и не заслужили...— угрюмо пробормотал Тесленко.

Земцов крякнул.

— М-да... Чего же заслуживаешь ты?

— Того же самого! — запальчиво сказал сержант.

Земцов пожал плечами и отвернулся. Молчали Мироненко и Соломеин. Грабарь думал. Положение было намного хуже, чем он предполагал вначале. Капитан помрачнел.

— Здесь еще есть наши? — спросил он наконец Земцова.

— Да.

Майор рассказал, что кроме них здесь находятся еще четырнадцать летчиков и несколько десятков техников и механиков. Техники в основном из Югославии, Чехословакии, Франции, хотя есть и несколько русских. За время существования аэродрома погибло девять пилотов, трое из них — при таране.

— Дело — швах,— сказал он и вздохнул с тоской.— Эх!..

ГЛАВА ПЯТАЯ

Барак был кирпичный, метров тридцати длиной. На нарах валялась истертая солома. Окон в бараке не было, потолка — тоже. Под черепичной крышей тускло мерцали две лампочки.

Кроме Грабаря с Тесленко и их новых знакомых в бараке находилось еще несколько человек. Они изредка перебрасывались двумя-тремя фразами на незнакомом языке.

Капитан опустился на отведенные ему нары. Некоторое время он сидел неподвижно. Ему надо было как следует обдумать все увиденное и услышанное.

Для начала нужно как можно основательнее ознакомиться с системой охраны лагеря, с распорядком, с положением пленных. Не сегодня-завтра их тоже пошлют в воздух, и самое главное, что от них требуется,— не дать себя сбить в первых же полетах. Это самое главное....

Машинально перебирая рукой солому, Грабарь наткнулся на что-то твердое и с удивлением увидел маленькую детскую дудочку, вырезанную из ивы. Когда-то он сам мастерил такие же дудочки — давно, в детстве...

Дудочка пережила человека, который спал до него на этом месте.

Грабарь осторожно поднес ее к губам. Несколько необыкновенно чистых, как весенняя капель, звуков упало в черноту барака.

Тесленко вздрогнул, повернулся к капитану. Перестали разговаривать пленные напротив.

Нежные и чуть грустные звуки то тихонько переливались, то превращались в невнятный ропот...

...Каждое утро, едва начинало светать, в Пружанах слышался надтреснутый голос пастушка:

— Тпруськи! Тпруськи!

Вслед за тем на Лысой горе показывалось стадо овец и мечущаяся где-то в самой толчее Кастусева фигура с длинной лозиной в одной руке и жалейкой из ивы — в другой.

Кастусь никогда не идет за стадом или впереди него. Он обязательно где-нибудь в центре разнимает столкнувшихся лбами баранов, отгоняет какую-нибудь настырную овцу от изгороди, чтобы она не перескочила в огород, или поворачивает молоденького буяна, решившего вернуться домой. Лозиной Кастусь никогда не пользуется, она только мешает ему. Но Кастусь то ли не догадывается от нее избавиться, то ли не хочет — кто знает. А так как забияк он просто оттаскивает друг от друга, ухватившись за шерсть или рога, то энергии он расходует раза в четыре больше, чем требуется.

Вид у Кастуся самый нелепый. На нем всегда одни и те же драные, закатанные до колен и заляпанные грязью портки. Рубашка ситцевая, старенькая, на ней нет ни одной пуговицы. Может, Кастусь иногда и заправляет ее в портки, но обычно она развевается на его тощей фигуре, как на огородном пугале. Ходит Кастусь с весны до осени босиком, поэтому его ноги с толстыми пятками грязны и в цыпках.

Кастусь галопом носится среди овечьего стада, пытаясь поспеть везде установить порядок. Ухватив то одного, то другого упирающегося барана, он растаскивает их в разные стороны. Но не успевает он отвернуться, чтобы выручить застрявшего в плетне ягненка, глядь — бараны снова сцепились и только треск несется по улице от ударов. Другой бы огрел их пару раз лозиной, благо она в руке, и дело с концом, но Кастусь думает, что им и без того больно, и жалеет.

Поглядеть на это представление собираются маль-

чишки чуть ли не со всей деревни. Они подают ехидные советы, насмехаются над пастушком, но тот не обращает на них внимания и продолжает заниматься своим делом. Если ему уж очень надоедят, Кастусь грозит лозиной и кричит сердитым пронзительным голосом:

— Пипулька!

Тогда ребятишки оставляют его в покое.

Слово «пипулька» — самое бранное в Кастусевом словаре, состоящем из трех слов: «тпруськи», «куды» и «пипулька». Их хватает ему на все случаи жизни. «Тпруськи» в зависимости от обстоятельств означает или «овцы», или «пошли, пошли». Если нужно перегнать овец с места на место, Кастусь кричит:

— Тпруськи! Тпруськи!

Когда овца или баран начинают слишком проявлять самостоятельность, пастушок говорит:

— Куды, тпруськи!

Что означает слово «пипулька», он и сам не знает, но уверен, что под это определение подходит все плохое в жизни.

Кастусь — немой. Он все слышит и понимает, но говорить не умеет.

Взрослые относятся к нему с безразличием, а ребятишки дразнят и надоедают. Кастусь давно привык и к тому, и к другому. Он считает это в порядке вещей. Он только торопится побыстрее выгнать овец из деревни на Куртовку, где чувствует себя в безопасности. Здесь можно присесть под ольховый или ореховый кустик, посматривать за разбредшимися по выгону овцами и играть на жалейке.

Жалейка у Кастуся неказиста, связана нитками, но он извлекает из нее очень чистые и верные звуки. Иногда его мелодии грустны и жалобны, иногда звонки и прозрачны, как говор лесного родника...

Деревенские, услышав жалейку, говорят:

— Немой дурит.

Восемнадцатый год. Грохот выстрелов в округе, опустевшая деревня, голод, вши. И жалостливый голос матери:

— Загинешь ты тут, Кастусек, обои загинем. Бери,

сынку, торбу, иди в старцы, а я одна как ни то... Божечка, был бы батька...

Батька был на какой-то войне, которая называлась революцией. Он и остался там навсегда.

1920 год. Колония беспризорников в Минске. Добрый доктор Ангон Антонович, который всегда очень смешно сердился и заставлял повторять смешные слова:

— Бабка — села — в — лужу — вьюга — петушком — травка — хотела — ящик.

Свои уроки он всегда заключал одним и тем же выводом:

— Лентяй ты, батюшка.

Двадцать седьмой год. Кастусь — учлет. И однажды летом он снова переступает порог своей хаты.

— Дабрыдзень, мама!

И испуганно-недоверчивое лицо матери:

— Невжо ж это ты, Кастусек?..

Год сорок первый. Лейтенант Грабарь ведет бомбардировщик на запад.

Ночь. Небо похоже на зеленый плексигласовый купол, с северо-запада на юго-восток его широкой полосой прострелили из пулемета. Южную часть пробили из пушки. Там зияет оранжевая дыра миллиметров в триста.

— Командир, через сорок пять секунд — Остер,— говорит штурман.

Пилот медленно поворачивает обтянутую шлемофоном голову влево. Потом так же медленно поворачивает ее вправо.

Он ничего не видит, но говорит:

— Понял.

Он просил штурмана сообщить ему, когда они подойдут к реке.

— Штурман...

— Командир?

— Под нами должна быть деревушка... Домишек с полсотни...

Секундное молчание. Потом голос штурмана:

— Пружаны?
— Да.
— Есть!
— Где? — быстро спрашивает пилот. — Покажите!
— Я о карте, командир, — извиняется тот. — А на земле... на земле — не вижу.
— Посмотрите лучше! В такую лунную ночь должна быть видна.
Несколько секунд в наушниках слышится только треск электрических разрядов. Потом штурман говорит:
— Нет деревни, командир. Только несколько труб торчат.
— А...
— Командир?
Он хочет спросить, может, все же хоть что-то еще уцелело, но только сжимает зубы.
— Нет, ничего. Следите за курсом.
— Есть, командир.
Тяжело работают моторы бомбардировщика, унося машину все дальше на запад. До пилота доносится голос стрелка:
— Уж не родные ли пенаты, командир?
— Да, я здесь родился, — говорит пилот.

Грабарь больше не играл. Он сидел с закрытыми глазами и видел черноту. Одно большое темное безмолвное пятно. Эта пустота, как западней, захлопнула и его мать, и жену, и сынишку, и миллионы других людей. А он так мало успел сделать, чтоб помочь им. Нет, не имеет он права по-глупому растратить свою жизнь. Уж если тратить — то с толком. С пользой для дела...
Обо всем этом думал капитан Грабарь, а Тесленко глядел на него с недоумением, растерянностью и яростью: на дудочке играет!..
— Я гляжу, вам очень весело, капитан...
Грабарь открыл глаза и долгим взглядом посмотрел на Тесленко.
— Мне не весело, сержант, — сказал он, вздохнув. — Совсем не весело...
Тесленко стало неловко. Потоптавшись, он опустил-

ся на нары. Он был в смятении. Почему и Грабарь, и Земцов, и этот Мироненко относятся ко всему происходящему не так, как он?

Раньше его жизнь была простой и ясной, в ней не было никаких сомнений. Он жил в Свердловске, родители его были врачами первой городской больницы. Ваня Тесленко считал профессию родителей самой нужной и интересной и тоже собирался после окончания школы стать врачом. Ему нравилась белоснежная чистота палат, строгий порядок, запах лекарств. Он гордился тем, что его отец и мать возвращают людей к жизни.

Потом началась война. Родители ушли на фронт, и он остался с бабушкой Дарьей, заканчивал школу. Много раз он ходил в военкомат, добиваясь, чтобы и его призвали в армию, потому что война стала самым главным делом, от которого зависело и настоящее, и будущее. Но военком неизменно охлаждал его пыл коротким резким словом:

— Учись.

Он закончил десять классов и стал курсантом.

Он не думал изменять своей мечте. Просто на какое-то время осуществление ее отодвигалось, потому что фронту нужны были летчики, а у него оказалось на редкость крепкое здоровье.

Но в училище его планы изменились. Он полюбил самолеты, небо, беспокойную аэродромную жизнь. И он решил, что раз уж так получилось, надо стать самым лучшим летчиком, смелым и непобедимым. И он старался им стать.

И вдруг после первых же нескольких вылетов — плен.

До сих пор он знал, что хорошо, а что плохо. Между этими понятиями лежала четкая и ясная грань. Сейчас границ не было. Не было меры. Неизвестна цена ни одному поступку...

Раньше он твердо знал, что плен — это плохо, плен — это предательство. В плену оказываются лишь подлые и низкие люди. Лучше смерть, чем плен. Но вот он в плену, в Германии, и все еще жив. И сознание вины — постоянное, угнетающее, страшное, вины неизвестно перед кем и за что,— давило его каждый час, каждую секунду. Он готов был кричать всем и

каждому, что не виноват, не сдавался он в плен, и в то же время знал — нет, виновен, и нет ему прощения, и не будет.

«Предатель, предатель, предатель!» — выстукивало сердце.

С этим нужно было что-то делать. Делать сейчас, а не завтра, не через неделю, не в каком-то отдаленном будущем. Тесленко склонился к капитану, который лежал, закрыв глаза.

— Я пойду на таран в первом же полете, чем бы это ни кончилось,— сказал он.— Ясно? Вот!

Грабарь с усилием приподнял веки.

— Сержант, не торопись принимать окончательных решений,— проговорил он после долгого молчания.— Они всегда плохи уже тем, что окончательные.

— А мне плевать! Вы все умники, а я дурак, только быть мишенью для фашистов я не желаю. И не буду!

Грабарь вздохнул.

— Ты вот говоришь — таран. Допустим, тебе даже удастся совершить его, в чем я сомневаюсь. Допустим и такое, что немец погибнет. Мало вероятно, но допустим. При этом ты погибнешь обязательно. Ты считаешь, что такая цена оправдана?

— А почему бы и нет? — угрюмо сказал Тесленко.

— Я свою жизнь ценю дороже.

— Вы вообще цените ее слишком дорого,— криво усмехнулся сержант.

Грабарь долго не отзывался. Потом пожевал губами и сказал:

— Это верно. Я вынужден ее ценить, потому что она у меня одна, а от нее зависит и еще несколько жизней.

«Ах, как глупо»,— подумал он. Неужели он так ничему и не научил мальчишку? Никак нельзя было допустить, чтобы тот пропал. Ведь и пожить-то не успел, и дела за собой никакого не оставил, и понял еще очень мало. От этого малого понимания и решил, что и смерть — это дело. Но глупая смерть — не дело, это преступление, и за нее надо спрашивать так же строго, как за преступление.

Ему было горько, что сержант не хочет понять его, и на сердце копилась тоска от беды, которая виделась

все ближе, а он не мог ее отвести. Немое детство научило его молчанию, а позже он привык и научился делать дело, которое тоже не требовало многих слов, и хоть сам он понимал все как следует, но передать это свое понимание другим был часто не в силах и страдал от этого. А сейчас ему было совсем плохо. Будь они в полку, он приказал бы: «Делай, как я!» — и точка, а здесь он приказать не мог, да и понимал, что от приказа стало бы еще хуже.

— Капитан, не могли бы вы сыграть еще что-нибудь? — окликнул Земцов.

— Нет,— ответил Грабарь отрывисто.— Не сейчас.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

На следующий день Грабаря и Тесленко вызвали к майору Заукелю.

Майор Заукель был автором и организатором новой системы обучения немецких летчиков. Это был безукоризненно вылощенный фашист, сильный, жестокий и умный. Его эскадрилья превращала в руины Минск, Смоленск и Харьков. За особые заслуги перед рейхом сам Гитлер вручил ему Дубовые листья к Рыцарскому кресту.

Однако Заукель скоро понял, что в бомбардировочной авиации он далеко не продвинется. Он пересел на истребитель. После этого дела его пошли в гору. Он сравнительно быстро дослужился до майора, получил полк. Но прочное положение и безопасное место в глубоком тылу принесли ему не боевые заслуги, а идея новой системы подготовки летчиков.

Система эта была разработана им с особой тщательностью и педантичностью.

— Поставьте человека в зависимость от желудка, дайте ему один шанс из тысячи остаться в живых и посылайте на смерть — он пойдет,— говорил Заукель.

Он ставил человека в зависимость от желудка и давал «шанс».

Кое-кто предлагал сначала, чтобы немецкие курсан-

ты использовали во время учебы фотопулеметы. Заукель категорически отверг это предложение: «Мальчишкам надо дать почувствовать вкус крови».

Он добился того, чего хотел: система начала действовать. Пока в виде эксперимента.

Эсэсовец провел Грабаря и Тесленко в кабинет коменданта. Майор Заукель поднялся навстречу, кивнул на диван:

— Прошу.

Он был высок, строен, светловолос и не стар. Внимательно поглядев на летчиков, подвинул на столе пачку сигарет:

— Курите?

Тесленко демонстративно отвернулся и уставился в стену. Грабарь взял сигарету, прикурил от протянутой майором зажигалки.

— Вы не отказываетесь от сигарет врага? — спросил Заукель, усмехнувшись.

— Зачем же? — вежливо возразил капитан.— Они ничем не отличаются от любых других.

Майор на мгновение задержал на нем взгляд.

— Вы практичны,— проговорил он после непродолжительного молчания.— По крайней мере практичнее вашего коллеги.

Майор Заукель говорил на безукоризненном русском языке, и это заставило Грабаря насторожиться. Он взглянул на презрительно скривившего губы сержанта. Тот, конечно, вел себя глупо, но хорошо, что хоть молчал. Двумя-тремя неделями раньше он не преминул бы обозвать этого фашиста мерзавцем, и кто знает, чем бы это кончилось. В отношении себя Грабарь давно решил, что будет со своими противниками предельно вежливым. Если можно избежать лишних неприятностей такой ценой, то он готов ее уплатить. Жаль, что сержант не хочет этого понять.

— Мой коллега слишком молод,— сказал капитан.

Заукель заложил руку за борт кителя и выпрямился.

— Мне крайне неприятно, что в первый же день своего пребывания на аэродроме вы стали свидетелями прискорбного случая с вашим летчиком,— проговорил

он.— Но такое происходит крайне редко. Мало-мальски опытный пилот ничем не рискует, так как его противником является плохо обученный курсант.

Грабарь приподнял брови. Заукель внимательно поглядел на него.

— Немецкой армии нужны опытные пилоты,— резко сказал он.— Поэтому командование решило создать аэродром, на котором наши пилоты тренировались бы в паре с советскими. Вы находитесь именно на таком аэродроме. Мы не ставим перед собой задачу, чтобы наши пилоты обязательно сбивали ваших. Как вы и сами понимаете, это было бы слишком дорогим удовольствием. Советских машин у нас в обрез, да и те в основном восстановлены из обломков. Летчики тоже не каждый день попадают в плен, особенно сейчас, когда мы отступаем. Наша цель — познакомить перед отправкой на фронт хотя бы несколько десятков молодых летчиков с вашей техникой и тактикой ведения боя.

Он еще раз посмотрел на Грабаря, проверяя, какое впечатление производят на капитана его слова. Майор Заукель всячески старался избегать нежелательных эксцессов, особенно сейчас, пока «дело» его не окрепло и имело немало противников в верхах. Поэтому каждого вновь прибывшего летчика он вызывал к себе, пытаясь определить, чего от него можно ожидать. Трех таранов с него было вполне достаточно. Майору уже намекнули, что после четвертого тарана ему придется продолжить свои эксперименты на восточном фронте.

Немецкая авиация несла на советском фронте катастрофические потери. В училища набирались шестнадцати-семнадцатилетние подростки из гитлерюгенда. После непродолжительного обучения их бросали на фронт. Но та часть из них, которая шла на пополнение лучшей гитлеровской дивизии «Рихтгофен», откомандировывалась сюда, в учебный полк для совершенствования.

— Вас будут прилично — насколько это возможно в военное время — кормить,— продолжал Заукель.— Вы будете вылетать в зону ежедневно всего на десять минут. Это небольшая нагрузка. Советские машины безоружны и заправляются на пятнадцать минут: из расчета на взлет и посадку. Не пытайтесь бежать или

идти на таран: вокруг аэродрома размещена зенитная артиллерия и истребительные части.

Он окинул Грабаря и Тесленко холодным взглядом.

— Наш метод, конечно, не может вызвать вашего одобрения. Но, к сожалению, в последнее время наша авиация несет на советском фронте большие потери. Тут уж не до приличий...

— Что ж, ваш метод продуман очень тщательно,— проговорил Грабарь.

Майор Заукель видел много пленных. Одни из них вели себя вызывающе, другие угрюмо молчали, встречались и такие, что надламывались и становились подобострастными. Но здесь было что-то новое, с чем Заукель еще не сталкивался и в чем предстояло разобраться.

— Давно летаете?

— Давненько, господин майор. Еще до войны молоко начал возить.

— Коммерческий летчик?

— Так точно.

— Награды имеете?

— Так точно, господин майор. Похвальную грамоту за безаварийность.

— А военные?

«У герра Заукеля повышенный интерес к моей особе,— напряженно размышлял капитан,— и это может плохо кончиться... Что ему нужно? Только бы сержант не сорвался. Только бы молчал...»

Он развел руками.

— Не сподобился.

— Как?

— Не заслужил, господин майор.

Тесленко передернуло. Он знал, что капитан лжет.

— Ленивы? Неспособны? Плохо летаете?

Капитан пожал плечами.

— Не каждый, кто хорошо делает свое дело, удостаивается наград.

Грузный, спокойный, медлительный, этот человек даже в арестантской одежде был полон внутреннего достоинства и вызывал невольное уважение. Он не торопился с ответами. Было видно, что, прежде чем что-то сказать, он тщательно взвешивает каждое слово.

— Сколько на вашем счету сбитых самолетов?

— Десять.
— Сколько? — переспросил Заукель.
— Десять,— четко повторил Грабарь.

Тесленко вытаращил на капитана глаза. Как же все это понять? То капитан врет, то вдруг ни с того ни с сего говорит правду, хотя тут и соврать было бы не грешно... Ведь на его счету действительно десять сбитых самолетов, если даже не одиннадцать!

Он поспешно отвел глаза.

— Это не такой уж плохой результат,— пристально глядя на капитана, сказал Заукель.

— Это была моя работа,— пояснил Грабарь.

Заукель усмехнулся.

— А вы дипломат, капитан... Что ж, надеюсь, мы найдем с вами общий язык.

— Я тоже надеюсь, господин майор.

Он говорил спокойно и доброжелательно. Сидевший рядом Тесленко задыхался от бешенства. Дело уже дошло до общего языка!..

— Предатель,— еле слышно процедил он сквозь зубы.

Грабарь повернулся к сержанту с самым дружелюбным видом.

— Думаю, что и мой коллега такого же мнения. Верно, сержант?

В его голосе неожиданно прозвучали те же металлические нотки, как и во время их последнего боя, когда Грабарь выводил сержанта из-под удара. Это был приказ. И с губ Тесленко помимо его воли сорвалось:

— Так точно...

Как ни мимолетна была эта сценка, она не ускользнула от внимательного взгляда Заукеля. Улыбка его исчезла так же мгновенно, как и появилась.

Сержант не представлял для него загадки. Молокосос, ненавидящий сидящего перед ним фашиста, и только. Он фанатик и, как всякий фанатик, быстро загорается, но так же быстро и остывает. Послать против него первый раз опытного летчика, чтобы тот помотал его как следует, и он смирится, ни о каких глупостях думать не будет. Но если рядом находится вот такой любезный и покладистый капитан, то тут еще надо поразмыслить.

Этот капитан умен, хитер, изворотлив. От него можно ожидать чего угодно. Проще всего было бы расстрелять его. С другой стороны, не так уж много здесь советских летчиков, тем более таких, которые воевали бы на последних типах самолетов. А этот, кажется, не из плохих. К тому же он как будто в обиде на то, что его обошли наградами...

Заукель поглядел на сержанта. Конечно, не будь рядом капитана, тот не произнес бы ничего подобного даже под дулом пистолета. Ясно, что капитан умеет подчинять себе людей. Но тут не только это. Видимо, капитана очень тревожит судьба мальчишки, и этим его можно будет держать в руках...

Майор поднялся.

— Можете идти,— сказал он.— И постарайтесь не делать глупостей, чтобы не нарваться на неприятности. Иначе,— глаза его стали жесткими и холодными,— вас не просто расстреляют. С вас с живых снимут кожу.

— Понятно,— сказал капитан, ни секунды не сомневаясь, что так оно и будет.

Заукель проводил взглядом летчиков, прислушиваясь к своему внутреннему голосу, который всегда подсказывал ему безошибочные решения. На этот раз голос молчал. Заукель пожал плечами.

— Посмотрим...

Когда летчики вышли от коменданта, Грабарь на секунду прислонился к стене и закрыл глаза. Он понимал, что оба они с Тесленко были на волосок от гибели.

— Лос! — крикнул эсэсовец.

Грабарь качнулся и медленно пошел к бараку...

2

Тесленко так и не понял, что произошло в кабинете Заукеля.

Вернувшись в барак, Грабарь тяжело опустился на нары и привалился к стене. Тесленко вызывающе проговорил:

— Вы неплохо спелись с господином Заукелем, капитан.

— Да... очень неплохо,— не открывая глаз, сказал Грабарь.

В его голосе прозвучала смертельная усталость.

Тесленко взглянул на него с недоумением. У него даже шевельнулось нечто вроде сочувствия, но он тотчас вспомнил, как вел себя Грабарь у коменданта, и лицо его замкнулось.

«Если бы хоть на минутку увидеть Алешку,— с тоской подумал Грабарь.— Кажется, мне стало бы легче».

Последний раз он видел его в июне сорок первого. Они тогда ходили на луг за Двину, собирали цветы. Пробыли почти весь день. И не заметили, как на западе нахмурилось небо. Шумнул в камышах ветер, и они зашептались оживленно и весело, вразнобой покачивая головками. По лугу пробежала ковыльная волна. Где-то за рекой заржала лошадь. Долетели приглушенные голоса: о чем-то спорили табунщики.

Вдруг на газету, которую Грабарь держал в руках, упал звонкий шарик.

— Дождь, дождь! — захлопал в ладоши Алешка.

Тяжелая длинная рука тучи протянулась к солнцу, обожглась и отступила, вытянулась еще раз и решительно закрыла его; небо ахнуло раскатисто; осколки посыпались за вспенившуюся Двину.

Весело смеясь, они побежали под дождем к мосту. Промокли насквозь, но им было очень хорошо. Они собирались пойти на луг и на следующий день...

К Грабарю подошел Земцов.

— Ну как, капитан, познакомились с Заукелем? — спросил он, опускаясь рядом на нары.

В последние два дня майор сильно сдал. Глаза провалились, на щеках выступили лихорадочные пятна. Он кашлял почти беспрерывно, и на тряпице, которой прикрывал рот, то и дело появлялись красные пятна.

— Д-да... познакомился...— Глядя на Земцова, Грабарь с грустью подумал, что долго тому не протянуть.

— И как впечатление?

Грабарь коротко рассказал о встрече.

— Сомнительно, правда, чтобы все это было затеяно ради плохо обученных курсантов...

— Не стоит сомневаться,— возразил Земцов.— Так оно на самом деле и есть.

Капитан покачал головой.

— Ведь тут не больше десятка советских самолетов. Разве можно пропустить через такой аэродром много курсантов?

— Даже если они пропустят несколько десятков — это не так уж мало,— сказал Земцов.— Логика тут простая. Вспомни свою первую встречу в воздухе с немцами: наверняка чувствовал себя как рыба, выброшенная на берег. А летчик, проведший два-три так называемых боя с настоящим, хоть и безоружным противником, уже не новичок. У кого больше шансов победить: у того, кто имеет представление о враге и его возможностях, или у того, кто встретился с ним впервые?

— Да-а... пожалуй, логика тут есть,— сказал Грабарь.— Звериная.

— Фашистская. А сейчас, когда фронты у них трещат по всем швам, они хватаются за все, лишь бы оттянуть расплату.

— Ну, вряд ли это им поможет.

— Помочь не поможет. Но то, что мы своими руками угробим немало наших парней — в этом же нет никакого сомнения,— угрюмо возразил Земцов.— Несколько десятков хорошо подготовленных головорезов натворят немало бед...

Он хотел сказать еще что-то, но не успел. Страшный судорожный кашель вырвался из груди, сотрясая все тело. Несколько минут майор не мог с ним справиться. С трудом отдышался и вытер с лица пот.

— Ч-черт...— пробормотал он.— Совсем замучил...

Он приложил тряпицу к губам и некоторое время сидел неподвижно. Потом откинулся к стене. Заметив на пальцах кровь, быстро взглянул на Грабаря, нахмурился, смял тряпицу и сунул в карман.

— Вы давно знакомы с сержантом? — спросил он после.

— Чуть больше месяца.

Тесленко, подошедший было поправить солому на своих нарах, нахмурился и ушел в другой конец барака.

— Поругались, что ли? — спросил Земцов капитана.— Что-то он все косится.

— Да не то чтобы поругались...

— Славный паренек. Только слишком горячий и необкатанный. Вы последите за ним, тут недолго до беды... Среди пленных есть провокатор...

— Откуда вам это известно?

— Герр Заукель несколько раз узнавал о том, о чем ему знать не следовало бы. Если вы решите... Короче говоря, не всем здесь доверяйте. А еще лучше — выясните, кто это такой.

— Это приказ?

— Нет. Совет. Дружеский совет.

— Спасибо.

— Не за что. И еще. Запомните: Заукель расстреливает плохих летчиков. Ему нужно, чтобы машины, которых у него не так уж много, служили как можно дольше. И хороших летчиков он тоже расстреливает, если у него возникнет хоть тень подозрения, что они способны пойти на таран.

— Деловой человек.

— Вот именно. Тот разговор был проверкой на благонадежность. Вы ее прошли. Но не слишком обольщайтесь: за вами будут постоянно следить и на земле, и в воздухе. Заукель не только опытный летчик, но и не дурак. Обмануть его трудно.

— Почему вы не предупредили меня раньше?

Земцов с досадой поморщился.

— Скажем так: обстоятельства резко изменились.

— Какие?

— Капитан, я вам не обязан об этом докладывать! — резко сказал Земцов. — Я мог бы и вообще вам ничего не говорить. Понятно?

— Да. Простите, майор.

Грабарь понял, что большего он от Земцова не добьется, и прекратил расспросы. Они посидели еще немного. Потом Земцов попросил:

— Вы не могли бы мне сыграть что-нибудь? «Рябину», например?

— Пожалуйста, — сказал Грабарь.

Он взял дудочку и тихонько заиграл. Земцов сидел неподвижно, с закрытыми глазами. Потом резко поднялся и, держась за грудь руками, отошел.

Грабарь долго смотрел ему вслед.

«Что это значит? — думал он. — Неужели они готовят побег? Невозможно. А вдруг?»

На какое-то время он забыл даже о Заукеле. «Земцов, видимо, прощупывает меня, — размышлял он. — Что ж... Не надо только торопиться, чтобы не испортить дело...»

Значит, он не один. Значит, несмотря ни на что, до сих пор он действовал правильно.

И все-таки какая-то смутная, неосознанная тревога не покидала его. Как будто он что-то не учел, не сделал или сделал не так, как следовало. А вот что — он не мог понять.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Это случилось в тот же день около пяти вечера. Дверь барака открылась, и вошедший эсэсовец резко выкрикнул:

— Заключенный двадцать пять! На аэродром!

«Заключенным номер двадцать пять» был сержант Тесленко.

Грабарь вздрогнул. «Вот оно...— В груди капитана словно что-то оборвалось. — Вот...» Он не ожидал, что кого-нибудь из них вызовут на полеты именно сегодня. Он считал, что у них есть в запасе хоть немного времени.

Грабарю во что бы то ни стало нужно было как следует поговорить с сержантом. Добиться, чтобы тот, наконец, взглянул на окружающее трезвыми глазами и действовал не очертя голову, а осторожно и расчетливо. Грабарь решил подождать до завтра, надеясь, что сержант к тому времени немного успокоится и говорить с ним станет проще. Ведь после встречи с Заукелем парнишка вообще слушать ничего не хочет.

Вот и дождался...

«Неужели — все? Неужели — конец? — лихорадочно спрашивал себя капитан, вскочив с нар. — Надо что-то сделать... сказать ему...»

Он шагнул к поднявшемуся с нар Тесленко.

— Сержант... прошу тебя, будь осторожен. Не надо никаких таранов, не надо лезть на рожон. Потерпи... Вернешься, и тогда мы...

Жалкие слова!

Тесленко взглянул на него, криво усмехнулся и, не дослушав, пошел к двери. Грабарь опустился на нары. Руки его дрожали.

«Не так! Не то! Не о том!» — думал он со злостью на себя, с болью за сержанта, с ненавистью ко всему окружающему. Зачем он отложил разговор? Почему не рассказал Тесленко о том, что услышал от Земцова и что сам понял при встрече с Заукелем? Почему сейчас не сказал, что готовится побег? Вот что подбодрило бы сержанта! Пусть он не знает наверняка, готовится побег или нет, но именно это надо было сказать в первую очередь...

Он ударил себя сжатым кулаком по колену. Ах, как глупо! Бог знает что сейчас натворит мальчишка в таком состоянии. А он, капитан Грабарь, вместо того чтобы помочь ему, нес какую-то чушь. Ведь можно было, наконец, даже пойти вместо него в этот полет. Кто бы стал разбираться...

Капитан выскочил из барака. Тесленко вместе с эсэсовцем был уже за колючей проволокой.

2

Может быть, бешенство, охватившее сержанта после встречи с Заукелем, и спасло ему жизнь, несмотря на то что он наделал слишком много глупостей. Увидев идущий наперерез немецкий самолет, Тесленко сразу же попытался таранить его. Стремление во что бы то ни стало разделаться с врагом было настолько велико, что он ни на что не обращал внимания. Единственным преимуществом сержанта было то, что он непрерывно атаковал, но его атаки были настолько непродуманы и неосторожны, что в любой момент могли привести к гибели самого Тесленко.

Грабарь следил за действиями сержанта со все возрастающей тревогой. Дважды тот оказывался в положении, когда немецкому летчику стоило лишь чуть довернуть машину, чтобы Тесленко оказался под ударом. Один раз сержант, бросившись на противника, просчитался и явно оказался в прицеле. Грабарь застонал. Но немец то ли не заметил сержанта, то ли не успел дать очередь.

— Мальчишка! Щенок! — бормотал Грабарь, глядя

на то, что вытворяет Тесленко. — В куклы ему играть, а не в машине сидеть!

Как ни странно, Тесленко удалось благополучно посадить машину.

Улетал он настроенным даже слишком агрессивно. А вернулся совершенно подавленным и ко всему равнодушным. Он вошел в барак, бросился на нары и уставился в потолок пустым взглядом. У него больше не было никаких желаний, а это самое страшное, что могло случиться с человеком в их положении. Грабарь видел, что если его сейчас не встряхнуть, не заставить поверить в свои силы, то следующий вылет для сержанта будет последним. Если не стал последним этот...

Он еще раз взглянул на Тесленко и тут понял, почему его так волнует судьба сержанта. Нет, не потому, что он, Грабарь, в чем-то перед ним виноват. Это был его Алешка, такой же ершистый, упрямый и непослушный мальчишка, только повзрослевший и сильно изменившийся. Это был тот мир, которого он, Грабарь, возможно, никогда не узнает в своем сыне. Это была тоска по будущему, которое может не состояться.

То, что война отняла у него, она же дала ему в образе этого восемнадцатилетнего сержанта.

Он сел на нары рядом с Тесленко и несколько минут молча глядел на него. Потом вытащил две соломинки.

— Вот это — ты. А это — «Ме-109». Посмотри, как это было.

Соломинки гонялись друг за другом, кувыркались, метались из стороны в сторону. Трижды одна соломинка пыталась таранить другую, и все неудачно. И, наконец, она прошла перед носом соломинки-«мессершмитта» почти вплотную.

— Огонь! — сказал капитан, и соломинка «Ла-5» полетела вниз.

Тесленко глядел на все это совершенно безразличными глазами. Его это не интересовало. Грабарь с досадой крякнул.

— Ты заметил, что немец упорно оттягивал тебя на высоты, больше шести тысяч метров? — спросил он после молчания.

— Заметил, — неохотно сказал Тесленко.

— Максимальная скорость у «Ла-5» шестьсот сорок восемь километров, а у «Ме-109» — шестьсот пятьдесят. Как видишь, разница незначительная. Но все дело в том, что разница эта незначительна только на первый взгляд. Максимальную скорость «мессершмитт» развивает только на высоте семи тысяч метров. «Ла-5» — на высоте шести тысяч. До высоты шести тысяч «Ла-5» имеет полное преимущество в скороподъемности, во времени виража, в вертикальном маневре. Высоту пять тысяч метров он набирает за четыре минуты сорок пять секунд, а «Ме-109» — за пять минут двадцать секунд. Время виража у «Ла-5» восемнадцать с половиной секунд, а у «Ме-109» — двадцать три. Но стоит обоим оказаться на высоте восьми—восьми с половиной тысяч метров, как положение резко меняется. Скорость обоих истребителей падает, но у «Ла-5» она падает раза в два, а то и в три стремительнее. Снижается маневренность. Машина начинает рыскать по курсу, теряет поперечную устойчивость. Ты этого не учел и позволил себя затащить на семь тысяч метров, правда, ненадолго, но позволил. А ведь от тебя зависело — лезть туда, где ты, по существу, беспомощен, или нет. Так что если в будущем захочешь пойти на таран, учти это.

Тесленко приподнялся и сел.

— Как вы сказали? — спросил он.

Грабарь повторил.

— Значит, таранить его все-таки можно?

— Можно.

Грабарь посмотрел вдоль барака, туда, где на нарах лежал Земцов.

— Но не нужно. — Он повернулся к Тесленко. — Гляди сюда!

Снова в полутьме над нарами летали две соломинки. Повторялся все тот же бой. Все было, как и раньше. Лишь трижды соломинка-«Ла-5» сделала на первый взгляд незначительный маневр. И в результате неизменно оказывалась в хвосте у немца.

Тесленко вопросительно взглянул на капитана. Тот кивнул.

— То же будет и на больших высотах. Надо быть только очень внимательным и ни в коем случае не

дергать машину, даже если кажется, что положение безнадежное. Этот маневр всегда даст выигрыш в полторы-две секунды. Но надо неотступно следить за немцем, когда он оторвется и уйдет на высоту, потому что на пикировании он может догнать.

Все это сержант должен был знать еще с училища, но капитан не стал его упрекать, понимая, как трудно было Тесленко трезво оценивать обстановку, когда он оказался перед вооруженным противником на беззащитном самолете.

— Теперь о «фокке-вульфе»,— сказал он.— Возможно, нам и с ним придется встретиться. Так вот, скорость тот имеет небольшую — шестьсот километров. Машина это тяжелая и неповоротливая — вираж занимает почти двадцать четыре секунды, а время подъема на высоту пяти тысяч — почти семь минут. Но обольщаться этим нельзя. Если «мессершмитт» имеет одну пушку и один пулемет, то «фокке-вульф» — четыре пушки и два пулемета. Это значит, что стоит попасть к нему в прицел хоть на секунду, и он сделает из тебя решето.

— Но ведь...

— Нам важно продержаться, выиграть время, — перебил капитан. — Не дать себя убить.

— Для чего?

— Для продолжения войны. С пленом война для солдата не кончается. Она кончается только со смертью. А нам еще нужно вырваться отсюда.

Тесленко быстро взглянул на него, но ничего не спросил.

— Покажите еще раз! — хмуро сказал он. Он выдернул из-под себя пучок соломы и протянул капитану. — Только помедленней...

3

Капитан должен был вылететь в девять утра. За ним пришел эсэсовец, угрюмый и настолько высокий, что даже капитан, рост которого был метр восемьдесят три, казался рядом с ним подростком.

— До свидания, — сказал Грабарь сержанту. — Следи за полетом.

Тесленко кивнул.

Эсэсовец вывел капитана за колючую проволоку, и они пошли к дубовой рощице. Грабарь внимательно смотрел по сторонам. Колючая проволока. Вышки. Часовые и черные стволы пулеметов. Рощица была маленькая и просвечивала насквозь. За ней начиналось поле, но между рощицей и полем проходил еще ряд проволоки, которая окружала всю территорию лагеря и аэродрома.

Возле рощицы стояло одиннадцать советских истребителей «Ла-5». Они находились в открытых капонирах, только последняя машина стояла на поверхности — капонир еще не успели вырыть. Эсэсовец подвел Грабаря к предпоследней машине.

На фюзеляже истребителя, на котором ему предстояло лететь, стояла цифра «30». Звезды на плоскостях не были закрашены — видимо, чтобы немецкие летчики чувствовали перед собой настоящего противника.

Возле самолетов находился начальник охраны лагеря обер-лейтенант Бергер и несколько механиков. Бергер взглянул на часы и крикнул:

— Шнель!

Грабарь поднялся на крыло и перекинул ногу в кабину. На сиденье вместо парашюта был брошен твердый, как фанера, войлок.

Капитан не волновался. Правда, пока шел, какой-то неприятный холодок подкатывался к сердцу. Но в кабине он был в привычной обстановке, на рабочем месте. Он знал, что его ожидает, знал, с кем имеет дело и на что может рассчитывать.

В кабину упал брошенный снаружи шлемофон. Грабарь натянул его и включился в бортовую сеть. Ноги стали на педали. Пальцы привычно обхватили ручку управления. Грабарь невольно потянулся к гашетке и усмехнулся: уж что-что, а это немцы не забыли...

Он закрыл фонарь, сдвинул сектор газа и включил зажигание. Самолет вздрогнул, ожил. Грабарь почувствовал, как сильно он рвется с места.

Бергер махнул рукой, капитан прибавил газ и отпустил тормоза. Машина побежала по полю, подпрыгивая на неровностях.

В начале взлетной полосы капитан остановился и посмотрел вверх. Немца пока не было видно.

— Форвертс! — услышал он вдруг, оглянулся и потом уже понял, что голос идет из наушников.

— Ну, мне торопиться некуда, — сказал он себе, приглядываясь к полосе.

Самолет нетерпеливо подрагивал, но капитан ждал. Наконец он увидел идущий сзади самолет. Сигарообразное тело, короткие крылья — «фокке-вульф».

— Тем лучше,— пробормотал он.

— Форвертс! — снова пролаял голос в наушниках.

«Убирайся к чертям», — мысленно сказал ему Грабарь, напряженно следя за приближающейся машиной.

«Фокке-вульф» подошел к аэродрому. В этот момент капитан отпустил тормоза. Земля побежала под плоскости, сливаясь в серые полосы, потом мелкая тряска прекратилась, и «Ла-5» завис на воздушной подушке.

«Фокке-вульф», как Грабарь и рассчитывал, обогнал его на взлете, когда он уже начал набирать скорость. Капитан выдержал несколько секунд машину в горизонтальном положении и сразу пристроился к немцу сзади.

Он развернул свою машину одновременно с «фокке-вульфом», прошел над ангаром и только после этого отвалил. Немец развернулся и стремительно пошел на сближение. Несколько белых трасс распороли небо.

Началось...

Капитан не стал раздумывать. Он был уверен, что здесь, сейчас его противник не станет рисковать. Да немцу к тому же наверняка разъяснили, чем грозит лобовая атака.

Капитан довернул машину и пошел на немца, держась чуть ниже, чтобы в случае, если противник начнет стрелять, нырнуть под него или уйти в сторону.

Немец выпустил короткую очередь и шарахнулся вправо.

— Вот-вот, ты прав, эти мишени кусаются, — пробормотал капитан. — Ну-ка, катись!

Он сделал горку и кинулся на немца сзади.

Несмотря на большой перерыв в полетах, несмотря на истощение и на то, что еще побаливали ребра, капитан отлично чувствовал машину. Будь у него сейчас патроны да побольше горючего, он мог бы устроить майору Заукелю такое представление, что у того

надолго пропала бы охота к подобным экспериментам.

Но горючего и патронов не было.

— Глупо,— пробормотал Грабарь.— Только и не хватало раскрывать свои карты перед противником.

Он отошел от немца. Он продолжал полет, создавая у противника иллюзию, будто тот успешно атакует его, хотя все время держался в таком положении, что мгновенно мог из атакуемого превратиться в атакующего. Он отлично знал машину и использовал все ее преимущества.

Любая случайность — отказ мотора, падение давления масла в маслопроводах — могла стоить ему жизни. Но он упорно добивался своей цели.

Он хотел создать у противника впечатление, что с трудом уходит из зоны огня. Одновременно он искал наиболее простые и безопасные способы вывода машины из-под удара. То, что противник летает не слишком хорошо, Грабарь понял сразу, и это дало ему еще большую возможность экспериментировать.

Он пробовал отрываться от немца резкими разворотами в стороны с одновременным пикированием или кабрированием, отворотом на солнце, выходом в хвост на петле. Все это годилось. После его ухода на солнце немец вообще потерял капитана и беспомощно кружился над аэродромом, не зная, где противник. Грабарь не удержался и, пользуясь преимуществом в высоте, бросил свой самолет почти вертикально. Немец заметил его в самый последний момент и метнулся в сторону, едва не сорвавшись в штопор.

— Ага! — сказал капитан, выводя машину в горизонтальный полет.

Видно, немец сильно разозлился. Развернувшись, он пошел в атаку, полосуя из пушек небо почти непрерывно. Трассы хлестали то впереди Грабаря, то сверху, то снизу. И хотя капитан успевал увернуться, положение создалось очень опасное. Зная, что немец обязательно отстанет на вертикали, капитан свечой бросил свою машину вверх.

— Цурюк! — раздалось в наушниках.

Немец отвалил на восток. Капитан пошел на посадку.

Все тот же эсэсовец отвел его в лагерь.

4

Капитан медленно переставлял ноги. Сейчас, когда напряжение схлынуло, он чувствовал себя сильно уставшим. Это только в кабине казалось, что полет проходит легко. Но загнанное вглубь сознание, что он совершенно безоружен, что он служит интересам врага, что он должен заставлять себя мириться с этим, ни на секунду не приостанавливало своей разрушительной работы.

Во время полета он не думал о Тесленко. Но в его сознание намертво врубились слова Земцова: «Заукель расстреливает хороших летчиков, если у него возникнет хоть тень подозрения, что они способны пойти на таран». Последние сутки он жил под тяжестью этого приговора. Понял или не понял Заукель, что сержант шел на таран?

Он не знал, увидит ли сержанта, вернувшись из полета.

Тесленко ожидал его у ворот. Было видно, что он сильно переволновался, хотя и старался казаться равнодушным.

Грабарь глубоко вздохнул.

— Вы здорово водили его за нос, — сказал Тесленко, хмурясь.

Капитан внимательно поглядел на него. «Кажется, он понял, — подумал он. — Ей-богу, понял! Молодец!»

— Я старался выяснить, на что они способны, — сдержанно пояснил Грабарь.— Ведь это только начало.

— Вы очень рисковали...

— Нет, — возразил капитан. — Риск был небольшой... На первый случай тебе три совета. Начинай разбег, как только немец окажется над сломанной опорой за аэродромом. Больше на него можешь не обращать внимания: ты выйдешь ему в хвост где-то на линии «конец рощи — стог». В любом затруднительном случае уходи на солнце. И последний: держись к немцу как можно ближе. Где угодно возле него, хоть перед самым носом, но только как можно ближе. Тогда, вместо того чтобы прицелиться, у него будет только одна забота: как бы от тебя отвязаться.

— Но зачем вы сами все время уходили в сторону? — спросил Тесленко.

— Пытался выяснить возможности «фокке-вульфа», — сказал Грабарь. — Тебе делать этого не советую: у него очень плотный огонь, даже небольшая ошибка может стоить жизни. К тому же эти самолеты, видимо, сильно модернизированы по сравнению с теми, с которыми я встречался раньше: на вираже этот почти не отставал от меня. Я не знаю, в чем здесь дело, но разница не превышает двух секунд. Да и то нужно прилагать все усилия. Но на вертикалях этот самолет ведет себя, как утюг. На вертикалях обставить его почти ничего не стоит. Учти это.

Он хотел, чтобы у Тесленко хоть на первых порах было преимущество. Сержанту нужно было дать время освоиться с их новым положением, помочь продержаться.

Он потер ладонью лоб.

— Да, вот еще что, — вспомнил он. — Немцы, сами того не зная, дали нам еще один козырь. Наши машины полупустые, поэтому значительно легче немецких. А это — дополнительная скорость и маневр.

Тесленко кивнул.

— Понял.

Капитан видел, что мальчишка превращается в мужчину. Но ломка шла трудно и болезненно.

— Главное — не теряй голову, не дай себя сбить, жди.

— Программа-минимум...

— Хорошо хоть она есть.

Тесленко помялся, потом вытащил из кармана сигаретку.

— Вот... у ребят выпросил.

Грабарь кивнул и разделил сигаретку пополам. Они закурили.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Надежда Грабаря сблизиться с майором Земцовым исчезла так же быстро, как и появилась.

Вечером майора вызвали на полеты. Тот поднялся, шагнул за эсэсовцем. Потом остановился в нереши-

тельности посреди барака, потер лоб, будто силясь что-то вспомнить. Несколько секунд он стоял неподвижно, наконец его взгляд задержался на Тесленко.

— Ты хотел узнать... — проговорил он, но сразу же оборвал фразу. — Впрочем, это неважно. — Он подошел к Грабарю и торопливо, словно смущаясь, сунул ему руку: — Прощайте, капитан!

Это было настолько неожиданно, что Грабарь не вдруг сообразил, чего Земцов от него хочет. Он замешкался, неловко притронулся к его руке, но Земцов уже повернулся, и капитан сказал ему в спину, с опозданием:

— До свидания, майор! Будьте осторожны!

Тот не оглянулся.

— Что это с ним? — спросил Тесленко с недоумением.

— Не знаю. Что-то он не в себе.

Грабарь проводил Земцова тревожным взглядом, шагнул было вслед, но потом остановился. Что, собственно, случилось? Земцов вел себя необычно, странно попрощался? Так в их положении это и не удивительно, все нервничают перед полетами...

Капитан опустился на нары. Но какое-то смутное беспокойство не оставляло его.

Спустя несколько минут после ухода майора Грабарь поднялся и направился к двери. Вслед за ним шагнул и Тесленко.

Все эти дни стояла теплая безоблачная погода. И сейчас на небе не было ни облачка, вокруг не шевелилась ни одна травинка. Не слышно было шума, лязга железа в ангаре, грохота моторов. Все вокруг словно замерло.

Грабарь остановился за бараком, прижмурил глаза и вдруг с болезненной отчетливостью увидел себя за околицей Пружан на родной Могилевщине. Коровы уже пришли в деревню, их загнали в хлевы, и хозяйки закончили дойку. После этого в деревне, на полях наступает удивительная, ни с чем не сравнимая тишина. В эти несколько минут не слышно ни звука Родькиной берестяной трубы, ни мычания коров, ни говора, ни звона ведер у колодцев, ни стука топора. Коровы удовлетворенно посапывают и ждут, когда их напоят, женщины цедят в хатах молоко, ребятишки вертят-

ся здесь же, мужики подстилают на ночь скоту солому... Это были удивительно покойные несколько минут счастья, заканчивавшиеся обычно переливчатой руладой берестяной трубы пастуха, как бы подводившей итог трудовому дню.

Зачихал мотор.

Грабарь вздрогнул, открыл глаза. Слева, из-за рощи, ломая тишину, выполз самолет. Покачиваясь, он побежал к началу взлетной полосы. Мотор взвыл на самых высоких оборотах. Звук стал оглушительным и вдруг начал оседать, как всегда бывает перед стартом, когда кажется, что он вот-вот оборвется, не выдержав собственного напряжения. Машина сначала медленно, потом все увеличивая скорость, пошла на взлет.

Переход от одного видения к другому отозвался в груди капитана гнетущей болезненной тоской. Как давно то было! И как неправдоподобно по сравнению с тем, что его окружает сейчас!

— Товарищ капитан, смотрите, он ушел раньше!— проговорил Тесленко.

Действительно, немецкого самолета еще не было видно, а Земцов уже взмыл в небо и, набирая скорость, прошелся над аэродромом. Вслед за тем он сделал горку и полез вверх. Машина со звоном ввинтилась в голубизну.

Над аэродромом появился «мессершмитт».

Ни Грабарь, ни Тесленко не ожидали того, что произошло буквально в следующую секунду.

«Мессершмитт» пронесся над советской машиной и вдруг, почти перерезанный надвое, сложился и полетел вниз.

— Таран! — ахнул Тесленко.

Это был действительно таран. Невероятный и неожиданный. Земцов сделал горку под фюзеляжем немецкой машины, и все было кончено.

В небе вспыхнуло белое облачко парашюта — выбросился немец.

Обе машины упали за аэродромом.

Громом отозвались два взрыва, и снова над землей нависла тишина.

Кроме того что смерть оборвала жизнь человека, она оборвала и единственную ниточку, которая, как

считал Грабарь, могла стать спасительной для него и сержанта.

Он пытался понять, почему Земцов пошел на таран. Случайность? Нет, это не могло быть случайностью. Машину направила вверх твердая и расчетливая рука, выбравшая единственно подходящее мгновение. Может, Земцов сделал это потому, что неожиданно ему стало плохо? Он был сильно болен. Он мог почувствовать, что не выдержит полета, не сможет посадить машину...

Грабарь до мельчайших подробностей вспомнил разговор с Земцовым после возвращения от Заукеля.

Да, Земцов все решил уже тогда. Недаром он предупреждал его, Грабаря, недаром так странно попрощался сегодня. Положение майора было безнадежным. Он знал, что в любой день может лечь и больше не встать. И он сделал то, что еще мог сделать.

Тесленко стоял бледный.

— Товарищ капитан... что же это?— ошеломленно спросил он, глядя на горящие вдали обломки.

Капитан повернулся к нему.

— Ты хотел видеть, что такое таран. Ты видел его, — сказал он.

2

В этот вечер разговор у них получился как-то сам собой, без всяких усилий, и уснули они далеко за полночь. Уже перед сном сержант спросил:

— Товарищ капитан, но зачем вы так... у Заукеля? Ведь я не знал, что и думать...

— А ты как хотел? Чтобы я на стенку лез?

— Все ж таки...

— Эх, сержант, — проговорил Грабарь. — Плюнуть врагу в лицо и после этого умереть, может быть, и красиво, но глупо. Умереть должен враг. А для этого нам необходимо жить.

Капитан уже говорил это сержанту не раз и не два. Но тогда его слова проскальзывали мимо сознания Тесленко. Он просто отмахивался от них. Врага надо презирать, перед ним нельзя склонять голову — вот что твердо знал сержант. Но капитан показывал ему, что можно быть внешне покорным — и остаться непреклонным.

— Умереть — не самое трудное, — задумчиво проговорил Грабарь. — Иногда это даже заманчиво. А вот чтобы жить, нужно много решимости. И большое мужество.

Тесленко опустил голову.

В то время как он шарахался из стороны в сторону, делал глупость за глупостью, капитан воевал. И это была не выдуманная война, а настоящая, война беспощадная, где для победы требуется жертвовать неизмеримо большим, чем сама жизнь.

Хуже смерти — находиться в стороне от общего дела, быть невольным орудием в руках врага, когда сам не можешь определить ту грань, которая отделяет жертву ради большой цели от желания выжить любой ценой... Самый простой выход — покончить с этим раз и навсегда, сделать так, как сделал Земцов. Но у Земцова не было другого выхода, у него не осталось сил ни на что, кроме одного последнего рывка. У них, у капитана и сержанта, есть силы и есть большой счет к врагу, который должен быть оплачен. Ради этого нужно стерпеть все.

Он поднял глаза на капитана.

— Я наделал немало глупостей, товарищ капитан,— проговорил он наконец.— Больше этого не будет.

Грабарь внимательно поглядел на него и кивнул. Он глубоко вздохнул, словно свалил с плеч непосильную тяжесть.

Еще один бой капитаном был выигран. Он считал — самый важный.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Пленные притихли, с тревогой выжидая, чем кончится для них таран Земцова. Полеты в этот день были отменены. Утром летчиков выстроили перед бараком, и Заукель пригрозил, что при повторении подобного случая он прикажет расстрелять каждого второго. На этом все как будто кончилось.

Такое поведение коменданта удивило пленных. Но

удивляться было нечему. То, что это был таран, Заукель понял сразу. Но он понял и другое: таран может обернуться для него восточным фронтом.

Потеря машины была поставлена в вину курсанту, который и сам не отрицал, что самолеты столкнулись из-за его ошибки в пилотировании. Но это было слабым утешением для Заукеля. Семашкевич, Зарудный, Крапивин, теперь — Земцов... Четыре тарана. Кто следующий?

Майор вызвал к себе Грабаря.

— Садитесь, капитан, — кивнул он, как только Грабарь переступил порог кабинета. Он подвинул сигареты. — Курите.

— Благодарю.

Капитан закурил, поглядел на сидящего у окна Бергера и перевел взгляд на майора. «Герр Заукель не в духе», — отметил он про себя.

Тот хмуро взглянул на капитана.

— Я наблюдал за вашим полетом, капитан, — проговорил он. — Вы летаете мастерски.

— Благодарю за комплимент.

— Это не комплимент.

Заукель похлопал по карманам. Бергер подскочил к столу, протянул зажигалку.

Капитан выжидательно молчал.

— Любопытно, как бы вы поступили, окажись у вас достаточный запас горючего и патронов? — спросил Заукель, прикуривая.

— Не думал об этом, господин майор.

— А вы подумайте.

— Вы намерены дать мне и то, и другое?

Заукель быстро взглянул на него.

— Не намерен. Почему Земцов пошел на таран? — спросил он неожиданно.

Капитан покачал головой.

— Этого я не знаю.

— Вы тоже считаете, что это был таран?

Грабарь посмотрел на него внимательно. «Чего он добивается?»

— Да.

Бергер подался вперед и начал напряженно прислушиваться. Он плохо понимал русский, но все же кое-что улавливал. Заметив его интерес, Заукель на-

хмурился. Он вовсе не желал посвящать в это дело Бергера. Он заговорил быстрее:

— Вы знали о его подготовке?

— К тарану ведь не нужно готовиться, господин майор...

— Но вы знали о намерении Земцова?

— Нет.

— Ведь вы с Земцовым были друзьями?

— Нет.

Глаза Заукеля стали ледяными.

— У меня более точные сведения, — сказал он. — О чем вы позавчера разговаривали с ним?

— О положении на фронтах.

— Да? Откуда вам известно положение на фронтах?

— Я рассказывал ему о том положении, которое было полтора месяца назад. То положение мне известно.

— И как вы его оцениваете?

— Для вас оно было неблагоприятно.

— И Земцов решил пойти на таран, чтобы сделать его еще более неблагоприятным? — прищурился Заукель.

Капитан пожал плечами.

— Это мне неизвестно. О таране не было сказано ни слова.

— А вы сами не собираетесь проделать нечто подобное?

— Нет.

— Но судя по вашему полету...

— ...я мог бы проделать это не меньше десятка раз.

— Вот именно.

— И, однако, не сделал.

— Да, не сделали. Почему?

— Я хочу жить. Мне кажется, это уважительная причина.

— Да, это причина уважительная, — подтвердил Заукель. — А из других летчиков никто не собирается устроить подобное?

— Не знаю, господин майор.

— А если бы знали? Ведь вы обязаны сообщить мне об этом?

Капитан поднял глаза на Заукеля и твердо сказал:

— Нет. Таких сообщений я делать не обязан.

— Что?!

— Я не обязан делать таких сообщений, — повторил капитан. — Я не капо и не доносчик. Чтобы остаться в живых, я готов добросовестно выполнять свои обязанности мишени. С меня их предостаточно. Один человек способен хорошо делать только одно дело. Если вы считаете, что этого недостаточно...

Заукель поглядел на него внимательно.

— То что?..

Капитан снова развел руками.

— В любом случае я летчик, а не доносчик.

— Понятно.

Заукель повертел в руках зажигалку. Это была красивая вещичка — маленький солдатский сапог, выточенный из золотистого металла. Только сапог почему-то был со шпорой.

— Так значит, вы не были с Земцовым друзьями и не знали, что он собирается делать? — повторил Заукель.

— Нет. Если бы я знал, я постарался бы удержать его от этого шага.

— Да? Почему? — быстро спросил Заукель.

— Я считаю, что такие действия бессмысленны. Потеря машины — слишком малая цена за жизнь человека.

— А иначе вы одобрили бы их?

Грабарь подумал.

— Да, хотя от моего одобрения или неодобрения, конечно, мало что зависит.

Глядя на капитана, Заукель о чем-то напряженно размышлял. Бергер, сидевший у окна в напряженной позе, подался к нему.

— Что он говорит? — спросил он по-немецки.

— Он говорит, что твой колченогий не такой уж олух, — проговорил Заукель, нахмурившись.

— Ты что? — встревожился Бергер. — Он знает?..

— Ничего он не знает, — с досадой отмахнулся Заукель.

Грабарь продолжал сидеть все так же невозмутимо, с выражением вежливого внимания на лице. «Колченогий! В бараке под эту кличку подходит только один человек — Алексеев... Правда, это может быть и

кличкой, безотносительной к внешности. Но кличка есть. И хромой человек — тоже...»

— Напрасно ты с ним возишься, Готфрид, — сказал Бергер. — Я на твоем месте давно пустил бы его в расход.

— Да помолчи ты, — оборвал его Заукель.

Бергер криво усмехнулся.

— Могу и помолчать. Если он тебе так нравится — дай ему патроны...

Заукель выпрямился.

— Обер-лейтенант, — холодно сказал он. — Как с ним поступить — решаю я, а не вы. Понятно?

«Патроны... Значит, где-то здесь есть патроны для «Ла-5»? Какое решение принял Заукель? Не из любопытства же он вызвал к себе его, капитана Грабаря. Заукель боится, что он может пойти на таран. И он уже принял какое-то решение относительно его, Грабаря. Какое?»

Майор нажал на столе кнопку звонка и бросил вошедшему эсэсовцу:

— Уведите пленного.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

В бараке было пусто: поскольку полеты отменили, механиков и летчиков отправили в ангар ремонтировать самолеты. Капитан прилег на нары.

Какое решение принял Заукель?

Глядя в доски над собой, Грабарь в тысячный раз обдумывал различные варианты побега из лагеря.

Пеший способ он отверг сразу же. Массовый пеший побег не годился — для этого нужны люди и нужно время, чтобы их организовать. Ни того, ни другого у капитана не было. С людьми он близко познакомиться не успел, а время зависело от решения, принятого Заукелем. Да и шансы при пешем побеге слишком малы: ведь они почти в центре Германии.

Рассчитывать приходилось только на свои силы.

Побег на самолете кажется неосуществимым. Для этого прежде всего нужно горючее — и не на пятнадцать минут полета, а хотя бы на полчаса. Взять его негде. Самолеты немцы заправляли сами под контролем обер-лейтенанта Бергера. Никто из пленных на стоянку в это время не допускался.

Нужен боекомплект для «Ла-5».

Зенитную артиллерию можно сбросить со счета. Даже если бы немцы устроили вокруг аэродрома сплошную огненную стену, он пошел бы на нее. Более серьезное — истребительная авиация. Немцы смогут поднимать самолеты на перехват по всему маршруту, куда бы он ни уходил.

Он пошел бы на риск. Но без горючего риск станет бессмысленным. Надо во что бы то ни стало найти возможность заправить хотя бы одну машину. Тесленко может взлететь с пятнадцатиминутным запасом горючего. Где-нибудь на полпути они сядут, и тогда капитан заберет его в свою машину.

Где взять бензин?..

Он так задумался, что не услышал, как к нему подошел Тесленко.

— Товарищ капитан, зачем вас вызывали? — спросил он.

Грабарь вздрогнул, поднялся.

— Да так... пустяки. Закончили ремонт?

— Нет, после обеда снова погонят... Товарищ капитан, — прошептал он, склонившись, — у нас будут кусачки.

Грабарь приподнял брови. Сержант с огорчением увидел, что его сообщение вовсе не обрадовало капитана.

— Зачем нам кусачки?

— Ну как же... для побега!

Грабарь так и сел.

— Побег с помощью кусачек!.. И куда же мы побежим?

Тесленко обиделся.

— Кастусь Антонович, напрасно вы так... Я же хотел как лучше...

— Понял. Садись, потолкуем, — кивнул Грабарь на нары. — Итак, у нас будут кусачки. Откуда?

— Мне обещал их достать техник Алексеев.

— Алексеев?!

— Да. Что вы так смотрите, товарищ капитан?

— Кто такой техник Алексеев? — резко спросил Грабарь.

— Да вы что, не знаете?! Хромой, он спит вон там, напротив вас. Да вон он, как раз заходит в барак, — указал Тесленко глазами.

Грабарь даже головы не повернул.

— То, что он спит напротив меня, я знаю, — пристально глядя на сержанта, проговорил Грабарь. — И фамилию его я тоже знаю. Даже то, что он хромой, я успел заметить. Какие у тебя есть еще сведения о нем, кроме этих?

— Да что вы в самом деле, товарищ капитан! — взмолился Тесленко. — Тут такая удача, а вы...

Грабарь глубоко вздохнул.

— Мальчик мой, поверь, нам не нужна удача. Нам нужен точный расчет. Математически точный. Только тогда можно что-то затевать. Допустим, что Алексеев — абсолютно честный человек. Он дает нам кусачки. Что мы с ними будем делать? К заграждению мы даже не подойдем — нас перестреляют с вышек. Но, предположим, подойдем. Перережем проволоку. И куда мы побежим?

Тесленко развел руками.

— Ну... там будет видно.

— Это видно и сейчас. В нашей одежке, безоружные, мы прибежим только в крематорий. Или в петлю. Больше некуда.

— Но ведь может же быть...

— Не может! — оборвал Грабарь. — Дальше. Откуда у Алексеева кусачки? Ведь инструмент выдается по счету и сдается так же.

— Не знаю...

— Почему он предложил их именно тебе?

Тесленко смешался.

— Ну... мы просто разговорились, я намекнул, что надо бы достать, он пообещал, вот и все.

— Он тоже собирается бежать с тобой?

— Об этом у нас разговора не было.

— Ясно. Давай условимся вот о чем. Если у вас еще раз зайдет разговор о кусачках, то сделай вид, что ты пошутил. Побег-де — дело опасное, а тебе вовсе не

хочется быть расстрелянным. Все-таки, пока ты служишь мишенью, ты, может, останешься в живых, а после поимки — нет... Так?

Тесленко опустил голову.

— Хорошо, Кастусь Антонович.

Грабарь сморщил лоб, размышляя.

— И еще одно. Не предпринимай ничего без моего ведома. Абсолютно ничего. Ах ты ж, беда... Если эта история с кусачками заинтересует немцев...

Тесленко взглянул на него с испугом.

— Вы думаете...

— Тут все можно думать. Будем надеяться на лучшее.

Грабаря сильно расстроил этот разговор. Стоит не проследить немного за мальчишкой — и тот обязательно что-нибудь натворит... Кусачки... колченогий...

Он хотел было рассказать сержанту о том, что услышал у Заукеля, но, взглянув на его расстроенное лицо, передумал. Не стоило на паренька взваливать дополнительную тяжесть.

На душе у капитана кошки скребли. Ах, будь он неладен, этот Алексеев, со своими кусачками!..

2

Но больше всего капитана интересовал другой техник — немец Вилли Блюменталь, который руководил в ангаре ремонтными работами.

Это был человек лет сорока пяти, совершенно лысый, с тяжелыми темными руками. На нем была военная форма, но он не производил впечатления человека военного. Он молча расставлял людей по местам, жестами объясняя, что от них требуется, и так же молча отходил, уже больше не интересуясь, выполняют ли его указания. Иногда он и сам брался за инструмент, и видно было, что работать он умеет. Когда он увлекался, дело у него шло быстро, он был ловок и уверен. Но потом вдруг застывал с ключом или гайкой в руке и надолго задумывался, не замечая ничего вокруг. Лицо его становилось жалким и растерянным, взгляд — недоумевающим. Казалось, он решал какую-то сложную задачу и не мог решить.

С ним явно было что-то неладно. Возможно, кто-то

из близких погиб на фронте. Или под бомбежкой здесь, в Германии. А может, он наконец понял, что происходит вокруг? Во всяком случае на всем довольного стопроцентного арийца он не походил. Даже до лычек не дослужился, а это уже странно для техника.

Капитан пока не знал, чем ему может пригодиться техник Блюменталь, но если бы с ним удалось сойтись поближе, это было бы неплохо.

Грабарь встречался с техником всего два раза, когда его вместе с другими пленными посылали в ангар. И оба раза ему показалось, что Блюменталь порывался заговорить с ним. Возможно, показалось. А может, техника остановило незнание языка?

Грабарь вовсе не рассчитывал на взаимопонимание или сочувствие техника. Конечно, среди немцев были и антифашисты, но уж слишком мало Блюменталь походил на антифашиста. Капитан знал, что, после того как гитлеровские армии начали терпеть поражение на востоке, многие немцы старались заручиться сочувствием пленных и оказывали им порой мелкие услуги. А в том положении, в котором находился Грабарь, и мелкая услуга могла иметь большое значение.

После обеда — литровой чашки супа, где плавали картофельные очистки и несколько волокон протухшего мяса,— пленных снова погнали в ангар.

Протирая ветошью поршень, капитан нет-нет да и поглядывал на техника Блюменталя. При этом он несколько раз перехватил останавливавшийся на нем взгляд немца. «Значит, не показалось,— подумал капитан.— Странно, что техник тоже интересуется мной...»

Воспользовавшись тем, что немец отошел покурить в отведенное для этого в углу место, капитан бросил работу и направился туда же. У него не было никакой определенной цели, просто он решил взглянуть на техника поближе.

Блюменталь, сгорбившись, сидел на скамейке и курил, сосредоточенно глядя себе под ноги. Грабарь опустился рядом с ним. Тот поднял голову, поглядел на летчика и, вытащив пачку сигарет, протянул ему. Капитан закурил.

— Спасибо.

— Вас? — спросил немец.

— Данке.

Блюменталь кивнул. Потом оглянулся и тихо произнес:

— Руски техник — провокатор.

Капитан приподнял брови и внимательно посмотрел на немца, но ничего не сказал.

— Техник,— повторил тот. Сделал несколько шагов, изображая хромого: — Про-во-ка-тор.

Видя, что летчик по-прежнему молчит, с досадой махнул рукой, пробурчал по-немецки:

— Ну, как тебе объяснить?.. Если б ты знал язык...

— Я знаю ваш язык,— медленно проговорил Грабарь по-немецки, глядя на техника.

Немец поперхнулся дымом и закашлялся. Потом сказал:

— Вот как... Простите. Я хотел предупредить, чтобы вы остерегались хромого русского техника. Он доносит Бергеру обо всем, что говорят пленные.

— Откуда вы знаете?

— Слышал.

— О чем он донес Бергеру?

Немец развел руками.

— Разговор шел о вас. Гра-бар? — произнес он с трудом.

Капитан кивнул.

— А вот что он говорил — не знаю. Не расслышал.

— Почему вы решили, что это донос?

— Я же говорю — несколько раз слышал раньше, как он сообщал Бергеру, о чем говорят летчики. Он хорошо владеет немецким.

— Так...— сказал Грабарь.— Спасибо за предупреждение. «Вот тебе и кусачки...»

Техник нервно смял сигарету.

— Возможно, вы мне не верите... Наверно, думаете, с чего это немец вдруг решил оказать услугу...

Капитан покачал головой.

— Верю.

Блюменталь бросил на него быстрый взгляд.

— Я не жду, что вы замолвите за меня слово, когда мы потерпим поражение...— сказал он тихо.— Я вовсе не потому. Просто... Моя жена второй год находится в лагере. Два сына погибли на фронте. Сейчас подходит очередь третьего... И я спрашиваю себя: когда все это кончится?

— Почему ваша жена в лагере?

— Она была антифашисткой.

— А вы?

Блюменталь покачал головой.

— Нет. Я — нет. И о том, что она антифашистка, я узнал только тогда, когда ее арестовали.

— Я вам сочувствую...

Техник поднялся и махнул рукой:

— А, что там... Если б я мог хоть чем-то помочь...

Капитан покачал головой.

— Вы мне уже помогли. Спасибо.

Блюменталь поднялся со скамейки, и Грабарь поспешил присоединиться к пленным, ремонтировавшим самолет.

Неожиданный доброжелатель обрадовал и одновременно встревожил капитана. Он понимал, что пошел на большой риск, доверившись технику. Правда, он всего лишь открыл, что знает немецкий язык. И все-таки... Все-таки надо получше приглядеться к этому немцу.

Итак, еще одно подтверждение. Что мог сообщить техник Алексеев о нем, Грабаре? Чего теперь следует ожидать?

В тот же день, разыскивая ветошь для протирки самолета, Тесленко наткнулся на тонкий резиновый шланг. Он забросал его хламом, а потом, улучив минуту, показал капитану.

— Здесь метров сорок или пятьдесят.

— Ну и что? — спросил Грабарь, сначала не понявший, что задумал Тесленко.

— Принцип сообщающихся сосудов. Мой самолет стоит выше вашего. Можно перекачать бензин!

Грабарь вздрогнул. Вот оно, решение вопроса!

И сразу же — десяток неразрешимых задач. Как незаметно вынести шланг из ангара? Как пронести его на самолет? Как перекачать бензин под носом у немцев? Как сделать, чтобы они не догадались о том, что готовится побег?..

И все-таки это была надежда. Бензин надо перекачать во что бы то ни стало! Без этого побег немыслим.

— Спрячь шланг получше,— сказал Грабарь сержанту.— И никому ни слова.

— Ну что вы, товарищ капитан! А как думаете — получится?

— Во всяком случае, это лучше, чем кусачки,— буркнул Грабарь.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

Чем больше Грабарь размышлял о побеге на самолете, тем очевиднее становилось, что на невооруженной машине прорваться им едва ли удастся. Надо было не только заправить самолет, но и вооружить его. Но как? Вот если бы Блюменталь не только предупредил об опасности, но и помог заправить и вооружить машину...

А главное — что сообщил Алексеев Бергеру? И что тот предпримет в ближайшие дни или часы?

Машинально протирая деталь за деталью, капитан перебирал один план побега за другим.

Дождаться ночи и попытаться бежать из лагеря? Прорываться после взлета в сторону Чехословакии или Югославии?

Глупо. Все глупо. Это не решение вопроса. Надо заправить и вооружить машину. А для этого необходима помощь немецкого техника Блюменталя. Риск очень велик, но другого выхода Грабарь не видел. Он понимал, что времени у них с сержантом в обрез.

«Патроны для пушек «Ла-5» находятся где-то здесь, раз о них упоминал Бергер,— рассуждал Грабарь.— Вполне возможно, что Блюменталь имеет к ним доступ. Если он согласится дать патроны, то останется перенести их и шланг на самолет».

Но перенести невозможно. Это может стать осуществимым лишь в том случае, если самолет будет в ангаре. Значит, надо сделать так, чтобы он оказался в ангаре...

Как поведет себя Блюменталь? Да, он предупредил об Алексееве. Но это еще ни о чем не говорит. Что, если он донесет Бергеру или Заукелю?

«А другой выход у тебя есть? — спросил себя Грабарь и тут же ответил: — Нет».

Нужно рисковать. Нужно переговорить с Блюменталем.

Пленные протирали ветошью детали, подносили их к ремонтировавшемуся самолету. У ворот ангара стоял охранник, на площадке под крышей — второй. Третий, с овчаркой, прохаживался в конце ангара.

Грабарь огляделся, взял с десяток поршневых колец и, распрямившись, направился к кладовке, где находился Блюменталь. Но в это время техник вышел из кладовки, закрыл ее и вместе с каким-то другим немцем направился к воротам ангара. Грабарь проводил их взглядом и вернулся на свое место.

Вот же незадача! И надо было Блюменталю уйти именно сейчас!

«Растяпа! — обругал себя Грабарь.— Раньше надо было думать!»

Время шло, а техника все не было. Вот раздалась команда строиться. Пленные потянулись сдавать инструмент. Грабарь ждал до последнего мгновения, надеясь, что Блюменталь вот-вот подойдет. Но пленных построили, пересчитали и повели к баракам, а Блюменталь так и не появился.

Приходилось отложить разговор до следующего раза.

Но будет ли этот следующий раз? Ведь он не знает, сколько времени у них в запасе. Если Алексеев донес Бергеру о кусачках, то, может, уже и дня не осталось. Алексеев ведь знает, как Грабарь относится к Тесленко. Знают об этом и Бергер с Заукелем. Им ясно, что если сержанту потребовались кусачки, следовательно, к этому причастен и Грабарь...

Значит, надо использовать каждое оставшееся мгновение.

Значит — действовать!..

2

— Мне надо поговорить с тобой,— сказал он утром Тесленко.— Выйдем-ка давай...

Они вышли из барака.

— Бежать отсюда можно только на самолете,— на-

чал Грабарь.— Уходить нужно в сторону Югославии, потому что немцы считают восточное направление побега наиболее вероятным и смогут поднимать истребители на перехват по всему маршруту. Недаром даже учебный полк расположен на востоке... Так вот, если со мной что-нибудь случится, учитывай все это...

— Товарищ капитан,— перебил его Тесленко,— почему вы об этом заговорили? Что с вами может случиться?

Грабарь передернул плечами.

— С каждым из нас может что-нибудь случиться. А заговорил я потому, что давно хотел это сказать. Сейчас пришло время.

Тесленко покачал головой.

— Вы что-то скрываете, товарищ капитан,— возразил он, с тревогой поглядывая на Грабаря.— Вы чем-то встревожены.

— Сейчас меня вызовут летать,— сказал капитан.— Поэтому слушай и не перебивай... Приглядись внимательнее к лейтенанту Мироненко. Попробуй выяснить, что он за человек. Я за ним наблюдал, и мне кажется, что на него можно положиться. Немецкий техник Блюменталь может оказать содействие, если это не связано с большим риском. Нам он сочувствует.

— Понял.

— Техник Алексеев — провокатор.

Тесленко вздрогнул.

— Что?! Кто вам сказал?!

— Заукель.

Тесленко взглянул на него с изумлением.

— Заукель?!

— Я ведь знаю немецкий язык,— напомнил капитан.— И слышал его разговор с Бергером... А потом Блюменталь подтвердил...

Тесленко судорожно вздохнул.

— Так...

— И последнее. Патроны к пушкам «Ла-5» хранятся где-то здесь, на складах.

Тесленко подался к капитану.

— Ох ты...— сдавленно проговорил он.— Патроны... товарищ капитан, надо добыть их! Во что бы то ни стало!

Капитан отрицательно мотнул головой.

— Пока не предпринимай ничего,— предостерег он.— Все это мы обдумаем позже.

— Позже?.. А если нас сегодня же...

«Именно поэтому я решился...» — хотелось сказать Грабарю. Но он промолчал. Увидев идущего к бараку эсэсовца, сжал руку сержанта выше локтя.

— Ну все. Пока. Это за мной.

— Желаю удачи.

— Ладно, ладно,— проворчал капитан.

Он круто повернулся и зашагал навстречу эсэсовцу.

3

Капитан сел в кабину, закрыл фонарь и погладил ручку управления. «Удачи»...

«Нет, я никогда не рассчитывал на удачу,— подумал он.— Я всегда выполнял свое дело добросовестно, как лошадь. И на этот раз я выполню его добросовестно. Придется хорошо поработать».

Повернув голову, Грабарь увидел подъехавший к ангару грузовик. Из кузова, покрытого тентом, спрыгивали на землю немецкие курсанты. А из-за рощицы выезжали еще два грузовика. Это было что-то новое.

Грабарь вырулил на старт и взмыл в небо.

Он сразу понял, что противником его на этот раз был не курсант, а опытный летчик. Немец точно рассчитал угол атаки. Но капитан на долю секунды опередил его. Он рванул ручку управления и дал левой ноги. Пушечные трассы вспороли небо возле самого самолета.

Вверх! На вертикали «фокке-вульф» должен обязательно отстать. Вверх!

«Что это? — лихорадочно размышлял Грабарь.— Показательный бой для поднятия духа курсантов после инцидента с Земцовым? И во имя этого самого духа решено меня сбить?»

Машина свечой взмыла в небо. Переворот!

Самолеты с ревом и грохотом ввинчивались в синеву, проносились над самой землей, опять взмывали вверх.

Казалось, в воздухе находятся не две машины, а два десятка. Они заполнили все небо.

Тесленко, наблюдавший за боем, то и дело вздрагивал. Пушечные трассы опутывали машину Грабаря, как паутиной. Казалось, еще мгновение, и самолет вспыхнет, упадет на землю. Но каждый раз ему каким-то чудом удавалось вырваться из огненного кольца.

Опыт и мастерство позволяли капитану держаться. Он вертелся среди огненных трасс, рядом с ними, ускользал в сторону, возвращался. Он отступал и снова шел в. атаку. Он проигрывал и неизменно оказывался в выигрыше.

Это была смертельная игра, но он должен был довести ее до конца. Вот когда капитан Грабарь миллион раз сказал спасибо создателю этой чудесной машины. Она была послушна малейшему движению рулей, устойчива, позволяла закладывать любой вираж. И самое главное — у нее была бóльшая скорость, чем у «фокке-вульфа», бóльшая, даже несмотря на то, что тот применял форсаж. Не будь преимущества в скорости, никакое мастерство не помогло бы капитану.

Снова атакует немец. Снова несутся рядом снаряды. Снова нужно уходить и возвращаться.

Грабарь не мог осуществить задуманное сразу. Необходимо было дать мотору выработать как можно больше горючего. Он вовсе не хотел, чтобы ко всем другим неприятностям прибавилась еще и угроза пожара.

Но вот до конца боя остались считанные секунды.

«Пора!» — сказал себе капитан.

Он выбрал мгновение. Он рассчитал. Он увидел, как в воздухе вспухла пушечная трасса.

И положил машину на бок.

Пули перерезали правую консоль истребителя. Рывок вверх! Переворот!

И машина сорвалась в штопор.

Она беспорядочно кувыркалась, все стремительнее приближаясь к земле. От нее отделилось облачко дыма. Оглушительно взвыл мотор. Самолет дернулся. Еще мгновение он держался в воздухе, потом мотор чихнул и заглох.

Наступила мертвая тишина.

Тесленко закрыл глаза. Стоявшие у барака пленные замерли...

— ...два ...три ...четыре...— считал капитан.

Самолет раскручивало в жесточайшем штопоре.

— ...семь...

Капитан терял сознание.

В голове стоял оглушительный, все раздирающий звон.

— Не смей!

Он должен был удержать цифры. Все остальное не имело значения. Только цифры. И он, задыхаясь, хрипло выкрикивал их через равные промежутки времени:

— ...восемь... девять!

Он дал правой ноги и рывком оттолкнул от себя ручку. На самых высоких оборотах взвыл мотор, и самолет, словно выстреленный, метнулся к земле. Капитан бросил взгляд на крыло — пламя сорвано. Он сделал горку и выключил зажигание. Мотор чихнул и заглох.

Машина ударилась о землю, подпрыгнула, еще ударилась и побежала по полосе. Капитан рванул фонарь и отстегнул привязные ремни.

Как только скорость пробега замедлилась, он приподнялся.

Вывалившись из кабины, он прокатился по крылу, упал на землю и откатился в сторону...

Немцы, наблюдавшие за полетом, загалдели. Они видели, каких нечеловеческих усилий стоила пленному советскому летчику эта посадка на искалеченной машине.

А в это время капитан лежал в стороне от самолета, следил за улетавшим «фокке-вульфом» и хохотал.

Это был неудержимый, истерический хохот, который капитан не в силах был подавить. Да он и не старался.

Это было разрядкой того невероятного напряжения, в котором он находился в течение пятнадцати страшных минут, показавшихся ему часами.

Тесленко помог Грабарю дойти до барака.

Капитан едва переставлял ноги. Тесленко увидел, что на лице Грабаря появилась неровная клочковатая щетина. Сержант еще в полку заметил, что такая растительность часто появлялась на щеках летчиков, толь-

ко что избежавших смертельной опасности. Он глядел на Грабаря с тревогой и жалостью. Он понимал, что капитан подставил себя под пули сознательно, хотя и не знал, для чего ему это было нужно.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

За неравным поединком следили не только немецкие курсанты и пленные летчики. Еще более внимательно наблюдал за происходящим майор Заукель. Вместе с обер-лейтенантом Бергером он стоял на краю летного поля и не отрывал глаз от машин.

— Как ты находишь полет этого капитана? — спросил он Бергера, когда Грабарь в очередной раз умело вывел машину из-под удара и сам пошел в атаку.

Обер-лейтенант чистил пилочкой ногти.

— Боюсь, что я мало в этом смыслю,— проговорил он, на секунду прервав свое занятие и равнодушно глянув на кружащиеся в небе самолеты.— Раз не сбит, значит, неплохо.

— Ты попал пальцем в небо, как говорят русские.

Бергер ухмыльнулся.

— Тебе виднее. У тебя на этот счет опыт побогаче,— сказал он, намекая на то, что Заукель был дважды сбит на восточном фронте.

Майор покосился на Бергера.

— Тогда мне было не до смеха.

— Охотно верю. Впрочем, ты должен благодарить их.— Он кивнул на стоявших у барака пленных.— Если бы не они, ты давно уже наверняка сгорел бы во славу германского оружия.

Заукель поморщился. Что за манера — без конца тыкать другим носом в их неприятности!

И все-таки Бергер прав. Ему, Заукелю, повезло. После того как его сбили во второй раз, он долго пролежал в госпитале. А потом пришел приказ откомандировать его в тыл для организации экспериментального учебного аэродрома.

Эту идею он подал еще полтора года назад. Но из-за бюрократической волокиты и неразберихи в верхах дело затянулось. Только когда в этой русской мясорубке начали перемалываться целые авиационные полки и дивизии, в Берлине вспомнили о майоре Заукеле...

Самолеты пронеслись над аэродромом и скрылись за рощей.

— Что говорит о капитане твой колченогий? — спросил Заукель.

— У капитана среди пленных завидный авторитет.

— Этого следовало ожидать.

Бергер покосился на Заукеля и сказал как бы между прочим:

— Капитан и его маленький сержант настойчиво пытаются достать кусачки. Не знаю, что они собираются с ними делать...

Заукель круто повернулся.

— Кусачки?! Вот как... Вызови-ка ко мне обоих! — И, помолчав, добавил: — Не сейчас. Прикажи привести их после обеда. Я жду сейчас полковника Вейса...

2

Когда после обеда пленных привели на работу в ангар, изрешеченный самолет Грабаря уже стоял там. Капитан обошел машину, внимательно осматривая повреждения.

Да, он рассчитал довольно точно, подставив под огонь плоскость. Но несколько пуль пробили и фюзеляж самолета.

Только сейчас Грабарь понял, насколько, в сущности, безнадежной была его затея. Капитан спрашивал себя, как он вообще мог пойти на такое. Если б еще была хоть какая-то реальная надежда на помощь Блюменталя...

Вскоре Блюменталь появился возле самолета. Улучив минуту, когда поблизости никого не было, Грабарь подошел к технику. «Терять уже нечего», — сказал он себе.

— Господин Блюменталь, где хранятся патроны к пушкам «Ла-5»?

Техник смешался.

— Откуда вы знаете о патронах?

— Слышал разговор Заукеля с Бергером. Есть здесь патроны?

— Да,— не сразу ответил Блюменталь.— На нижнем складе.

— На том, что за рощицей?

— Да.

— Кто заведует складом?

— Зачем вам это знать?

— Господин Блюменталь, мне нужны патроны.

Техник вздрогнул.

— Что?!

— Мне нужны патроны,— повторил Грабарь.— Дайте их мне.

— Вы хотите бежать?

— Да.

Блюменталь подумал.

Потом решительно сказал:

— Нет. Этого я не сделаю.

— Почему?

— Я — немец. Я не хочу помогать русским убивать немцев.

— Господин Блюменталь, есть разные немцы...

— Да. И все-таки они немцы. Откуда я знаю, в кого вы будете стрелять? Может, в такого же рабочего, как я.

— Много ли среди немецких летчиков рабочих?

— Немного. Но все равно...

— Мне нужно оружие для защиты. Я должен иметь его.

Блюменталь замотал головой.

— Нет. Я этого не сделаю... Нет.

Грабарь вздохнул.

— Господин Блюменталь, вам нравится то, что происходит на этом аэродроме? — спросил он терпеливо.

— Мне это не нравится.

— В меня, безоружного, стреляют. И в моих товарищей. Имею я право защищать себя?

Блюменталь сгорбился, потом покачал головой.

— И все-таки — нет. Я не коммунист. Я очень многого не понимаю. Я просто рабочий, маленький

человек, которому плохо. И который всего боится. Как вы думаете, что со мной сделают, если узнают, что я дал вам патроны?

— Расстреляют.

— Так чего же вы хотите?

— Получить от вас патроны. Так, чтобы никто не узнал, что дали их вы.

Блюменталь замотал головой.

— Нет. Пожалуйста, не просите. Я хотел бы помочь вам. Но этого я не могу сделать. Мне и так не очень-то доверяют. Бергер знает, что моя жена в лагере. Не исключено, что за мной наблюдают и я могу поплатиться уже за одно то, что разговариваю с вами...

Грабарь стиснул зубы.

— Господин Блюменталь, даю вам честное слово, что без самой крайней необходимости я не выпущу ни одной очереди.

Блюменталь уставился угрюмым взглядом в стену. Он молчал очень долго.

Капитан весь подобрался. От решения техника зависело слишком многое.

— Нет,— сказал тот наконец.

Капитан опустил голову.

— Я очень рассчитывал на вашу помощь,— проговорил он глухо.— Вы хороший техник, господин Блюменталь, и вы должны понять: то, что произошло сегодня с этим самолетом — не случайность...

Блюменталь смотрел на пленного летчика непонимающими глазами. Потом подошел к самолету, долго осматривал его, ощупывал крыло рукой. Когда он повернулся к Грабарю, на лице его было выражение растерянности.

— Значит... вы специально для этого пошли под пули?..

— Да.

Блюменталь хотел что-то сказать, но вдруг осекся и застыл.

— Ком! — послышалось рядом.

Грабарь обернулся и увидел здоровенного охранника, жестом приказывавшего ему подойти. Рядом с охранником стоял Тесленко.

«Неужели к Заукелю? — мелькнуло у Грабаря.— Узнал про кусачки? Или, может быть, шланг?..»

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1

«Дело» майора Заукеля только начиналось. В будущем он рассчитывал значительно расширить программу, выпускать машины в воздух не через час, а через каждые полчаса или даже десять минут. В ближайшее время ожидалось поступление еще нескольких советских самолетов: фашистам удалось захватить их на одном из участков фронта.

Из достоверных источников майор Заукель знал, что его эксперимент, к которому в верхах сначала отнеслись с недоверием, находил все больше сторонников. Из тех же источников стало известно, что майор Заукель скоро превратится в подполковника Заукеля.

Все это радовало майора, и он позволил себе даже некоторый «либерализм» по отношению к пленным. Запретил эсэсовцам избивать летчиков без причины. Распорядился улучшить питание пленных. Теперь дважды в день к литровой чашке баланды им давали по сто граммов хлеба вместо пятидесяти.

С особым вниманием майор Заукель присматривался к Грабарю. Он отлично понимал, что капитан — враг, враг сильный и расчетливый. Его покорность — только маска. Допусти он, майор Заукель, малейшую оплошность, и трудно сказать, что натворит этот вежливый и любезный капитан. Но, однако, он был необходим Заукелю, поскольку являлся одним из лучших летчиков.

Необходим в качестве мишени. Но мишень, решившая устроить побег,— это уже никуда не годилось.

Заукель испытующе глядел на стоявших перед ним Грабаря и Тесленко.

— Вы готовите побег, господин Грабарь? — спросил он.

— Нет, господин майор.

Заукель презрительно сощурился.

— Сержант, зачем вам потребовались кусачки?

Он задал этот вопрос почти шепотом и одновременно резко повернулся к Тесленко. Тот побледнел.

— Я... мне они не нужны.

— Ясно,— сказал Заукель, поворачиваясь к Грабарю.— Так как же, господин капитан? Зачем вам нужны кусачки?

— Мне они не нужны.

— Кто еще собирался бежать с вами?

— Мы не собирались бежать.

Заукель кивнул Бергеру:

— Обработать.

Тот подал знак, и эсэсовцы поволокли летчиков из помещения. Прямо под окнами они принялись избивать их прикладами. Заукель с Бергером стояли в дверях. Время от времени Заукель останавливал избиение:

— Так кто еще собирался бежать вместе с вами? Когда? План побега? Говорите!..

Ответом было молчание.

Потеряв терпение, Заукель махнул рукой. На летчиков выпустили овчарок. Стоявшие вокруг эсэсовцы хохотали.

— Так кто еще собирался бежать вместе с вами?! Когда?..

Зажатый в мальчишеском кулаке Тесленко стебелек пырея стал красным...

2

Летчиков бросили в каменный мешок. Щелкнул ключ. Они остались вдвоем на холодном цементном полу под режущим глаза светом пятисотваттной лампочки.

Грабарь стиснул зубы.

Сержант лежал в углу, поджав под себя ноги, и плакал. Опираясь руками о пол, капитан приподнялся, сел. Несколько минут сидел, покачиваясь, пока в глазах не исчезли кровавые круги.

— Не смей плакать! — сказал он сержанту.— Прекрати сейчас же, слышишь?

— Я не от боли,— прошептал тот.

— Все равно, не смей!

Тесленко судорожно всхлипнул. С трудом поднимая руки, Грабарь снял с себя остатки одежды и начал рвать их на полосы. Потом придвинулся к сержанту.

Тело мальчишки было страшным. Кожа висела лохмотьями, на руках, груди, ногах кровоточили глубокие

раны. Капитану досталось еще больше: когда их рвали собаки, он сколько мог прикрывал собой сержанта.

— Встань!

Он помог сержанту подняться и начал перевязывать. Тот кусал губы, стонал, вскрикивал при каждом прикосновении.

— Не надо... Не надо, товарищ капитан.

— Замолчи!

Грабарь туго стягивал тряпьем раны. Руки его дрожали, на лбу от напряжения выступила испарина — каждое движение стоило ему нечеловеческих усилий.

Закончив перевязывать сержанта, он занялся собой. Остатки куртки ушли на перевязку ног. Потом он разорвал куртку сержанта.

— Помоги мне перевязать руки и грудь,— попросил он.

Тесленко с трудом придвинулся к нему.

— Не гляди так! Мы еще вырвемся, вот увидишь,— сказал капитан.

— Мне не вырваться... Я уже ни на что не способен.

— Эх! — проговорил капитан, морщась и стараясь сдержать готовый сорваться с губ крик.— Человек всегда способен на большее, чем он думает. Ну-ка, привяжи мне это,— указал он на кусок кожи возле левого локтя.— Да покрепче! Не бойся, стягивай сильнее!

Тесленко старался изо всех сил. Потом стянул капитану в нескольких местах грудь.

Грабарь оглядел сержанта, потом себя.

— Ничего,— пробормотал он.— Ничего...

Он закрыл глаза и привалился к стенке.

— Это — конец,— проговорил Тесленко, ложась на пол.

— Нет! — Грабарь открыл глаза.— Мы живы! И будем жить! Нас не так просто отправить на тот свет.— Он снова закрыл глаза. Передохнул.— Не ложись на цементный пол,— сказал он грубовато.— Не хватало еще, чтобы ты схватил воспаление легких! Если не можешь иначе, сядь и прислонись к стенке.

— Какая разница? — возразил Тесленко.— Это уже не имеет значения.

И тем не менее он приподнялся. Как ни странно было заботиться в их положении о том, чтобы не схватить воспаление легких, обыденность слов капитана

заставила его на какое-то время забыть об ужасе всего случившегося.

— Как вы думаете, что они с нами сделают? — спросил сержант.

— Не знаю. Но нам все равно надо держаться. Во что бы то ни стало.

— Я попробую,— пообещал Тесленко.

У него не было сил, у него страшно болело все тело. Провал особенно сильно подействовал на него: ведь он сам был во всем виноват. Эти кусачки... Но капитан держался, и Тесленко изо всех сил тянулся за ним. Только теперь он в полной мере начал понимать, что для него значил этот большой ворчливый человек.

— Товарищ капитан, я продержусь,— сказал он.— Я сделаю все, как нужно. Вы не беспокойтесь.

Грабарь кивнул.

— Неудач может быть много, но когда-нибудь обязательно придет и удача. Не надо только отчаиваться.

Но сам он мало верил своим словам.

3

Утром за ними пришел эсэсовец.

— Ком!

Грабарь начал подниматься, опираясь о стенку. Руки соскользнули, и он упал. Эсэсовец захохотал.

— Ком! Ком!

Капитан стиснул зубы, раздвинул ноги и встал. Затем протянул руку сержанту.

Держась друг за друга, они вышли из камеры.

Их привели к майору Заукелю. В кабинете находился и обер-лейтенант Бергер.

Заукель окинул летчиков взглядом.

— Ну что ж, вы прекрасно выглядите,— проговорил он, сощурившись.— Не вспомнили, кто еще собирался бежать с вами?

— Нет,— сказал Грабарь.

Заукель повернулся к Бергеру и произнес по-немецки:

— Расстрелять! Впрочем...— он внимательно поглядел на Грабаря, потом на Тесленко.— Когда прибывает следующая партия летчиков?

— Через неделю,— сказал Бергер.

— Пускай полетают до прибытия новой партии. Заодно последи, кто с ними еще связан. Такие наверняка есть.

— Слушаюсь,— сказал Бергер.— Только вряд ли они продержатся даже один вылет.

— Продержатся.— Он поднял глаза на Грабаря и сказал по-русски: — Надеюсь, капитан, сейчас у вас пропала охота заниматься побегами?

— Так точно, господин майор.

Заукель усмехнулся.

— Вот и отлично. С завтрашнего дня вы с сержантом будете делать по два вылета в день. Это несколько ухудшит ваше положение, но виноваты в этом только вы сами. Вы меня поняли?

— Я вас понял, господин майор,— медленно проговорил Грабарь.

Заукель кивнул эсэсовцу:

— Отведите в барак.

Эсэсовец подтолкнул летчиков дулом автомата.

4

— Они хотели нас расстрелять? — спросил Тесленко, когда они оказались за колючей проволокой.

— Да.

— И что? Передумали?

Грабарю не хотелось говорить сержанту правду. Если он сейчас скажет, что им дана всего недельная отсрочка, это подкосит мальчишку. А его нужно было разозлить.

— Они решили, что нам не выдержать даже одного вылета,— проговорил он.— Поэтому и передумали.

Тесленко остановился.

— Гады! — злобно проговорил он.— Посмотрим!.. Мы продержимся не один вылет. Мы продержимся столько, сколько потребуется!

Тесленко от ярости даже о боли забыл.

— Ну погодите...— пробормотал он, сжимая кулаки.— Только вырвемся отсюда... Мы вам еще покажем...

Они прошли в барак. Пленные обступили их, сочувствовали, расспрашивали. Лейтенант Мироненко принес четыре бинта и пузырек с йодом.

— Раздобыл у югославов,— пояснил он.— Лечитесь.

— Спасибо,— поблагодарил Грабарь.

— Пустяки,— возразил лейтенант.— Когда я окажусь в таком же положении, вы поможете мне.

— Постарайтесь не оказаться.

Лейтенант усмехнулся.

— Постараюсь. Но гарантировать не могу.

Грабарь и Тесленко смазали раны, перевязались. Отдирать присохшие тряпки было мучительно больно, но после перевязки они почувствовали себя бодрее. Теперь хоть можно было не опасаться заражения крови. После обеденного литра баланды пленных, как всегда, повели в ангар.

Ремонт самолета Грабаря уже подходил к концу. Зато возле ангара появилась еще машина, насквозь изрешеченная пулями.

— На ней летал Логвинов,— сказал Мироненко капитану.

— Что с ним?

— Ранен. Вряд ли выживет.

— Вон что... Значит, теперь и по воскресеньям будем летать?

— Да.

Капитан нахмурился.

— Плохо дело...

Они вошли в ангар. Техник Блюменталь молча махнул рукой в сторону горки деталей в углу. Летчики прошли к ним и занялись чисткой.

Грабарь с Тесленко только делали вид, что работают. На самом деле им трудно было выполнять даже эти несложные движения.

Грабарь чувствовал, как его охватывает смертельная усталость и безразличие ко всему. На что еще надеяться? Принимая вчера решение пойти под пули, он верил, что это даст ему шанс вооружить машину. В ангаре, имея патроны, зарядить пушки не составило бы труда... Он надеялся на помощь Блюменталя. Он шел на смертельный риск. Он сделал все, что мог. И все оказалось бессмысленным.

Не хотелось ни о чем думать, не хотелось ничего видеть, слышать. Забыться бы...

Неожиданно к Грабарю подошел Блюменталь. Капитан только сейчас заметил, как тот побледнел и осунулся.

— Что с вами, господин Блюменталь? — тихо спросил Грабарь.— У вас неприятности?

Техник судорожно вздохнул, потом сказал:

— Они убили ее...

— Что? — спросил капитан, не сразу сообразив.— Кого?

— Жену.

— Откуда вы знаете?

— Утром принесли извещение... умерла от воспаления легких...— Блюменталь покривился.

— Понятно.

— Ничего вам не понятно! — дернувшись, сказал техник.— Вы слышали когда-нибудь, чтобы взрослый человек в нормальных условиях умирал от воспаления легких?

— Бывает.

— Может, и бывает. Но это — ложь. Они всем присылают такие заключения... всем, кого убили или замучили. Уж это-то я хорошо знаю.— Он стиснул зубы.— «Воспаление легких»... Побои и голод — вот что это, а не воспаление...

Он замолчал. Капитан не знал, что ему сказать, как нарушить тягостную паузу. Но Блюменталь заговорил сам.

— Вчера я сказал вам «нет». А сегодня...— Он выпрямился.— Я достану вам патроны.

— Что?! — Грабарь боялся поверить своим ушам.

— Я достану вам патроны,— твердо сказал техник.— И заряжу пушки.

— Спасибо, Вилли,— сдавленно сказал капитан.

— Не говорите глупостей,— дернул тот головой.

— Вилли...— пробормотал капитан.— Я никогда не забуду...

— А, что там,— отмахнулся техник.— Если вам это поможет...— Он отошел.

«Ну что, старина? — сказал себе Грабарь.— Вот и тебе в кои-то веки, кажется, повезло...»

Перед самым концом работы Блюменталь позвал капитана в кладовку и открыл спрятанный под стеллажом ящик:

— Вот.

В ящике лежали отливающие золотом патроны. Точнее, это были крошечные снаряды. Грабарь склонился и погладил холодный металл рукой. Это была жизнь. Он не мог оторвать от них взгляда.

— Спасибо, Вилли.

— Спасибо скажете, когда все будет кончено.

Грабарь внимательно осмотрел пушки своей машины, и еще один камень свалился с души: оружие было в порядке.

— Вилли, и еще к вам одна просьба. Вы можете достать карту юга Германии?

Блюменталь сморщил лоб.

— Достать можно. Правда, не знаю, устроит ли она вас... Из школьного учебника подойдет?

— Любую. Безразлично.

— Постараюсь,— пообещал Блюменталь.

— Хорошо бы побыстрее.

— Завтра принесу.— Он замялся.— Но вам нужно поторопиться. Любая случайность...

— Да,— сказал капитан.— Я понимаю.

Он взял кусочек проволоки и заклинил гашетки, но так, чтобы в любой момент их можно было освободить. Кто знает, вдруг какому-нибудь немцу взбредет в голову нажать их?

Техник Блюменталь сдержал свое слово: на следующий день пушки были заряжены. Грабарь проверил их еще раз и ударом молотка смял защелку. Теперь до боекомплекта можно было добраться, только сломав лючок. Шланг, найденный сержантом, тоже лежал в кабине.

Итак, в распоряжении капитана была не мишень, а вооруженный и грозный самолет.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1

Бергер оказался плохим пророком — летчики не только поднимались в воздух, но и возвращались обратно. Истерзанные, едва переставлявшие ноги на зем-

ле, оказавшись в кабине самолета, они находили в себе новые силы для борьбы.

Но сил становилось все меньше.

Долго продержаться они не могли. Делать по два вылета в день было тяжело даже для Грабаря. Сержанту же приходилось совсем плохо — и потому, что он очень ослаб, и потому, что у него было меньше опыта. К концу первого дня полетов он едва добрался до барака и как подкошенный упал на нары. Грабарь видел, какие героические усилия тот прилагает, чтобы не дать себя сбить.

Нужно было срочно, любыми средствами заправить самолет горючим.

Летчикам должна была помочь строгая до педантичности пунктуальность немцев, неукоснительно придерживавшихся раз заведенного порядка. Так, начав летать на «тридцатке», Грабарь летал на ней и до сих пор. Первый вылет он сделал в девять утра, и с тех пор его неизменно вызывали в это время. Правда, сейчас добавился полет в час тридцать. Тесленко летал в одиннадцать дня и пять вечера.

Сейчас весь план побега держался на сержанте. Немцы заправляли машины сразу после посадки. А поскольку вылет сержанта был последним, он мог с наименьшим риском попытаться перекачать бензин из своего самолета в машину Грабаря.

Но в первые два дня случая не представилось, а на третий сержант заболел. Поднялась температура, ночью он бредил и утром не смог встать.

Грабарь понимал, что из-за болезни немцы вряд ли отменят вылет. Если сержант не поднимется к одиннадцати часам, его просто пристрелят. Несмотря на то что Заукель, казалось, забыл о их существовании, Грабарь был уверен, что тот следит за каждым их шагом. Болезнь сержанта могла послужить толчком к тому, чтобы Заукель разделался с ними обоими.

Капитан не отходил от Тесленко ни на шаг, клал на лоб смоченную в воде тряпку, терпеливо поправлял повязки. Лейтенант Мироненко помогал ему.

— Ах ты, беда...— качал он головой.— Надо же было такому случиться...

«Па чарзе, кали ласка. Па чарзе, кали ласка. Па чарзе...»

Капитан вдруг поймал себя на том, что без конца повторяет эту невесть откуда взявшуюся фразу.

— Па чарзе, кали ласка!

Потом вспомнил, что это из сказки, которую мать рассказывала ему в детстве. Кажется, там речь шла о попугае, жившем у шинкаря. Хозяин постоянно повторял эту фразу своим нетерпеливым клиентам, и попугай затвердил ее. Однажды он удрал от шинкаря. Налетевшие птицы начали беспощадно клевать чужака. А попугай без конца повторял:

— Па чарзе, кали ласка... По очереди, пожалуйста...

До тех пор, пока его не заклевали.

— Глупости,— пробормотал капитан.

Мироненко взглянул на него вопросительно.

— Да нет, ничего...— Капитан выпрямился.— Лейтенант, достаньте чего-нибудь жаропонижающего. Очень вас прошу.

— Я постараюсь,— сказал тот.— Но как быть...

Он хотел спросить, как быть с вылетом Тесленко, но не успел. В барак вошел эсэсовец.

— Заключенный номер двадцать пять! На выход!

Капитан повернулся. Он одернул куртку и шагнул вслед за эсэсовцем.

Вместо заключенного номер двадцать пять шел заключенный номер двадцать четыре. Эсэсовец взглянул на него с недоумением, но ничего не сказал. Вылет должен был состояться...

2

Если в те два дня, когда ему приходилось делать по четыре вылета, капитан Грабарь не погиб, не сошел с ума и даже не пустил в ход имевшийся на самолете боекомплект, то только потому, что дал себе клятву скоро рассчитаться с фашистами за все. У него был к ним длинный счет, и он намерен был предъявить его.

На третий день после обеда прошел дождь. Полеты прекратились. Нескольких человек, в том числе и капитана с сержантом, немцы направили на стоянку чистить самолеты.

Грабарь протер свою машину, потом взял лопату и начал копать канавку между своим самолетом и

машиной Тесленко. Подошел часовой, посмотрел. Грабарь указал на лужу под «шестеркой» сержанта:

— Сток.

Немец понял, кивнул головой и отошел.

Грабарь с тревогой посматривал по сторонам. Прорыть канавку не сложно. Спрятать в ней шланг — вот что было трудно. Вокруг пленные, возле самолетов, как заведенный, ходит часовой.

Он спустился в капонир к своему самолету, вытащил из кабины конец шланга и продернул его под чехлом к баку.

Потом поднялся наверх.

— Отвлеки ребят,— тихо сказал он сержанту.— Уведи в противоположный конец стоянки.

Тесленко кивнул и отошел.

— Эй! Все сюда! — раздался вскоре его голос.— Нужно подравнять самолет!

Пленные потянулись в его сторону.

Грабарь вскочил на крыло своего самолета и выбросил из кабины шланг. Вода уже сбежала по прорытой им канавке. Капитан огляделся, подождал, пока часовой не скрылся за самолетами. Затем быстро уложил шланг в канавку, одновременно затаптывая его ногой.

Он успел проделать все это за считанные секунды, и когда часовой снова прошел мимо, Грабарь уже добросовестно тер тряпкой плоскость. Часовой скользнул по нему равнодушным взглядом и повернул обратно. Капитан перевел дыхание и вытер со лба выступивший пот.

Но дело еще не было закончено.

Когда Тесленко вернулся к своему самолету, Грабарь шепнул:

— Конец шланга под чехлом на твоем самолете. Поднимись и незаметно продерни его к баку.

— Сделаю,— сказал тот, отходя.

Минут через десять он спрыгнул с машины и кивнул: все в порядке.

Начинало темнеть. Грабарь не стал мешкать. Он снова поднялся на свой самолет, оглядевшись, склонился к концу шланга и потянул воздух. Из отверстия ударила тоненькая струйка бензина. Капитан опустил шланг в бак.

3

Когда они вернулись в барак, Грабарь сказал:

— Завтра летим.

Тесленко кивнул.

— Вот только как мне попасть на аэродром вместе с вами? — спросил он.— Я уж голову себе сломал...

Капитан покачал головой.

— Тебе не нужно попадать на аэродром вместе со мной.

Тесленко поглядел на него вопросительно.

— А как же...

Капитан положил ему руку на плечо.

— У нас есть не только бензин,— сказал он.— Самолет имеет полный боекомплект.

Тесленко подпрыгнул.

— Что?! Где вы достали?! Как?

— Тише. Это уже не имеет значения.— Он сжал пальцами плечо сержанта.— Слушай внимательно. Как только меня вызовут, будь готов. Нам надо действовать очень быстро. Сразу после взлета я сшибу немца и разделаюсь с пулеметными вышками. Я прикидывал — это возможно. Увидишь, что я пошел на вышки — беги к стоянке. Не жди, пока я сшибу их все. Немцам будет не до тебя, воспользуйся этим. Постарайся взлететь на любой машине, я тебя прикрою. Взлетай поперек аэродрома, прямо со стоянки, чтобы не пришлось разворачиваться и тратить время. Иди на юг на бреющем. Попробуем прорваться к Югославии.

Тесленко кивнул.

— Понял.

— Еще одно. После взлета, что бы ни творилось на аэродроме или в воздухе, ни на что не обращай внимания. Не ищи и не жди меня. Иди прямо на юг. Если я задержусь, то догоню тебя в пути. Главное, воспользуйся суматохой, не теряй ни секунды. Тебе надо проскочить зенитное заграждение прежде, чем немцы сообразят, что произошло.

— А вы?

— Я — другое дело. У меня есть оружие и горючее.

— Понял. Сделаю.

— Где-нибудь по пути найдем площадку, там сядем. Это придется сделать скорее всего в Австрии.

Я заберу тебя в свою машину. Правда, это будет сложновато... да — ничего. Однажды мне уже приходилось проделывать это.

— Когда?

— В сорок втором... Ты все хорошо понял?

— Да.

— Как ты себя чувствуешь? Сможешь добежать до стоянки? Не свалишься? — капитан внимательно поглядел на него.

— Не свалюсь. Только... — Тесленко замялся.

— Что?

— А как же остальные?

Грабарь нахмурился.

— С остальными будет сложнее. Предупреди их о побеге, но только в самый последний момент, когда я уже пойду на вышки. — Он потер лоб ладонью. — Конечно, это плохо... плохо, что для них это будет полной неожиданностью и многие растеряются. Но предупредить заранее — это почти наверняка обречь дело на неудачу. Мы не можем рисковать. С нас достаточно и Алексеева. Кто может гарантировать, что среди пленных нет и других алексеевых...

Тесленко кивнул:

— Да, так будет лучше.

— Значит, все. Ты все понял?

— Да.

— Тогда — спать. Ложись немедленно.

Они разошлись и легли на нары. Но уснуть им так и не удалось. Они были слишком возбуждены и неотрывно думали о том, что принесет им утро...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

1

В девять утра капитана не вызвали на полеты. Он подумал, что эсэсовец запаздывает, но сердце тревожно сжалось.

В полчаса десятого за ним тоже не пришли.

В десять в бараке появился майор Заукель.

— Заключенный номер двадцать четыре! Ко мне! — сказал он. И капитан понял, что все погибло.

Он медленно поднялся. Тесленко сидел бледный и смотрел перед собой невидящим взглядом. Он тоже понял, что означает приход коменданта.

Майор Заукель неподвижно стоял посреди притихшего барака. Глядя на приближающегося капитана, он презрительно скривился.

— Ближе!

Капитан подошел.

— Вы как будто собрались сегодня бежать? — спросил майор.— И даже на самолете?

Он шагнул вперед и неожиданно изо всей силы ударил капитана носком сапога в пах. Грабарь задохнулся. Заукель ударил его в лицо.

— Свинья!

Он обвел взглядом пленных.

— Господин Грабарь ухитрился заправить свою машину горючим, рассчитывая, что мы не обнаружим этого. Но мы обнаружили. Господин Грабарь будет расстрелян.

«Расстрелян... расстрелян... расстрелян...— медленно доходило до сознания капитана.— Обнаружен только шланг! — вдруг ясно и отчетливо понял он.— О боеприпасах он не знает! И, возможно, горючее еще не слито!» Он медленно выпрямился.

— Вы это очень хорошо продумали, господин майор...— сказал он тихо. Он обвел взглядом замерших в напряженном ожидании пленных.— Так же хорошо, как и все остальное, что вы делаете...— Он в упор поглядел на Заукеля.— Расстрелять на земле безоружного летчика — вот все, на что вы способны! — сказал он с презрением.— Вы трус и палач!

Внутри у него все дрожало, но он должен был довести это до конца. Он должен был выиграть, он чувствовал, что выиграет, если сделает все, как следует. Он знал, что каждое его слово слышит не только Заукель — его слушает весь затаившийся барак. Он шагнул к Заукелю.

— Очень жаль, господин майор, что мне не пришлось встретиться с вами в воздухе,— сказал он, заставив себя усмехнуться.— Даже на безоружной машине я сделал бы из вас окрошку.

Заукель обвел взглядом пленных. Потом высокомерно поглядел на капитана.

— Я прикончу вас в воздухе,— бросил он, круто поворачиваясь.

2

В двери показался эсэсовец.

— Ничего не меняется,— прошептал Грабарь сержанту.— И помни — не теряй ни секунды.

Тот молча сжал руку капитана.

Грабарь встал.

На каком самолете он взлетит? На «тридцатке» или...

Он покосился на сопровождающего эсэсовца. Если его поведут к другому самолету, он убьет немца. Вырвать автомат и полоснуть... Потом разделаться с Бергером, если тот на стоянке.

Он замедлил шаг и сдвинулся правее эсэсовца. Тот не обратил на это внимания. Теперь они шли почти рядом, и до автомата, который держал немец, капитан мог дотянуться одним рывком. Он решил в любом случае завладеть своим самолетом. Он весь подобрался, готовый к мгновенному действию.

Немец подвел его к «тридцатке». Капитан сразу обмяк и глубоко вздохнул.

Бергер безучастно поглядел на пленного и отвернулся.

Грабарь вскочил в кабину. Он сразу же потянулся к гашеткам и снял фиксирующие проволочки.

Бергер махнул рукой, взревел мотор, и машина побежала к взлетной полосе.

Капитан не стал дожидаться обычной команды. Он с ходу развернул машину и начал разбег. «Надо успеть, чтобы герр Заукель не полоснул на взлете».

Майора пока видно не было. Взлетев раньше, капитан выигрывал несколько секунд. Но набрать высоту до прихода Заукеля он не успел. Оглянувшись, он увидел, что «мессершмитт» стремительно падает на него сверху. Капитан метнулся в сторону.

Майор Заукель пока не стрелял. Видимо, он хотел ударить наверняка. Он прошел рядом, и Грабарь увидел его смеющееся лицо.

Это был последний смех майора Заукеля. В следующую секунду «мессершмитт» оказался в сетке прицела, и капитан рубанул из пушек по фонарю кабины.

Видимо, Заукель был убит сразу же, потому что самолет так и не вышел из пике.

Стоянка, и возле самолетов — две темные фигуры. Бергер и эсэсовец. Самолет коротко продрожал, и оба растянулись на земле.

Капитан бросил машину на пулеметную вышку у стоянки. Очередь буквально разнесла деревянное сооружение — капитан видел, как брызнули в стороны щепки. Сделав горку, он перескочил через лесок и с ходу ударил еще одной очередью по вышке у барака. Он видел, что попал. Перед носом самолета мелькнула диспетчерская, и Грабарь с трудом удержался от соблазна полоснуть по ней: нужно было беречь боезапас.

Он развернулся.

Снова с грохотом пронесся самолет над бараком, и снова полетела щепа от вышек...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

1

Как только капитан скрылся, Тесленко подошел к лейтенанту Мироненко.

— Бежать хотите?

Тот стоял возле нар и рылся в соломе в изголовье, что-то отыскивая. Услышав слова сержанта, он повернулся и медленно сел на доски.

— Ты часом не сумасшедший, мальчик?

Тесленко с досадой передернул плечами.

— Я говорю серьезно. Капитан взлетит на вооруженной машине. Пулеметные вышки он собьет, можно захватить самолеты. Если будут преследовать — прикроет. Предупредите, на кого можно положиться. Только учтите, где-то в Австрии нам придется садиться и дальше пробиваться самостоятельно.

Мироненко выпрямился.

— Так ты не шутишь?

— Я давно разучился шутить, лейтенант. Особенно такими вещами.

— Но откуда у него снаряды?

— Вам не все равно? Есть боезапас, есть получасовой запас горючего.

— Все ясно. Я готов.

Лицо Мироненко стало твердым, глаза сузились.

С аэродрома донесся гул мотора.

— Подожди минуточку.

Лейтенант метнулся к летчикам и что-то торопливо зашептал. Через минуту все десять человек выскочили из барака вслед за Тесленко.

Яркий солнечный свет слепил им глаза. Было не по-осеннему тепло, изредка набегал слабый ветерок, ласкавший лица. Летчики с напряжением смотрели в небо, где с секунды на секунду должны были появиться самолеты.

А Тесленко глядел на ворота и чувствовал, как его тело покрывается липким потом.

— Во... ворота! — глухо проговорил он.— Ворота на замке!

Летчики одновременно повернулись к нему.

Обычно днем ворота на замок не закрывались — немцы считали достаточным часовых на вышках. Сегодня сквозь железные прутья был виден замок. Перелезть было нельзя: над острыми прутьями на полтора метра поднималась колючая проволока.

— А, черт! — выругался кто-то.

— Ломать!

— Сбить замок!

— Чем?

— Минутку! — сказал Мироненко.— Стойте спокойно, я раздобуду ломик.

Лейтенант бросился в барак. Через несколько секунд он выскочил обратно и, приподняв куртку, показал спрятанную под ней монтировку.

— Пошли!

— Ч-черт! — выдохнул Тесленко, вытирая дрожащими руками пот со лба.— Из-за такой дряни...

В небе почти одновременно появились две машины и пошли на сближение. Резко и отрывисто проклекотало, и немецкий самолет, дымя, ринулся к земле.

Ухнул за аэродромом взрыв, от которого вздрогнула

земля,— шумно ушел из жизни майор Заукель. Над бараком пророкотала краснозвездная птица, и сразу угловая вышка дрогнула от хлестнувшей по ней очереди.

— Быстрее! — крикнул Тесленко.

Летчики рванулись к воротам. Лейтенант Мироненко сунул монтировку в дужку замка, навалился всем телом. Замок не поддавался. На помощь кинулось сразу несколько человек.

С вышки, находившейся справа от ворот, ударила пулеметная очередь. Рядом с Тесленко мягко, без стона осел Мироненко. На его лице промелькнуло недоумение, он потрогал рукой бок, поднес к глазам окровавленные пальцы. И повалился на чужую, враждебную землю, чтобы уже больше не подняться никогда.

Очередь была короткой, и больше никто не пострадал. Пулемет захлебнулся сразу же: самолет капитана прошел над вышкой и разнес ее так же, как и предыдущие.

— Ломай!

Летчики снова навалились на монтировку. Дужка замка хрустнула.

Летчики распахнули ворота, вырвались из-за проволоки и бросились к стоянке.

2

Пленные не знали, что часовой, находившийся на вышке у стоянки, не был убит. Пули попали ему в ноги, он потерял сознание, но быстро пришел в себя. Оглядевшись, он заметил бегущих к самолетам пленных. Он потянулся к пулемету и припал к прицелу.

Тесленко, напрягая все свои силы, бежал одним из первых. Он почувствовал, как пуля дернула плечо, но только мотнул головой. Рядом упали двое товарищей.

Быстрее!

Самолеты были рядом.

Снова протрещала очередь, кто-то вскрикнул. Вот до самолета всего несколько шагов. Оставалось сделать последний рывок, и тут снова застучал пулемет.

Тесленко споткнулся. Боли он не почувствовал, но правая нога превратилась в деревяшку, которую он пе-

рестал ощущать как часть тела. Сержант со всего маху рухнул на землю.

Он попробовал было подняться, но не смог. А самолет — вот он, рядом, можно рукой дотянуться.

Тесленко зарычал. Он повернулся и, хватая руками траву, покатился к машине. Уцепился за крыло и, задохнувшись от боли, мешком свалился в кабину.

Некогда было оглядываться. Некогда думать о ранах. Справа от него чихнул мотор, зарокотал, машина тронулась с места. Тесленко сдвинул сектор газа и включил зажигание. Самолет ожил, задрожал.

Боль в ноге стала нестерпимой, но одеревенение прошло, и Тесленко мог ею действовать.

Самолет катился все быстрее за ранее начавшей разбег машиной. Это была «восьмерка», но кто в ней сидел, Тесленко не знал. Вдруг «восьмерка» как-то странно качнулась и завиляла. Еще секунда — хвост самолета занесло, машина упала на правое крыло и круто развернулась, едва не задев истребитель сержанта. Видимо, летчик был убит выстрелами с вышки.

Толчки ослабли, и Тесленко почувствовал, что машина наконец оторвалась от земли. Рядом прошла «тридцатка» Грабаря — совсем близко, так что сержант разглядел встревоженное лицо капитана. Тесленко кивнул, и Грабарь развернулся на юг.

Сержант пристроился к его машине.

Оглянувшись, Тесленко увидел сзади еще три самолета, которые тянулись за ними. Остальным подняться не удалось.

Они прошли над ангаром, прогрохотали над какимто селением и растворились в небе.

3

События на аэродроме развернулись настолько стремительно, что никто не успел организовать преследование. Лишь минут через десять были оповещены находившиеся вокруг зенитные части и близлежащие аэродромы. Но зенитчики уже ничего не могли сделать — они лишь ошеломленно глядели в ту сторону, где скрылась группа советских истребителей.

Грабарь напряженно следил за землей. На его коленях лежала карта, которую достал техник Блюмен-

таль. Это была школьная мелкомасштабная карта, пользоваться которой в качестве полетной в нормальных условиях никто не стал бы. Но сейчас годилась и она.

Первая часть плана удалась. Теперь надо было сделать не менее сложное — отыскать подходящую площадку и сесть, чтобы забрать в свой самолет сержанта.

Это было не просто и потому, что не везде отыщешь площадку, и потому, что садиться предстояло на враждебной земле. Беспокоило капитана и другое: сможет ли он взлететь вместе с сержантом? Тогда, в сорок втором, когда Грабарю подобным же образом пришлось вывозить из-за линии фронта Ковалевича, дело было проще. Старший лейтенант не был истощен и обессилен. Он перекинул ногу в кабину, уцепился за куртку и привязные ремни Грабаря и таким образом продержался весь полет.

Но другого выхода нет.

Посадку нужно делать в Австрии. Он рассчитывал на то, что вряд ли немцы успеют быстро предупредить тамошнее командование о побеге, да и неожиданность появления советских истребителей должна сыграть свою роль.

Внизу показалась голубая извилистая полоска — речка Инн. За ней — Австрия. Пора искать площадку, потому что горючее у Тесленко и других летчиков вот-вот кончится.

Капитан внимательно присматривался к земле. Наконец он увидел небольшую зеленую лужайку. Он качнул крыльями: «Делай как я!» — и пошел вниз.

В это время на горизонте появилась какая-то точка, показавшаяся капитану подозрительной. Приглядевшись, он понял, что это самолет. Он шел куда-то в сторону, но, заметив истребителей, повернул к ним.

Вряд ли это могла быть погоня, скорее всего просто случайный немецкий летчик, которого разобрало любопытство. Но беглецам от этого не было легче.

Капитан круто взмыл вверх. Немца надо было сбить, иначе, поняв, кто перед ним, тот немедленно вызовет целую свору.

Капитан оглянулся и с досадой увидел, что остальные самолеты тоже повернули за ним. Предупредить

их он не мог — шлемофонов у летчиков не было, немцы выдавали их только на время полетов. Оставалось надеяться на то, что у беглецов хватит бензина до следующей площадки или они сами догадаются сесть.

Немец спокойно шел навстречу. Это был «мессершмитт» старого типа, довольно плохой самолет по сравнению с «Ла-5». Даже оказавшись совсем рядом с советскими машинами, немец, видимо, не сразу понял, с кем столкнулся. Как-то нерешительно он начал отворачивать в сторону, потом сделал горку и пошел на сближение.

— Ах ты ж, дрянь,— пробормотал капитан.

Он бросил свою машину в боевой разворот и нажал гашетку. Стукнула короткая очередь. «Мессершмитт» клюнул, попробовал выровняться, но Грабарь уже сделал следующий доворот и полоснул сверху по мотору. Медленно заваливаясь на правое крыло и дымя, немец пошел к земле.

Грабарь начал было делать разворот, чтобы отыскать площадку, над которой они пролетели, но заметил впереди еще одну лужайку и пошел к ней. Он сделал круг, определяя, смогут ли сесть самолеты. Площадка была довольно ровной и просторной, и капитан начал снижаться.

Машина коснулась земли, сделала пробег и развернулась. Через небольшие интервалы приземлились и остальные беглецы.

Грабарь не стал выключать мотор — он ждал, когда Тесленко доберется до него. Но машина приземлилась, а сержант не выходил. Грабарь вылез из кабины и побежал к самолету Тесленко.

Тот сидел в кабине, прислонившись к борту, и на лице его не было ни кровинки.

Подбежали остальные летчики, среди которых капитан увидел Соломеина. Лицо его сияло, он размахивал руками и все время порывался сказать что-то капитану. Наконец он дернул Грабаря за рукав и выкрикнул:

— Вот это — работа! Класс!..

Капитан огляделся.

— А Мироненко? Он не смог взлететь?

— Погиб,— сказал кто-то.

Грабарь помрачнел.

— Жаль. Помогите вытащить сержанта и перевязать,— попросил он.

Летчики бросились на помощь. Они вытащили Тесленко, быстро перевязали и перенесли к самолету Грабаря.

— Что вы собираетесь делать? — спросил Соломеин.

— Увезти его в Югославию.

— Он не сможет продержаться,— проговорил тот с сомнением.— Оставьте лучше с нами, а сами улетайте.

— Я продержусь! — сказал Тесленко, услышав эти слова.

Капитан кивнул головой.

— Поднимите его ко мне.

Летчики помогли сержанту забраться в кабину. Он ухватился за привязные ремни капитана. Грабарь поглядел на оставшихся троих летчиков.

— Машины — поджечь! — приказал он. Протянул им листок.— Возьмите карту. Пробирайтесь на юг, к Югославии. Постарайтесь найти партизан.

— Поняли, товарищ капитан.

— Ну, до свидания. Может, еще и свидимся...

— До свидания!

Грабарь дал газ. Машина разбежалась и прыгнула в ослепительно голубое небо.

Она становилась все меньше и меньше. Вот она последний раз блеснула в солнечных лучах и растаяла.

Летчики проводили ее взглядами. Потом посмотрели друг на друга.

— Ну... пошли и мы.

Туболев В. Б.

Т 82 Одиночный полет. Повести. Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство, 1974.

208 с. с илл.

В книгу молодого свердловского писателя вошли две повести — «Одиночный полет» и «Чужое небо». Повести рассказывают о мужестве и героизме советских летчиков в годы Великой Отечественной войны.

$Т\frac{0732-046}{М\ 158(03)-74}$ Р2

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Борисович Туболев

ОДИНОЧНЫЙ ПОЛЕТ

Редактор *М. Немченко*
Художник *В. Бубенщиков*
Художественный редактор *М. Кошелева*
Технический редактор *К. Проскурникова*
Корректор *Л. Гупало*

Сдано в набор 23/I 1974 г. Подписано в печать 21/V 1974 г. НС 16099. Бумага типографская № 1. Формат 84×108/32. Уч. изд. л. 10,8. Усл. печ. л. 10,9.
Тираж 75 000. Заказ 47. Цена 56 коп.

Средне-Уральское книжное издательство, Свердловск, Малышева, 24.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

ед-

и —
му-
вен-

P2

